

Научный центр «LJournal»

Научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

№123, Июль 2025
(Часть 2)

Самара, 2025

T33

**Научный журнал «Тенденции развития науки и образования»
№123, Июль 2025 (Часть 2) - Изд. Научный центр «LJournal»,
Самара, 2025 – 152 с.**

Тенденции развития науки и образования – это научный журнал, который в большей степени предназначен для научных работников, преподавателей, доцентов, аспирантов и студентов высших учебных заведений как инструмент получения актуальной научной информации.

Периодичность выхода журнала – ежемесячно. Такой подход позволяет публиковать самые актуальные научные статьи и осуществлять оперативное обнародование важной научно-технической информации.

Информация, представленная в сборниках, опубликована в авторском варианте. Орфография и пунктуация сохранены. Ответственность за информацию, представленную на всеобщее обозрение, несут авторы материалов.

Метаданные и полные тексты статей журнала передаются в наукометрическую систему ELIBRARY.

Электронные макеты издания доступны на сайте научного центра «LJournal» – <https://ljournal.org>

© Научный центр «LJournal»
© Университет дополнительного
профессионального образования

УДК 001.1
ББК 60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чернопятов Александр Михайлович
Кандидат экономических наук, Профессор

Царегородцев Евгений Леонидович
Кандидат технических наук, доцент

Пивоваров Александр Анатольевич
Кандидат педагогических наук

Малышкина Елена Владимировна
Кандидат исторических наук

Ильященко Дмитрий Павлович
Кандидат технических наук

Дробот Павел Николаевич
Кандидат физико-математических наук, Доцент

Божко Леся Михайловна
Доктор экономических наук, Доцент

Бегидова Светлана Николаевна
Доктор педагогических наук, Профессор

Андреева Ольга Николаевна
Кандидат филологических наук, Доцент

Абасова Самира Гусейн кызы
Кандидат экономических наук, Доцент

Попова Наталья Владимировна
Кандидат педагогических наук, Доцент

Ханбабаева Ольга Евгеньевна
Кандидат сельскохозяйственных наук, Доцент

Вражнов Алексей Сергеевич
Кандидат юридических наук

Ерыгина Анна Владимировна
Кандидат экономических наук, Доцент

Чебыкина Ольга Альбертовна
Кандидат психологических наук

Левченко Виктория Викторовна
Кандидат педагогических наук

Петраш Елена Вадимовна
Кандидат культурологии

Романенко Елена Александровна
Кандидат юридических наук, Доцент

Мирошин Дмитрий Григорьевич
Кандидат педагогических наук, Доцент

Ефременко Евгений Сергеевич
Кандидат медицинских наук, Доцент

Шалагинова Ксения Сергеевна
Кандидат психологических наук, Доцент

Катермина Вероника Викторовна
Доктор филологических наук, Профессор

Полицинский Евгений Валериевич
Кандидат педагогических наук, Доцент

Жичкин Кирилл Александрович
Кандидат экономических наук, Доцент

Пузыня Татьяна Алексеевна
Кандидат экономических наук, Доцент

Ларионов Максим Викторович
Доктор биологических наук, Доцент

Афанасьева Татьяна Гавриловна
Доктор фармацевтических наук, Доцент

Байрамова Айгюн Сеймур кызы
Доктор философии по техническим наукам

Лыгин Сергей Александрович

Кандидат химических наук, Доцент

Заломнова Светлана Петровна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Радкевич Михаил Михайлович

Доктор технических наук, Профессор

Гуткевич Елена Владимировна

Доктор медицинских наук

Матвеев Роман Сталинарьевич

Доктор медицинских наук, Доцент

Пронина Наталья Андреевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Шамутдинов Айдар Харисович

Кандидат технических наук, Профессор

Найденев Николай Дмитриевич

Доктор экономических наук, Профессор

Романова Ирина Валентиновна

Кандидат экономических наук, Доцент

Хачатурова Карине Робертовна

Кандидат педагогических наук

Кадим Мундер Мулла

Кандидат филологических наук, Доцент

Григорьев Михаил Федосеевич

Доктор сельскохозяйственных наук

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ VI. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	8
Акпарова А.Т., Жусупова Н.Ы., Бекишова А.Н. Международные договоры: на пути к согласию и актуальные проблемы заключения.....	8
Бабиев И.М. Проблемы реализации в уголовном судопроизводстве принципа разумного срока.....	11
Байчорова Ф.Х., Хубиев А.К. Допрос как средство доказывания на предварительном следствии.....	14
Байчорова Ф.Х., Чипчиков А-Х.Э. Характеристика насильственной преступности осужденных в местах лишения свободы.....	16
Банников С.И., Келина Г.А. Методика обучения огневой подготовке сотрудников правоохранительных органов на современном этапе.....	18
Богатырева Н.И., Ширманов Е.В. Мотив экстремистской направленности как обстоятельство повышающего степень общественной опасности преступного деяния.....	21
Борисова А.С. Глобализация и ее влияние на международное право.....	23
Бульдяева К.А., Банников С.И. Нормативно-правовое обеспечение огневой подготовки сотрудников полиции.....	25
Бульдяева К.А., Крысин В.А. Прокурорский надзор как инструмент борьбы с коррупцией.....	29
Воронова А.В. Участие Российской Федерации в вопросах международно-правовой защиты окружающей среды.....	33
Гасимова Е.Н. кызы Гражданско-правовая ответственность за нарушение обязательств в условиях экономической нестабильности.....	36
Голованова О.В., Кашуркина А.А., Перепелкин В.Ю. Аффект в уголовном праве: от теории к судебной практике.....	38
Жангараев Н.Т., Ырысбекова Б.Д. Проблема исполнения судебных решений, как пробел законодательства исполнительного производства Кыргызской Республики.....	42
Иваненко М.М. К вопросу о классификации форм соучастия в преступлении.....	48
Иваненко М.М. К вопросу о понятии соучастия в преступлении: исторические и теоретические аспекты.....	51
Кагирова К.М. Использование цифровых следов из открытых источников для изучения личности на стадии проверки сообщения о преступлении.....	53
Катышева Е.Н. О проблемах реализации защиты прав человека в Российской Федерации.....	60
Келина Г.А., Крысин В.А. К вопросу об осуществлении прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан.....	63
Кильдигушев И.И. Становление и развитие органов внутренних дел как участника уголовного процесса: историко-правовой анализ.....	66
Коряченцова С.И., Гладковская А.О. К вопросу о практике реализации средств материнского капитала.....	69

Лазаренко Т.В., Чеботарева И.Ю., Мамишева З.А. Национальное законодательство как инструмент реализации концепции устойчивого развития.....	72
Лебедева Р.Р. Правовое регулирование прогрессивной системы отбывания наказаний	76
Лесовский Ю.Ю. Гражданско-правовая ответственность за нарушение конфиденциальности персональных данных	78
Литвишков И.И. Особенности рассмотрения уголовных дел в отношении военнослужащих	81
Литвишков И.И. Цифровизация уголовного судопроизводства.....	83
Мавлянова Т.А., Аширбаева Н.К., Мойдунова С.К. Вещественные доказательства: понятие и виды	86
Мамишева З.А., Чеботарева И.Ю. Основы концепции устойчивого развития в современном мире.....	90
Мартьянов И.Д., Егорова Д.В. Актуальные вопросы усыновления (удочерения) ребенка иностранными гражданами в условиях внешнеполитической напряженности	94
Масюткина П.Е. Обеспечительные меры в делах о привлечении к субсидиарной ответственности.....	97
Минасян С.К. Административная ответственность в области экологических правонарушений.....	102
Нарбаев О.Б., Саймидинов Ш.Р., Эргешов М.Т. Теоретические и практические аспекты моделирования в судебно-экспертной деятельности.....	105
Нестеренко Д.Г. Актуальные вопросы прокурорского надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнения законов	108
Окользин В.С. Особенности участия несовершеннолетнего в гражданском процессе	111
Перепелкин В.Ю., Ерофеева В.В. Особенности условий правомерности и их нарушение при необходимой обороне	114
Раимбердиев Р.Р., Жээнбекова Ж.С., Кадыралиев К.У. Проблемные аспекты правового регулирования и осуществления следственных действий.....	117
Рахматулин А.В. Теоретические аспекты содержания права собственности	120
Сейитбек кызы К., Акматбекова А.Т., Садыков А.Б. Преступные посягательства должностных лиц на предпринимательскую деятельность: классификация и особенности	122
Сивоконева П.С. Перспективы развития информационного права в России	125
Симонова В.Н., Ширманов Е.В. Методика применения специальных средств в рамках проведения специальных операций по борьбе с экстремизмом и терроризмом оперативными подразделениями органов внутренних дел.....	127
Туршук Л.Д. Личные фонды в российском гражданском законодательстве.....	131
Туршук Л.Д. Сравнительный анализ оформления завещания по российскому и китайскому законодательству	134
Укуев А.Ч., Ормонова Э.А., Камалов А.Н. Правовое регулирование и эффективность молодежной политики в местном самоуправлении: проблемы и перспективы	137

Эргашов А.М., Кудаяров Ж.Ж., Муратов К.Э. Особенности уголовной ответственности за посягательства на предпринимательство 140

РАЗДЕЛ VII. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ..... 145

Андреев И.В. М.Я. Острогорский: идейное наследие и современность..... 145

РАЗДЕЛ VI. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акпарова А.Т., Жусупова Н.Ы., Бекишова А.Н.

**Международные договоры:
на пути к согласию и актуальные проблемы заключения**

*ОшГУ
(Кыргызстан, Ош)*

Аннотация

Статья посвящена анализу современных вызовов и проблем, возникающих в процессе заключения международных договоров. Рассматриваются традиционные этапы договорного процесса в контексте новых геополитических реалий, технологического прогресса и возрастающей роли негосударственных акторов. Особое внимание уделяется сложности достижения консенсуса в многосторонних переговорах, вопросам толкования и имплементации, а также динамике соотношения международного и внутригосударственного права.

Ключевые слова: международный договор, международное право, заключение договоров, многосторонние переговоры, суверенитет, толкование, имплементация.

Abstract

This article is dedicated to analyzing the modern challenges and issues arising during the conclusion of international treaties. It examines the traditional stages of the treaty-making process within the context of new geopolitical realities, technological advancements, and the increasing role of non-state actors. Particular attention is given to the difficulty of achieving consensus in multilateral negotiations, questions of interpretation and implementation, as well as the dynamics between international and domestic law.

Keywords: international treaty, international law, treaty conclusion, multilateral negotiations, sovereignty, interpretation, implementation.

Международный договор, будучи основным источником международного публичного права, на протяжении веков служил и продолжает служить фундаментом для регулирования отношений между государствами и другими субъектами международного права. От подписания мирных соглашений до формирования глобальных экономических и экологических режимов – договорная практика является краеугольным камнем международного сотрудничества и поддержания правопорядка. Однако, в условиях стремительной трансформации современного миропорядка, процесс заключения международных договоров сталкивается с беспрецедентными вызовами, требующими глубокого теоретического осмысления и поиска практических решений. Актуальность данной проблематики обусловлена не только возрастающей сложностью международных отношений, но и появлением новых факторов, влияющих на волеизъявление государств и эффективность их договорной деятельности. Целью настоящей статьи является системный анализ актуальных проблем, возникающих на различных этапах заключения международных договоров, а также выявление потенциальных путей их преодоления. В качестве методологической основы исследования используются диалектический, системный, сравнительно-правовой и историко-правовой методы, что позволяет рассмотреть феномен международного договора в его динамическом развитии и многогранности.

Институт международного договора имеет глубокие корни в истории международных отношений и детально кодифицирован в Венской конвенции о праве

международных договоров 1969 года (далее – Венская конвенция). Этот документ, являющийся по сути "конституцией договоров", закрепляет основополагающие принципы и нормы, регулирующие заключение, действие, толкование, изменение, недействительность и прекращение международных договоров. Центральным принципом, лежащим в основе всего договорного права, является *pacta sunt servanda* – договоры должны соблюдаться добросовестно [1].

Процесс заключения международного договора традиционно включает в себя ряд последовательных этапов [2]:

1. **Выработка текста договора и его принятие:** происходит путем переговоров между уполномоченными представителями субъектов международного права.
2. **Установление аутентичности и окончательности текста:** подтверждение того, что текст является окончательным и не подлежит изменениям.
3. **Выражение согласия на обязательность договора:** может осуществляться различными способами, такими как подписание, обмен документами, ратификация, принятие, утверждение, присоединение или любой другой способ, о котором условились договаривающиеся стороны.
4. **Вступление договора в силу:** момент, с которого договор начинает порождать юридические последствия для его участников.
5. **Регистрация и депонирование:** обеспечение публичности и доступности договора.

Каждый из этих этапов содержит в себе потенциальные сложности, которые в современных условиях лишь усугубляются. Несмотря на детальную кодификацию договорного права, современные реалии порождают целый ряд проблем, затрудняющих эффективное заключение международных договоров.

В условиях растущего числа субъектов международного права и диверсификации их интересов, достижение консенсуса по тексту многостороннего договора становится крайне сложной задачей. Процесс переговоров зачастую затягивается на годы, а иногда и десятилетия, что может привести к потере актуальности предмета регулирования. Различия в экономических, политических и культурных системах государств, а также их геополитические амбиции, часто становятся непреодолимым препятствием на пути к формулированию взаимоприемлемых норм. Примером может служить длительный и сложный переговорный процесс по Рамочной конвенции ООН об изменении климата и последующим Парижским соглашениям, где консенсус достигался с огромным трудом из-за противоречий между развитыми и развивающимися странами. Даже после успешного заключения договора, его толкование и обеспечение единообразия применения могут стать серьезной проблемой. Неоднозначность формулировок, переводческие ошибки, изменения в международно-правовом контексте, а также отсутствие общепризнанных механизмов толкования могут привести к расхождениям в понимании и применении договорных норм. Это, в свою очередь, подрывает принцип *pacta sunt servanda* и ставит под угрозу стабильность международных отношений [3]. Проблема особенно остра в многосторонних договорах, где каждый участник может иметь свой взгляд на смысл и цель положений.

Процесс ратификации и последующая имплементация международных договоров в национальное законодательство зачастую являются камнем преткновения. Различия в

конституционных системах, степень открытости национального права к международным нормам, а также политическая воля или ее отсутствие могут заблокировать или существенно исказить применение международного договора. Конфликт интересов между международными обязательствами и национальными приоритетами, особенно в чувствительных областях, таких как права человека, окружающая среда или экономическое регулирование, создает напряжение и порождает правовую неопределенность.

Преодоление вышеуказанных проблем требует комплексного подхода и развития инновационных решений в области международного договорного права.

Во-первых, необходимо укрепление **дипломатии консенсуса** и развитие механизмов предотвращения и разрешения споров на стадии переговоров. Это включает в себя расширение использования медиации, фасилитации и других форм мирного урегулирования.

Во-вторых, следует рассмотреть возможность более четкого определения **роли негосударственных акторов** в процессе заключения договоров. Это может быть реализовано путем предоставления им консультативного статуса, установления прозрачных процедур их участия и, при необходимости, разработки этических кодексов для лоббирования интересов.

В-третьих, для обеспечения единообразия толкования следует активно использовать практику международных судов и арбитражей, а также развивать доктрину толкования международных договоров. Создание прецедентов и рекомендаций, а также проведение регулярных консультаций между государствами-участниками договора, могут способствовать устранению двусмысленностей.

В-четвертых, для гармонизации **международного и национального права** необходим постоянный диалог между международными и внутригосударственными правоведами. Разработка модельных законов, предоставление технической помощи государствам в процессе имплементации, а также укрепление роли конституционных и верховных судов в процессе применения международных норм могут снизить напряженность в этой сфере [4].

Институт международного договора, несмотря на свою фундаментальную значимость, переживает период серьезных испытаний. Актуальные проблемы, связанные со сложностью достижения консенсуса, влиянием негосударственных акторов, вызовами технологического прогресса, а также вопросами толкования и имплементации, требуют от международного сообщества новых подходов и нестандартных решений. Однако, именно в условиях этих вызовов заложен потенциал для эволюции международного договорного права, его адаптации к реалиям XXI века. Дальнейшее развитие правовой науки, укрепление сотрудничества между государствами и международными организациями, а также готовность к компромиссам являются ключевыми факторами для обеспечения того, чтобы международные договоры продолжали служить эффективным инструментом достижения согласия и поддержания мира и безопасности на международной арене.

1. Галенская Л.Н. Международное частное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 528 с.
2. Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 784 с.
3. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 544 с.
4. Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М.: Проспект, 2011. 288 с.

Бабиев И.М.

Проблемы реализации в уголовном судопроизводстве принципа разумного срока

*(ф) Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
(Россия, Ростов-на-Дону)*

Научный руководитель: Гаврицкий А.В.

Аннотация

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленный в ст. 6.1 УПК РФ является одной из ключевых гарантий справедливого правосудия. Настоящая статья посвящена анализу проблем реализации данного принципа в российском уголовном процессе. Рассматриваются законодательные, организационные и правоприменительные факторы, препятствующие соблюдению разумных сроков, включая перегруженность судебной системы, несовершенство процессуальных норм и региональные диспропорции. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации и международных стандартов на совершенствование механизмов обеспечения разумного срока. На основе анализа судебной практики и научных исследований предлагаются рекомендации по оптимизации уголовно-процессуального законодательства и правоприменения.

Ключевые слова: разумный срок, уголовное судопроизводство, УПК РФ, судебная практика, процессуальная экономия, цифровизация, права личности.

Abstract

The principle of a reasonable time in criminal proceedings, enshrined in Art. 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, is one of the key guarantees of fair justice. This article analyzes the problems of implementing this principle in Russian criminal proceedings. It examines legislative, organizational, and law enforcement factors that impede compliance with reasonable time limits, including judicial overload, imperfect procedural norms, and regional disparities. Particular attention is paid to the impact of digitalization and international standards on improving mechanisms for ensuring a reasonable time limit. Based on the analysis of judicial practice and scientific research, recommendations are offered for optimizing criminal procedural legislation and law enforcement.

Keywords: reasonable time limit, criminal proceedings, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, judicial practice, procedural economy, digitalization, individual rights.

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленный в ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) выступает важным элементом обеспечения справедливого правосудия. Он направлен на минимизацию временных затрат при рассмотрении уголовных дел, защиту прав участников процесса и предотвращение необоснованных задержек, которые могут подорвать доверие к судебной системе. Несмотря на законодательное закрепление принципа, его практическая реализация сталкивается с рядом проблем, обусловленных как несовершенством нормативной базы, так и организационными и правоприменительными факторами.

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства представляет собой комплексную правовую категорию, направленную на обеспечение оперативности и эффективности правосудия без ущерба для качества рассмотрения дел. В соответствии со ст. 6.1 УПК РФ, разумный срок охватывает период от начала уголовного преследования до завершения производства по делу, включая стадии предварительного расследования и судебного разбирательства [1].

Теоретическая основа принципа базируется на концепции процессуальной экономии, разработанной в трудах П.А. Лупинской и В.Д. Адаменко, которая предполагает оптимальное сочетание скорости, качества и законности при производстве

по уголовным делам [2, с. 67]. Принцип разумного срока также связан с концепцией прав человека, закрепленной в международных актах, таких как Всеобщая декларация прав человека (ст. 10) и Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 14). В российской доктрине данный принцип рассматривается как производный от принципов законности, справедливости и защиты прав личности [3].

Критерии разумности срока включают: сложность дела; поведение сторон и органов власти; значимость дела для заявителя. Эти критерии находят отражение в российской судебной практике, однако их применение не всегда единообразно, что обуславливает необходимость анализа проблем реализации принципа.

Нормативное регулирование принципа разумного срока в УПК РФ (ст. 6.1) содержит ряд недостатков, препятствующих его эффективной реализации.

Во-первых, ст. 6.1 УПК РФ не устанавливает конкретных временных рамок для отдельных стадий уголовного процесса, что приводит к субъективному толкованию термина «разумный срок» [1]. Отсутствие четких критериев затрудняет контроль за соблюдением сроков и создает риск произвольного продления процессуальных действий, особенно на стадии предварительного расследования.

Во-вторых, механизмы компенсации за нарушение разумного срока, предусмотренные Федеральным законом от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», недостаточно эффективны. Судебная практика показывает, что суммы компенсаций часто не соответствуют тяжести последствий для заявителей, а процедура их получения осложнена бюрократическими барьерами [4].

Перегруженность судебной системы остается одной из ключевых причин нарушения разумного срока. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году средняя продолжительность рассмотрения уголовных дел в судах первой инстанции составила 6,8 месяцев, что превышает рекомендуемые сроки для дел средней сложности [5]. Основными факторами являются нехватка судей, недостаточное финансирование судебной инфраструктуры и высокая нагрузка на следственные органы.

Региональные диспропорции также играют значительную роль. В удаленных регионах, таких как Сибирский или Дальневосточный федеральные округа, сроки рассмотрения дел нередко превышают средние показатели из-за ограниченного доступа к квалифицированным кадрам и материально-техническим ресурсам [6, с. 759].

Поведение сторон, включая тактику затягивания процесса со стороны защиты или обвинения, также влияет на соблюдение разумного срока. Например, неоднократные ходатайства о проведении дополнительных экспертиз или возвращении дела на доследование могут значительно увеличивать продолжительность производства [7, с. 19].

Цифровизация уголовного судопроизводства, несмотря на потенциал для ускорения процессов, сталкивается с рядом проблем. Отсутствие единой цифровой платформы для подачи ходатайств, ознакомления с материалами дела и проведения видеоконференцсвязи ограничивает доступ к правосудию, особенно в удаленных регионах [8, с. 114]. Кроме того, недостаточная подготовка судей и следователей к использованию цифровых технологий замедляет внедрение таких инструментов, как электронное делопроизводство.

Для устранения законодательных пробелов предлагается внести изменения в ст. 6.1 УПК РФ, установив конкретные временные рамки для ключевых стадий уголовного процесса (например, не более 6 месяцев для предварительного расследования дел средней сложности). Это позволит повысить предсказуемость и прозрачность процедур.

Также необходимо реформировать механизм компенсации за нарушение разумного срока. Предлагается установить минимальные размеры компенсаций, пропорциональные тяжести последствий, и упростить процедуру их получения, исключив избыточные формальности [9, с. 4].

Предлагаемая редакция ст. 6.1 УПК РФ:

1. Уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок, который не должен превышать:
 - а. 6 месяцев для предварительного расследования по делам средней сложности;
 - б. 12 месяцев для судебного разбирательства в первой инстанции по делам средней сложности.
2. Нарушение разумного срока подлежит компенсации в порядке, установленном федеральным законом, с учетом характера дела, поведения сторон и последствий для заявителя.

Для устранения перегруженности судебной системы необходимо:

- увеличить финансирование судов, особенно в удаленных регионах, для обеспечения достаточного числа судей и технических ресурсов;
- внедрить систему приоритетного рассмотрения дел с высокой общественной значимостью или затрагивающих права личности (например, дела с применением меры пресечения в виде заключения под стражу) [10, с. 70];
- разработать рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по применению критериев разумности срока, включая учет сложности дела и поведения сторон.

Внедрение единой цифровой платформы для уголовного судопроизводства позволит ускорить процессуальные действия, такие как подача ходатайств, уведомление сторон и проведение судебных заседаний в формате видеоконференцсвязи. Необходимо также обеспечить обучение судей и следователей работе с цифровыми технологиями, что повысит оперативность и доступность правосудия [10, с. 117].

Таким образом, принцип разумного срока уголовного судопроизводства является важной гарантией справедливого правосудия, однако его реализация в России сталкивается с законодательными, организационными и правоприменительными проблемами. Неопределенность нормативных рамок, перегруженность судов, региональные диспропорции и недостаточная цифровизация препятствуют оперативному рассмотрению дел. Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего уточнение норм УПК РФ, усиление судебного контроля и внедрение цифровых технологий. Предложенные меры позволят повысить эффективность уголовного судопроизводства, обеспечить защиту прав участников процесса и укрепить доверие к правосудию.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. – М.: Норма, 2020. – 512 с.
3. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. – М.: Юрайт, 2023. – 456 с.
4. Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства РФ. – 03.05.2010. – № 18. – Ст. 2144.
5. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Статистические данные за 2024 год. – URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 29.06.2025)
6. Ероха А.Н., Рудик М.В. Проблемы реализации принципа разумного срока в уголовном процессе // Журнал российского права. – 2025. – № 3. – С. 758-760.
7. Голиков С.И. Проблемы соблюдения сроков в уголовном судопроизводстве // Законность. – 2025. – № 12. – С. 18-20.
8. Петрова Н.Е. Цифровизация уголовного судопроизводства: вызовы и перспективы // Право и цифровая экономика. – 2025. – № 2. – С. 112-118.
9. Лебедева С.М., Корякина З.И. Проблемы компенсации за нарушение разумного срока // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 1. – С. 3-5.
10. Затеев П.Е., Носкова Е.В. Организационные аспекты обеспечения разумного срока // Российский судья. – 2024. – № 2. – С. 69-71.

Байчорова Ф.Х., Хубиев А.К.

Допрос как средство доказывания на предварительном следствии

*Северо-Кавказской государственной академии
(Россия, Черкесск)*

Аннотация

В статье раскрывается понятие допроса, как процессуального действия в уголовном процессе, его значение и порядок производства и оформления. Перечисляются виды допроса, их значимость как доказательства на стадии предварительного следствия.

Ключевые слова: допрос, предварительное следствие, доказательство, подозреваемый, обвиняемый, свидетель.

Abstract

The article reveals the concept of interrogation as a procedural action in criminal proceedings, its meaning and the procedure for production and registration. The types of interrogation and their significance as evidence at the stage of preliminary investigation are listed.

Keywords: interrogation, preliminary investigation, evidence, suspect, accused, witness.

Решение задач уголовного судопроизводства в стадии предварительного расследования определяется неуклонным соблюдением процессуальной процедуры и тем, насколько квалифицированно следователи организуют свою работу по уголовным делам.

Ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливает, что одним из видов доказательств являются показания свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, эксперта и специалиста. Допрос эксперта и специалиста осуществляется в рамках дачи показаний по ранее данному заключению. Показания всех указанных участников уголовного судопроизводства являются доказательством только после оформления в определенной процессуальной форме. Такой формой является протокол допроса.

Предметом допроса является информация, имеющая значение для расследования и подлежащая доказыванию (обстоятельства подлежащие доказыванию, ст. 73 УПК РФ).

Как и любое следственное действие, допрос имеет определенные цели. Главной целью допроса является выявление и фиксация каких-либо фактических данных (обстоятельств, подлежащих доказыванию), которые свидетельствуют о совершении преступления и о причастности какого-либо лица к совершению преступления, а также иных сведений, которые подлежат доказыванию. Кроме того, в рамках допроса необходимо определить и зафиксировать источники, из которых имеется возможность получить ряд других важных сведений об обстоятельствах расследуемого уголовного дела. Например, это может быть информация о других лицах, которые также что-либо знают об обстоятельствах данного преступления. Важно отметить, что по результатам допроса имеется возможность проверить правдивость тех доказательств, которые получены в результате проведения других следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством и уже имеющих в уголовном деле. В соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами являются следующие виды допросов:

- допрос свидетеля;
- допрос потерпевшего;
- допрос эксперта;
- допрос специалиста;
- допрос подозреваемого;
- допрос обвиняемого (подсудимого).

Успех в расследовании преступлений во многом зависит от правильного проведения следственных действий, в том числе допросов, которые являются наиболее распространенным источником доказательств по уголовным делам. Не противопоставляя допрос другим следственным действиям и не умаляя значимость других доказательств по уголовному делу, мы все же можем утверждать, что, допрос – это одно из ключевых следственных действий, представляющее собой процессуальный способ получения и фиксации сведений, имеющих значение для уголовного дела. Он занимает особое место среди средств доказывания, поскольку позволяет получить показания от различных участников процесса: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста. Показания этих лиц, оформленные в установленной законом форме (протокол допроса), признаются доказательствами по уголовному делу согласно ст. 74 УПК РФ.

Допрос является основным источником доказательственной информации на стадии предварительного следствия. Без его проведения невозможно полноценное расследование ни одного уголовного дела, поскольку именно показания участников процесса зачастую содержат сведения, необходимые для установления обстоятельств преступления и причастности конкретных лиц.

Допрос – многоплановое правовое явление, которое можно рассматривать как следственное действие, как один из предусмотренных законом способов собирания и проверки доказательств; как институт права; как одно из полномочий органов уголовного преследования и суда; как форму проявления уголовного преследования; как один из предусмотренных законом способов изобличения лиц, виновных в совершении преступления; как процессуальный способ формирования показаний; как способ защиты: подозреваемым – от подозрения, обвиняемым – от обвинения; как способ защиты своих прав и законных интересов потерпевшим от преступления; как способ легализации фактических данных, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий

В ходе допроса выявляются фактические данные, подлежащие доказыванию, а также источники получения дополнительной информации (например, о других лицах, обладающих сведениями по делу). Допрос позволяет проверить и сопоставить уже имеющиеся доказательства, выявить противоречия, установить мотивы и цели действий подозреваемого или обвиняемого, а также уточнить детали событий.

В зависимости от процессуального статуса допрашиваемого различают: допрос подозреваемого, допрос обвиняемого, допрос свидетеля, допрос потерпевшего, допрос эксперта, допрос специалиста. Каждый из этих видов допроса имеет свою специфику и процессуальные особенности, но все они направлены на получение сведений, способствующих установлению истины по делу.

Допрос оформляется протоколом, который должен содержать все существенные детали: сведения о личности допрашиваемого, разъяснение ему прав и обязанностей, ход и содержание допроса.

Для повышения эффективности допроса могут привлекаться специалисты, переводчики, педагоги (например, при допросе несовершеннолетних), что обеспечивает полноту и достоверность получаемых сведений. Следователь обязан соблюдать процессуальные гарантии, предотвращать давление или недопустимые методы воздействия на допрашиваемого, а также учитывать особенности статуса (например, свидетельский иммунитет).

Проблемным вопросом остается то, что допрос – это не только способ получения доказательств, но и своеобразный психологический поединок между следователем и допрашиваемым, требующий тактической подготовки и учета индивидуальных особенностей личности. Важной задачей является обеспечение достоверности и допустимости показаний, что достигается правильной организацией и процессуальным оформлением допроса.

Допрос также служит средством защиты: подозреваемый или обвиняемый может использовать свои показания для опровержения подозрений или обвинений, а также для разъяснения своей позиции.

Таким образом, допрос на предварительном следствии – это универсальное и незаменимое средство доказывания, позволяющее получить, проверить и закрепить сведения, необходимые для установления истины по уголовному делу. Его эффективность зависит от профессионализма следователя, правильного процессуального оформления и соблюдения прав участников процесса.

1. Аснис А.Я., Кравченко Д.В. О некоторых вопросах, связанных с конституционным правом не свидетельствовать против себя, в российской уголовной правоприменительной практике // Адвокат. 2015. № 5. С. 6-9.
2. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Научно-практическое пособие. М.: Экзамен, 2003. 450 с.
3. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. Общая часть и досудебные стадии курс лекций. М., 1998. 570 с.
4. Баянов А.И. Следственные ошибки при составлении протокола допроса и их использование стороной защиты / А.И. Баянов, А.Д. Назаров, Н.А. Сидорова, Н.Г. Стойко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 4. С. 927-946.
5. Горчинская А.А. Психологические особенности восприятия возраста участников преступления в свидетельских показаниях несовершеннолетних / А.А. Горчинская, Р.Е. Капелюшин // Юридическая психология. 2022. № 2. С. 32-36.
6. Сильнов М. А. Допрос как средство процессуального доказывания на предварительном следствии. Дисс. К.ю.н., 1998., С.3.

Байчорова Ф.Х., Чипчиков А-Х.Э.

**Характеристика насильственной преступности осужденных
в местах лишения свободы**

*Северо-Кавказской государственной академии
(Россия, Черкесск)*

Аннотация

В статье раскрывается понятие насильственной преступности, в чем оно заключается и выражается. Описываются структура пенитенциарной преступности, динамика и причины. Описываются факторы способствующие насильственной преступности среди осужденных и необходимость комплексного подхода к ее профилактике.

Ключевые слова: преступность, насильственная преступность, пенитенциарная преступность, предупреждение, жертва насильственной преступности, профилактика.

Abstract

The article reveals the concept of violent crime, what it consists of and how it is expressed. The structure of penitentiary crime, its dynamics and causes are described. The factors contributing to violent crime among convicts and the need for a comprehensive approach to its prevention are described.

Keywords: crime, violent crime, penitentiary crime, prevention, victim of violent crime, prophylaxis.

Насильственная преступность осужденных в местах лишения свободы – это социально-правовое явление, охватывающее преступления, связанные с применением физического или психического насилия между осужденными, а также по отношению к персоналу учреждений. Она отличается высокой общественной опасностью и тяжестью последствий, а также имеет свои особенности динамики и структуры.

Бытко С. Ю. пишет: «Безопасность осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, является одним из условий эффективности государственного принуждения. При этом осуществляется уголовно-правовая охрана личности, имеющая своими задачами «недопущение новых преступлений, искоренение преступности, повышение уровня защищенности граждан, общества и государства от преступных посягательств и т.д.».

Как показывает практика, в структуре пенитенциарной преступности наибольшее место занимают: преступления против жизни (убийство); преступления против здоровья (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью); преступления против половой свободы и неприкосновенности; преступления, связанные с дезорганизацией деятельности учреждений (например, захват заложников, массовые беспорядки).

Данные особенности связаны с лимитизированной степенью свободы осужденных, отбывающих наказание, ограничением их возможности наносить ущерб общественным отношениям в большинстве иных сфер жизнедеятельности. Кроме того, существует теория, согласно которой осужденные, отбывающие в местах лишения свободы первый срок наказания за преступления корыстной направленности, например, «за время отбывания наказания не только не исправляются, а наоборот – становятся свидетелями и участниками скрытых от учета насильственных преступлений, а длительные сроки изоляции способствуют привыканию к криминальной субкультуре, после чего освободившийся осужденный, без должного административного контроля и поддержки в ресоциализации, вновь совершает преступление и в том числе уже против личности».

Динамика насильственной преступности в местах лишения свободы неравномерна: наблюдаются периоды роста и снижения числа таких преступлений. Например, в исправительных колониях России в 2019 и 2020 годах было зарегистрировано по 5 убийств (ст. 105 УК РФ), а в 2021 году – уже 11. По фактам умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) в 2019 году – 27, в 2020 – 20, в 2021 – 18. При этом официальная статистика часто занижена, поскольку часть преступлений остается скрытой.

Причины насильственной преступности делятся на внешние и внутренние:

- Внешние (объективные): особенности организации жизни в колонии (переполненность, система распределения по отрядам, организация труда и досуга), криминогенная микросреда, влияние криминальной субкультуры, недостатки работы администрации, отсутствие социального сопровождения;
- Внутренние (субъективные): криминогенная мотивация, личностные особенности осужденных, предшествующий криминальный опыт, психологическая депривация, стремление к авторитету и власти в неформальной иерархии.

Пенитенциарная субкультура играет ключевую роль: насилие становится инструментом поддержания неформального авторитета, способом давления и наказания «неудобных» осужденных, а также средством защиты от насильственных посягательств других заключённых. Основные цели применения насилия – утверждение нелегальной власти, защита своего положения и авторитета.

Исследователи выделяют несколько типов осужденных, склонных к насильственным преступлениям: агрессивный, агрессивно-демонстративный, безвольный, неустойчивый, ситуационный и случайный.

Жертвами насильственных преступлений чаще всего становятся осужденные в возрасте 25-29 лет, имеющие одну судимость, отбывающие наказание за преступления против жизни или здоровья, находящиеся в колонии менее двух лет.

Факторами, способствующими насилию являются:

- ситуативные конфликты, возникающие на почве межличностных отношений, составляют до 80% всех убийств и тяжких телесных повреждений;
- дефицит доверия к администрации, отсутствие эффективных программ ресоциализации, изоляция и депривация усугубляют конфликтность среды.

Профилактика насильственной преступности требует комплексного подхода: реформирования организационно-управленческих моделей, развития программ социальной поддержки, совершенствования работы с осужденными по предупреждению конфликтов и снижению влияния криминальной субкультуры.

Патрушев Е.В. по поводу профилактики рассматриваемой преступности пишет: «Обосновывается целесообразность применения авторского механизма в местах лишения свободы, который способствует установлению в исправительных 25 учреждениях осужденных, склонных совершать насильственные преступления. Применение в 2016-2021 гг. вышеуказанного механизма установления осужденных, склонных к совершению насильственных преступлений в исправительных учреждениях дало положительный результат, доказано это путем сравнения статистики насильственных преступлений, осужденных в местах лишения свободы, где использовался механизм выявления осужденных на предмет совершения насильственных преступлений и исправительные колонии, где такой механизм не применялся».

Таким образом, насильственная преступность среди осужденных в местах лишения свободы – это сложное, многогранное явление, обусловленное как особенностями личности осужденных, так и спецификой пенитенциарной среды. Главными факторами выступают криминальная субкультура, дефицит доверия к администрации, психологическая депривация и организационные недостатки исправительных учреждений. Эффективная профилактика требует системных изменений и комплексных мер.

1. Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1997. С. 422.
2. Криминология / Под ред. А.И. Долговой. М., 2001. СМ. 655-656.
3. Патрушев Е.В. Насильственная преступность осужденных в местах лишения свободы и ее профилактика. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. Калининград, 2022. С. 26.
4. Хохряков, Г.Ф. Криминология. М., 2000. С. 332.
5. Шабанов, В.Б. Особенности расследования насильственных преступлений в исправительных учреждениях: Учебное пособие. – Минск: Акад. МВД РБ, 2000. С. 32.

Банников С.И., Келина Г.А.

Методика обучения огневой подготовке сотрудников правоохранительных органов на современном этапе

*Средне-Волжский институт (ф) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

Аннотация

В статье рассматриваются современные подходы к обучению огневой подготовке сотрудников правоохранительных органов. Анализируются ключевые методические принципы, технические средства и педагогические технологии, используемые в процессе обучения. Особое внимание уделяется необходимости адаптации программ подготовки к актуальным условиям служебной деятельности и потенциальным угрозам. Статья также затрагивает вопросы оценки эффективности огневой подготовки и перспектив ее развития.

Ключевые слова: огневая подготовка, правоохранительные органы, методика обучения, специальная подготовка, стрельба, служебная деятельность.

Abstract

The article discusses modern approaches to fire training for law enforcement officers. The key methodological principles, technical means and pedagogical technologies used in the learning process are analyzed. Special attention is paid to the need to adapt training programs to the current conditions of professional activity and potential threats. The article also addresses the issues of evaluating the effectiveness of fire training and the prospects for its development.

Keywords: fire training, law enforcement agencies, teaching methods, special training, shooting, official activity.

Огневая подготовка является важнейшим элементом профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Эффективность выполнения служебных задач, сохранение жизни и здоровья сотрудников, а также граждан напрямую зависит от качества овладения навыками обращения с оружием. На современном этапе методика обучения огневой подготовке требует пересмотра с учетом новых угроз, изменений в законодательстве, развития технических средств и педагогических технологий.

В своей деятельности будущие сотрудники правоохранительных органов, в первую очередь, должны руководствоваться нормами действующего законодательства. Сотрудник должен создать определенные условия, способствующие предотвращению совершения преступлений с использованием огнестрельного оружия. Однако на практике это не так просто реализовать, что также может быть связано с недостаточным уровнем специальной подготовки, а также небрежности будущих сотрудников.

Традиционно в качестве фундаментальных навыков в огневой стрельбе выступали хват, правильная поза, прицеливание, а также техника стрельбы. Имело место быть негласное правило, согласно которому, если сотрудник обладает данными навыками и может в спокойной обстановке (в тире) произвести выстрел, то его непременно ожидает успех на практике. На данный момент в рамках огневой подготовки все также особое внимание уделяется базовым основам работы с оружием. Однако с целью качественной подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов, методика обучения не стоит на месте. В частности, следует упомянуть о том, что обучение проходит не только в относительно спокойной обстановке, но и в условиях, максимально приближенных к реальным.

Конечно же, в качестве негативных проявлений особенностей формирования навыков стрельбы мы можем назвать оборонительные реакции стрелка в процессе – шумовой эффект от звука выстрела, отдача и др. Специфика формирования зрительно-двигательных действий стрелкового навыка, в отличие от формирования других двигательных действий с оружием, состоит в том числе, и в том, что субъект обучения преодолевает во время учебно-тренировочного процесса тревогу (чувство неуверенности, беспокойства, страха) обращаясь с оружием, как с источником повышенной опасности.

Действующая нормативная база по обучению стрельбе из огнестрельного оружия в органах внутренних дел России не в полной мере отражает динамичные условия, с которыми приходится сталкиваться на службе или в бою. Однако в соревновательной практической стрельбе используется множество упражнений для повышения точности стрельбы и разработки оптимальных стратегий обучения. Тем временем специализированные подразделения Министерства внутренних дел изучают современные методики обучения, разрабатывают дополнительные меры защиты персонала и интегрируют эти инновации в свои программы профессиональной подготовки.

Современные подходы включают в себя внедрение модульных программ обучения, активное применение симуляторов и тренажеров, использование кейс-методов, а также имитационных и стрессовых упражнений. Важно не только отработать точность стрельбы, но и сформировать устойчивость к психологическим нагрузкам в боевых условиях.

Также отмечается тенденция перехода от линейных тренировок к комплексным сценариям, отражающим возможные реальные угрозы. Применяются методы тактической стрельбы, предусматривающей стрельбу в движении, из укрытия, а также при имитации ранений или ограничения подвижности.

Обучение ведется с применением современных тирных комплексов, мультимедийных систем, видеотренажеров. Большое значение имеет индивидуализация обучения с учетом уровня подготовки сотрудников. Инструкторы активно используют элементы тактической стрельбы и ситуационные задачи, приближенные к реальным условиям.

Педагогический подход основан на принципах активного обучения, включая обратную связь, самоанализ, групповую работу и обсуждение допущенных ошибок. Современные технологии, такие как дополненная и виртуальная реальность, значительно расширяют возможности тренировки в безопасной среде.

Критерием эффективности огневой подготовки выступают результаты тестирования, тренажерных занятий и практических стрельб. Важную роль играет постоянное обновление учебно-методических комплексов, профессиональное развитие инструкторов и внедрение новейших технологий.

Среди перспектив – развитие индивидуализированных программ на основе данных объективного контроля (биометрия, видеонаблюдение, сенсоры), использование нейросетей для анализа результатов тренировок, а также усиление взаимодействия с другими видами служебной подготовки (тактической, физической, психологической).

Правовые основы использования огнестрельного оружия сотрудниками полиции в России закреплены в Федеральном законе от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции». Следует отметить, что законодательством России четко регламентируются ситуации, в которых сотрудники полиции могут применять огнестрельное оружие (статьи 23, 24 ФЗ «О полиции»). В силу данных обстоятельств, мы понимаем, что при выстраивании методики обучения, необходимо учитывать нормы законодательства, например, с целью моделирования ситуаций, приближенных к реальным условиям, в случае наступления которых сотрудники имеют право применить огнестрельное оружие.

Методика огневой подготовки должна динамически развиваться, отвечая требованиям времени. Адаптация программ обучения, внедрение инноваций и ориентация на реальные условия служебной деятельности позволяют существенно повысить уровень профессиональной готовности сотрудников правоохранительных органов к применению оружия. Эффективная огневая подготовка – это не только техника стрельбы, но и умение принимать решения, сохранять спокойствие и действовать грамотно в экстремальной ситуации.

1. Падурин, Д. Ф. К вопросу об инновациях в огневой подготовке сотрудников силовых структур // Молодой ученый. 2015. № 15. С. 598-601.
2. Денисов, С. Л. Методика обучения огневой подготовке сотрудников правоохранительных органов на современном этапе // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новороссийск, 29 мая 2020 года. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. С. 19-21;
3. Колесников, А. С. Методика обучения огневой подготовке сотрудников правоохранительных органов на современном этапе // Молодой ученый. 2019. № 15 (253). С. 266-270.
4. Панарина, С. Ю. Применение современных технологий в обучении стрельбе из боевого оружия // Молодой ученый. 2024. № 16 (515). С. 425-427.
5. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

Богатырева Н.И., Ширманов Е.В.

**Мотив экстремистской направленности как обстоятельство
повышающее степень общественной опасности преступного деяния**

*Средне-Волжский институт (ф) Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

Аннотация

В статье рассматривается мотив экстремистской направленности как фактор, усиливающий степень общественной опасности преступного деяния. Анализируется законодательная база, определяющая экстремизм и его отражение в уголовно-правовых нормах, что позволяет четко установить границы применения данной категории в судебной практике. Обсуждаются конкретные примеры преступлений, где мотивы экстремистской направленности являются ключевыми для правильной квалификации деяний и назначения наказания. Уделяется внимание психологическому аспекту восприятия экстремизма в обществе, а также влиянию этих мотивов на общественную безопасность и правоприменение. В заключении, статья подчеркивает важность учета мотивов экстремистской направленности для более эффективной защиты общественного порядка и предотвращения негативных последствий для всего общества.

Ключевые слова: экстремизм, общественная опасность, уголовная ответственность, мотив преступления, правоприменение.

Abstract

The article examines the motive of extremist orientation as a factor that increases the degree of public danger of a criminal act. The article analyzes the legislative framework defining extremism and its reflection in criminal law norms, which makes it possible to clearly define the boundaries of the application of this category in judicial practice. Specific examples of crimes where extremist motives are key to the correct qualification of acts and the imposition of punishment are discussed. Attention is paid to the psychological aspect of the perception of extremism in society, as well as the impact of these motives on public safety and law enforcement. In conclusion, the article emphasizes the importance of taking into account extremist motives in order to more effectively protect public order and prevent negative consequences for the entire society.

Keywords: extremism, public danger, criminal liability, motive of crime, law enforcement.

Экстремистские мотивы в уголовном праве – это внутренние мотивы лица, совершающего противоправное деяние, направленное на возбуждение ненависти, вражды или унижение достоинства человека или группы лиц по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, религии или принадлежности к какой-либо социальной группе. Эти мотивы оказывают существенное влияние на квалификацию преступлений, так как значительно повышают степень их общественной опасности. Российское законодательство, в частности, статья 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, определяет экстремистские мотивы как обстоятельство, влияющее на квалификацию деяния и степень ответственности правонарушителя. Наличие экстремистского мотива требует представления доказательств, которые должны быть собраны в ходе судебного разбирательства. Таким образом, юридическая характеристика экстремистских мотивов заключается в признании их обстоятельством, отягчающим ответственность и подчеркивающим повышенную опасность преступной деятельности.

Мотивы экстремистской направленности и корыстолюбия существенно различаются по своему характеру и направленности, что влияет на общественную опасность преступлений, совершаемых на их основе. Экстремистские мотивы обычно

связаны с идеологическими, политическими или религиозными убеждениями, которые поддерживают действия, направленные на разжигание ненависти, унижение достоинства или дискриминацию определенных групп населения. С другой стороны, корыстные мотивы основаны на личной выгоде, желании получить материальные или имущественные выгоды.

Экстремизм – это сложное социальное явление, проявляющееся в соблюдении крайних взглядов и методов их реализации, зачастую противоречащих общепринятым нормам и законам. Он может принимать различные формы, включая политический, религиозный, этнический и идеологический экстремизм. Основной целью экстремистских действий является достижение определенных целей радикальными мерами, которые часто связаны с нарушениями прав и свобод других лиц. Иванов (2021) отмечает, что "экстремизм как таковой является формой радикального отрицания существующих в государстве социальных норм и правил отдельными лицами, группами и слоями населения". Это явление представляет значительную угрозу стабильности общества и подрывает основы социальной гармонии и безопасности. Восприятие экстремизма общественностью играет ключевую роль в формировании отношения к этому явлению и мерах противодействия. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в 2020 году, около 73% россиян считают экстремизм одной из главных угроз обществу. Это свидетельствует о высокой степени обеспокоенности граждан данным явлением, что связано с его потенциальной опасностью для социальной стабильности. Однако восприятие экстремизма может быть искажено стереотипами и предвзятостью, что подтверждается выводами Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью (ЕКРН). Усиление подобных искажений через средства массовой информации может привести к росту социальной напряженности, недоверия между различными группами населения и осложнению межэтнических и межрелигиозных отношений.

Средства массовой информации играют значительную роль в формировании общественного мнения о преступлениях с экстремистскими мотивами. Они являются основным источником информации для большинства людей, в связи с чем их влияние на восприятие событий особенно важно. Согласно исследованию Pew Research Center, примерно 62% американцев получают новости через социальные сети, что подчеркивает важность СМИ в современном информационном пространстве. Однако характер подачи информации, акцент на определенных аспектах и использование эмоционально окрашенных выражений могут существенно повлиять на восприятие общественностью, формируя как понимание проблемы, так и предвзятое отношение.

Исторические примеры показывают, как средства массовой информации могут усиливать или ослаблять восприятие преступлений экстремистской направленности. В сентябре 2001 года СМИ активно освещали тему терроризма, что, согласно исследованию Университета Джорджа Вашингтона, привело к росту антиисламских настроений в США. Это показывает, как сосредоточение внимания на определенных аспектах событий может формировать общественное мнение и стереотипы. В то же время надлежащее освещение проблем экстремизма может помочь информировать общество, уменьшить панику и сформировать конструктивное общественное мнение.

Экстремистские действия оказывают значительное влияние на социальную стабильность и вызывают страх, недоверие и напряженность в обществе. Согласно докладу ООН за 2020 год, такие меры часто приводят к усилению социальной изоляции и дискриминации определенных групп населения. Это связано с тем, что экстремизм, как правило, направлен на подрыв единства общества, создание конфликтов и усиление разногласий между различными социальными группами. В результате общество становится более поляризованным, что затрудняет эффективное взаимодействие между его членами и ослабляет социальные связи.

Чтобы минимизировать социальные последствия экстремизма, необходимы комплексные меры по укреплению социальной стабильности и борьбе с дискриминацией.

Исследование Европейского агентства по основным правам, проведенное в 2018 году, показало, что 62% респондентов считают, что экстремизм усиливает недоверие между различными социальными группами. В связи с этим важным шагом является разработка образовательных программ, направленных на повышение толерантности, и информационных кампаний, разъясняющих опасность экстремистских идеологий. Также необходимо укрепить законодательную базу для пресечения экстремистской деятельности и защиты прав уязвимых групп населения. Эти меры помогут снизить негативное воздействие экстремизма на общество и сохранить социальную гармонию.

Подводя итог, важно отметить, что борьба с преступлениями на экстремистской почве требует комплексного подхода, включающего законодательные, социальные и образовательные меры. Только совместными усилиями общества и государства можно добиться значительных успехов в борьбе с экстремизмом и укреплении социальной стабильности.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – №25.
2. Бобовкин М. В., Ручкин В.А. О специфике оценки заключения эксперта-почерковеда // Федеральный научно-практический журнал. – 2019. – № 3. – С. 3.
3. Ефремов А. И. ПРАВДА И ЗАКОН // Научно-практический журнал. – 2017. – № 2. – [б. с.].

Борисова А.С.

Глобализация и ее влияние на международное право

*Средне-Волжский институт (ф) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются отдельные вопросы о глобализации и ее влиянии на международное право. Изначально в статье выявлено содержание влияния глобализации на право и результат такового. Кроме того, обращено внимание на влияние глобализации отдельно на национальное право, в чем обнаружилась взаимосвязь с влиянием на международное право, позволив выделить направления влияния глобализации и на само международное право.

Ключевые слова: глобализация, национальное право, международное право, влияние, интеграция, унификация, универсализация.

Abstract

This article deals with selected questions about globalization and its impact on international law. Initially, the article reveals the content of the impact of globalization on the law and the result of it. In addition, attention is drawn to the impact of globalization separately on national law, in which the relationship with the impact on international law is found, allowing to identify areas of influence of globalization and on international law itself.

Keywords: globalization, national law, international law, influence, integration, unification, universalization.

В соответствии с распространенным подходом глобализация – это процесс всемирной интеграции и унификации в экономической, культурной, политической и других сферах жизни [5, с. 26]. Подобное понимание этой категории очевидным образом свидетельствует о способности охватывать собой, все сферы жизни.

Свойства глобализации обеспечивают возможность оказания ею воздействия на право на разных уровнях и в отношении разных категорий. Это влияние на конституционные нормы и государственно-правовые институты, в сторону

стимулирования их развития, и замедления. Главное, что результатом в конечном счете должна стать универсализация права государства и международного права, что расширяет влияние за пределы национального права [4, с. 22]. В условиях роста взаимозависимости государств, особенно в экономической сфере, исследование глобализации и ее влияния на международное право становится все более актуальным. Кроме того, важно рассмотреть, как глобализация способствует совершенствованию национального права, придавая ему большую гибкость, универсальность и качество.

Национальное право стран в ходе процессов глобализации подвергается воздействию в первую очередь. В основном это аспекты социально-экономической и политической ситуации, где основное внимание уделяется проблемам, которые препятствуют адаптации внутригосударственных норм к общемировой обстановке замедляя или усложняя этот процесс [4, с. 23].

В отношении этого вопроса не существует единого мнения, но большинство исследователей полагает, что национальное право подвергается воздействию по таким направлениям:

- отношения государственно-правовых систем по отношению к системе иного государства. Необходимость этой точки зрения становится очевидной, поскольку ни одна из систем не способна дать полное представление о социально-политической ситуации;
- изменение основного вектора развития правовой семьи в контексте вопросов глобального правопорядка;
- глобализация оказывает воздействие не только на правовую систему конкретного государства, но и на правовую теорию и подходы к её изучению [6, с. 650; 2, с. 74].

В результате воздействия глобализации на национальное право внутри страны, происходит закономерное влияние на международное право, которое тесно связано с первым. При разработке международных правовых норм государства опираются на принципы и нормы национального права. Было бы нелогично разрабатывать международные правила, которые бы шли вразрез с базовыми принципами социального и политического устройства, закреплёнными в конституции. Также нецелесообразно заключать международные соглашения, которые бы требовали от государств вносить незначительные изменения в свои внутренние законы для их выполнения.

В контексте сказанного, глобализация может влиять на международное право в таких аспектах:

- на содержание норм международного права (материальный аспект);
- на формировании и применении международных правовых норм (процессуальный аспект) [3, с. 134].

В рассматриваемую категорию норм традиционно включаются основополагающие принципы, которыми руководствуется государство при формировании и реализации своей внешней политики. Эти принципы, как правило, находят свое отражение в конституционных и иных фундаментальных правовых актах страны. Кроме того, нормы внутреннего права, регулирующие конкретные аспекты осуществления внешнеполитических функций государства, также оказывают значительное влияние на данный процесс. Примером могут служить национальные законодательства, регламентирующие дипломатические привилегии и иммунитеты.

Современное законодательство, регулирующее социальные, экономические, гражданские, культурные и политические права человека, выступает в качестве фундаментальной основы для разработки и имплементации международных соглашений в области защиты прав человека. Эти правовые нормы не только отражают эволюцию правовых систем государств, но и служат важным ориентиром для глобального правового сообщества, способствуя унификации и гармонизации международных стандартов в данной сфере.

В завершение ряда, многие основополагающие принципы международного права изначально были закреплены в законодательстве отдельных стран или групп государств. Во многом именно глобализационные процессы привели к приобретению ими такой роли.

Следует учесть, что указаны концептуальные направления влияния глобализации на международное право. В то время как современная интенсивность глобализации порождает множество точечных направлений: координация сотрудничества, реформирование наднациональных органов, коммерческий сектор [1, с. 2] и т.д.

Таким образом, глобализация, как процесс всемирной экономической, культурной, политической и иной интеграции и унификации, что сопровождается универсализацией права, непременно оказывает влияние на международное право. Развитие международного права немыслимо без развития национального права, как и наоборот, что предполагает воздействие глобализации по обоим направлениям.

Основными направлениями воздействия глобализации на международное право, в родовом смысле, выступают материальные и процессуальные нормы. Говоря о вопросе более широко, эти направления следует сводить к: принципы внешней политики, прогресс законодательства в разных сферах (социальная, культурная, политическая и др.), принципы международного права. Из этих направлений вытекает многочисленное количество более локальных. В то же время, влияние глобализации на международное право таким образом берет свои истоки во влиянии глобализации на национальное право, также по определенным направлениям: отношение государственно-правовых систем к системам иных государств; трансформация направлений развития правовой семьи под влиянием глобального миропорядка, изменение теории и методологии изучения права и т.п.

1. Абдюшева, Н. Л., Иванцова, Г. А. Основные направления развития права в условиях глобализации // E-Scio. 2022. С. 1-5.
2. Герасимова, Н. П. Историко-правовой взгляд на проблемы правопонимания в юридической науке и влияние процесса глобализации на право // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 2. С. 74-79.
3. Золоева, З. Т., Койбаев, Б. Г. Глобализация международных отношений и ее влияние на развитие международного права // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. С. 133-137.
4. Роменский, В. В. Влияние глобализационных процессов на национальное право государств // Образование и право. 2023. № 3. С. 21-24.
5. Трифонов, Д. С. Глобализация: сущность и современные тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 5. С. 26-37.
6. Цыганкова, Е. В. Влияние процессов глобализации на развитие права // Экономика и социум. 2020. № 5. С. 647-653.

Бульдяева К.А., Банников С.И.

Нормативно-правовое обеспечение огневой подготовки сотрудников полиции

*Средне-Волжский институт (ф) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

Аннотация

Статья рассматривает важность огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел (ОВД), необходимой для эффективного и безопасного выполнения служебных обязанностей, включая действия в нестандартных и экстренных ситуациях. Подготовка сотрудников к использованию огнестрельного оружия – это важная часть их профессиональной подготовки, включающая как теоретическую, так и практическую часть. Рассматриваются правовые основы огневой подготовки, а также нормативные документы, служащие базой для организации деятельности по подготовке сотрудников правоохранительных органов к применению оружия.

Ключевые слова: огневая подготовка, оружие, сотрудники органов внутренних дел, применение огнестрельного оружия, экстренные ситуации, правовые основы, безопасность.

Abstract

The article examines the importance of fire training for employees of internal affairs bodies (ATS), necessary for the effective and safe performance of official duties, including actions in non-standard and emergency situations. Training employees to use firearms is an important part of their professional training, including both theoretical and practical parts. The article considers the legal basis of fire training, as well as regulatory documents that serve as the basis for organizing activities to train law enforcement officers to use weapons.

Keywords: fire training, weapon, law enforcement officers, use of firearms, emergency situations, legal framework, security.

Сотрудники правоохранительных органов должны быть подготовлены к выполнению служебных обязанностей не только в достаточно распространенных, штатных ситуациях, но и тех, которые требуют принятия быстрого и грамотного решения, в том числе связанного с применением огнестрельного оружия. Именно по этой причине на систематической основе проводится профессиональное обучение в целях быстрой и эффективной адаптации к сложившейся ситуации и принятии максимально эффективного решения [1, с. 52].

Решающей причиной постоянного обучения сотрудников навыкам ведения боя из оружия является минимизация рисков причинения вреда, связанного с отсутствием соответствующих навыков, не только своим коллегам, которые также могут быть участниками оперативных мероприятий, но и окружающим гражданам, ставшими такими в виду стечения обстоятельств.

Именно данный фактор послужил основой для обязательного прохождения сотрудниками профессиональной подготовки и повышения уровня своих навыков.

С целью минимизации подобных рисков и повышения профессиональной эффективности, сотрудники и кандидаты на службу в органах внутренних дел.

Огневая подготовка занимает важнейшее место в системе служебно-профессиональной подготовки сотрудников ОВД, обеспечивая формирование необходимых практических умений и навыков.

Как отмечают В.Е. Иванов, Е.В. Кузнецова и К.А. Яблонский, содержание данной дисциплины ориентировано на развитие устойчивых навыков безопасного и эффективного владения огнестрельным оружием, а также выявление и понимание ситуаций, где его применение будет правомерно с точки зрения закона [2, с. 81].

Эти аспекты подчеркивают важность системного подхода в обучении и подготовке специалистов, что в свою очередь требует четко структурированных целей и задач.

Ученые-юристы считают, что огневая подготовка по своей природе призвана решать следующие задачи:

- обучение безопасному обращению с оружием;
- совершенствование навыков точной стрельбы;
- развитие способности вести огонь в стрессовых ситуациях;
- овладение тактическими навыками;
- законы и этика применения оружия и др.

Обобщая цель огневой подготовки можно выразить как «обеспечение готовности персонала к эффективному владению и применению стрелкового оружия при выполнении профессиональных задач» [3, с. 268].

Из вышесказанного следует, что огневая подготовка предполагает не только знание теоретических основ, но также получение и закрепление на практике навыков стрельбы из различных видов оружия. Именно поэтому в методических и учебных материалах данную подготовку принято подразделять на теоретическую и практическую части.

Теоретическая часть включает в себя изучение тактико-технических характеристик оружия и боеприпасов, основания и порядок их применения в соответствии с

действующим законодательством, а также средства и методы обеспечения безопасности при использовании оружия и боеприпасов.

В свою очередь практическая часть предполагает прохождение обучение в тирах и стрельбищах, где сотрудник приобретает навыки работы с боевым оружием, соблюдая необходимую технику безопасности, и впоследствии сдают установленные нормативы. Сотрудник, успешно сдавший их, допускает при соблюдении всех условий к применению огнестрельного оружия и боеприпасов [1, с. 53].

Важнейшим аспектом в деятельности сотрудников ОВД является правовая основа деятельности, связанной с применением оружия.

Основополагающим актом в данной области является Конституция Российской Федерации, устанавливающая ключевые права граждан, а также определяет органы внутренних дел как часть структуры федеральных органов исполнительной власти [4].

Ключевым нормативным правовым актом именно в деятельности сотрудников органов внутренних дел, регулирующим применение огнестрельного оружия и боеприпасов выступает Федеральный закон № 3-ФЗ «О полиции», который в ст. 23-24 указывает, что в случаях определенных законом, например, для защиты другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья или освобождения заложников сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять огнестрельное оружие.

Обязанность по специальной подготовке к ситуациям, связанным с применением огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы закрепляется в ст. 18 вышеназванного закона, где делается акцент на важности такой подготовки, а также последующее прохождение систематических проверок сотрудниками органов внутренних дел на профессиональную пригодность посредством сдачи нормативов [5].

Другим отраслевым нормативным актом выступает Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», дающим нам общее понимание того на каких принципах базируется профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел [6].

О.А. Битюков в своем научном труде отмечает ключевые аспекты, отраженные в данном документе:

- отражены ключевые принципы подготовки;
- определены места проведения служебной подготовки (включая огневую подготовку);
- присутствуют разъяснения относительно порядка организации огневой подготовки;
- даются пояснения по различным видам профессиональной подготовки [7, с. 322].

Следующей немаловажной группой нормативных актов, издаваемых профильными органами для организации работы структурных подразделений выступают:

- Приказы МВД России, регламентирующие организацию снабжения, хранения, учета, выдачи (приема) и обеспечения сохранности оружия и боеприпасов в органах внутренних дел Российской Федерации;
- Приказы руководителей подразделений органов внутренних дел, касающиеся проведения стрельб с личным составом из табельного оружия.

Помимо этого организационной основой для организации огневой подготовки могут выступать документы, издаваемые на уровне учебных центров и образовательных организаций. Среди таковых можно выделить:

- Учебный план образовательного учреждения;
- Примерная программа огневой подготовки для образовательных учреждений России;
- Рабочая программа по огневой подготовке для конкретного учебного заведения [8, с. 54-55].

Огневая подготовка сотрудников ОВД является неотъемлемой частью их профессиональной подготовки, направленной на обеспечение высокого уровня оперативной готовности и способности действовать в условиях экстренных ситуаций. Основной задачей данной подготовки является формирование у сотрудников навыков безопасного и эффективного обращения с оружием, что критически важно для обеспечения их личной безопасности, а также безопасности иных лиц. Профессиональная подготовка включает как теоретическую, так и практическую части, обеспечивая комплексный подход к обучению сотрудников.

Правовое регулирование огневой подготовки сотрудников ОВД имеет ряд ключевых аспектов и значимость, которая связана с обеспечением правопорядка, безопасности и прав человека. Огнестрельное оружие является мощным инструментом, и его использование должно быть четко регламентировано законом, чтобы предотвратить случаи незаконного или необоснованного применения силы.

Правовые основы огневой подготовки сотрудников ОВД основываются на таких актах как Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О полиции» и ряде других специальных законов, которые регламентируют порядок применения огнестрельного оружия и служебной подготовки. Рассмотренные документы подчеркивают важность прохождения регулярной огневой подготовки и проверок на профессиональную пригодность, что позволяет повысить их боеспособность и готовность к выполнению служебных обязанностей.

Правовое регулирование обеспечивает юридическую основу для действий сотрудников ОВД в различных ситуациях, исключая произвол. Помимо этого регламентация огневой подготовки способствует минимизации рисков нарушения прав граждан, включая предотвращение случайных жертв и обеспечению справедливости в ситуациях применения оружия. Правила строго определяют, когда и как может быть использовано оружие, чтобы избежать чрезмерного насилия.

Правовые нормы устанавливают требования к обучению и подготовке сотрудников ОВД, что в свою очередь повышает уровень их профессионализма. Без должного правового регулирования, сотрудники могут действовать импровизированно, что увеличивает вероятность ошибок или неправильных решений в критических ситуациях.

Также правовое регулирование дает возможность для более прозрачного контроля за действиями сотрудников ОВД, что важно для обеспечения общественного доверия к правоохранительным органам. Нормативные акты и законы позволяют проводить проверки и расследования по фактам ненадлежащего использования оружия, что служит сдерживающим фактором для злоупотреблений.

Таким образом, огневая подготовка является неотъемлемой частью системы обеспечения безопасности и эффективного выполнения служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел. Систематическое и комплексное обучение, подкрепленное законодательной базой, способствует повышению уровня профессионализма и снижению рисков, связанных с возможным применением оружия в реальных условиях.

1. Шишалов А. О. Правовые основы организации огневой и физической подготовки сотрудников территориальных органов МВД России / А.О. Шишалов, М. М. Старосельцева // ППД. 2020. № 1 . С. 51-55.
2. Иванов В.Е. Актуальные проблемы обеспечения огневой подготовки как составной части профессиональной служебной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / В.Е. Иванов, Е.В. Кузнецова, К.А. Яблонский // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 79-83.
3. Колесников А.С. Методика обучения огневой подготовке сотрудников правоохранительных органов на современном этапе / А.С. Колесников // Молодой ученый. 2019. № 15 (253). С. 266-270.

4. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
5. О полиции: Федеральный закон РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
6. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 30.11.2011 № 342-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
7. Битюков О.А. Совершенствование правовых основ в сфере организации огневой и физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Наукосфера. 2020. № 12-1. С. 321-325.
8. Ковальчук А.Н. Огневая подготовка: учебное пособие / А.Н. Ковальчук. – Красноярск: КрасГАУ, [б. г.]. – Часть 1: Нормативно-правовая база огневой подготовки. Материальная часть стрелкового оружия. Основы баллистики и стрельбы – 2017. – 308 с.
9. Козлова Е.А. Нормативно-правовые основы организации огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел / Е.А. Козлова, А.С. Тугова // Вестник науки. 2024. № 12 (81). С. 716-722.

Бульдяева К.А., Крысин В.А.

Прокурорский надзор как инструмент борьбы с коррупцией

*Средне-Волжский институт (ф) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

Аннотация

Статья посвящена роли прокурорского надзора в борьбе с коррупцией в России. Рассматриваются механизмы, с помощью которых прокуратура осуществляет контроль за соблюдением антикоррупционного законодательства, включая проверку деятельности государственных органов, профилактику коррупционных правонарушений и привлечение к ответственности за коррупционные преступления. Основное внимание уделено нормативным актам, регулирующим прокурорскую деятельность, а также ключевым функциям прокуратуры в борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: прокурорский надзор, коррупция, антикоррупционное законодательство, законность, противодействие коррупции, проверка, юридическая ответственность.

Abstract

The article is devoted to the role of prosecutorial supervision in the fight against corruption in Russia. The mechanisms by which the prosecutor's office monitors compliance with anti-corruption legislation are being considered, including checking the activities of government agencies, preventing corruption offenses, and holding accountable for corruption crimes. The main focus is on the regulations governing prosecutorial activities, as well as the key functions of the prosecutor's Office in the fight against corruption.

Keywords: prosecutor's supervision, corruption, anti-corruption legislation, legality, anti-corruption, verification, legal responsibility.

Коррупция является одной из самых серьезных угроз для стабильности общества и эффективного функционирования государственного аппарата. В современных условиях борьба с коррупцией приобрела глобальное значение, и одним из важнейших механизмов обеспечения правопорядка и законности в борьбе с этим явлением в России выступает прокурорский надзор. Прокурорский надзор в России не только включает в себя проверку соблюдения законов, но и направлен на предупреждение и пресечение преступлений, в том числе коррупционных.

Деятельность прокуратуры в России осуществляется в строгом соответствии с действующим законодательством. Основу правового регулирования прокурорского надзора составляют Конституцию Российской Федерации, Уголовно-процессуальный

кодекс, а также Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и другие правовые акты, определяющие функции и полномочия прокуроров.

Статья 129 Конституции РФ определяет прокуратуру как орган, который обеспечивает законность, защиту прав и свобод граждан, а также представляет собой центральный институт в борьбе с коррупцией [1].

Федеральный закон № 2202-1, принятый 17 января 1992 года, является ключевым документом, который устанавливает порядок организации и функционирования прокуратуры Российской Федерации. Согласно данному закону, прокуратура несет ответственность за контроль за соблюдением законов, включая те, что направлены на противодействие коррупции. Прокуроры вправе осуществлять проверки работы органов исполнительной власти, правоохранительных структур и других государственных учреждений с целью обеспечения соблюдения законодательства.

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» занимает весомое место в системе правовых актов и предписывает как профилактические, так и репрессивные меры в отношении коррупционных правонарушений, применимые в рамках прокурорского надзора, а также обязанность органов прокуратуры по выявлению и пресечению коррупционных факторов, в том числе с наложением дисциплинарной и уголовной ответственности [2].

Прокурорский надзор имеет несколько ключевых функций, которые напрямую связаны с борьбой с коррупцией. Одна из важнейших функций заключается в предупреждении правонарушений, в том числе коррупционных, пресечении их на стадии, когда они еще не привели к конкретным последствиям.

Природа коррупции требует не только реагирования на уже совершенные преступления, но и активной профилактической работы. При получении информации о преступлениях коррупционной направленности прокуроры постоянно проводят проверки в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, соблюдения законности по их учету и регистрации, результатов проводимых проверок и принятия процессуальных решений, в том числе не содержат ли они коррупциогенных рисков. Также прокуроры могут участвовать в проверке законности распределения государственных контрактов и тендеров, оценки соответствия нормативных актов антикоррупционному законодательству.

Основной задачей прокурора является принятие мер по пресечению коррупционных преступлений. В рамках своей компетенции прокурор может инициировать расследование, следить за правильностью применения закона, а также направлять материалы в следственные органы для возбуждения уголовных дел [3, с. 147]. Именно прокурор является главным инструментом обеспечения законности и объективности расследования по делам о коррупции и не только.

В рамках своих полномочий прокурор может выступать в защиту интересов государства путем подготовки соответствующего заявления. Так, например, возможно заявление с требованием о возврате незаконно полученных средств или об отмене незаконных решений, способствующих коррупционным действиям.

Для достижения задач, направленных на противодействие коррупции, в соответствии с действующим законодательством, посредством возложения полномочий на органы прокуратуры реализуется комплекс мероприятий, выполняющий также роль функций прокурорского надзора:

1. Осуществление проверочных мероприятий, которые в зависимости от предмета надзора делятся на:
 - а. наблюдение за исполнением норм антикоррупционного законодательства, включая ограничения, предусмотренные для работников государственных и муниципальных органов [4]. Один из случаев произошел в 2020 году в Чеченской Республике, где несколько работников одного из министерств нарушили запрет на

- ведение предпринимательской деятельности. Один из них был совладельцем нескольких фирм, другой занимал пост руководителя ООО, а третий действовал как индивидуальный предприниматель. В результате обнаруженных нарушений прокуратура направила представление в соответствующее министерство региона. По итогам рассмотрения дела государственные служащие понесли дисциплинарное взыскание и утратили право заниматься коммерческой деятельностью [5].
- б. наблюдение за выполнением требований о предоставлении точной и исчерпывающей информации о доходах (расходах), собственности и имущественных обязательствах [2]. Так, в Ульяновской области был выявлен факт не предоставления депутатами представительного органа местного самоуправления в декларациях сведений об имеющемся имуществе у близких родственников в виде жилого дома и земельного участка, что является нарушением действующего законодательства, предусматривающего предоставление такой информации не только на государственного или муниципального служащего, но и на их супругов и несовершеннолетних детей. Данная ситуация свидетельствует о нарушении антикоррупционного законодательства, в связи с чем прокурор направил представление в соответствующий представительный орган, по результатам рассмотрения которого депутаты досрочно прекратили свои полномочия [6].
- в. проверка исполнения требований законодательства о предотвращении конфликта интересов. Урегулирование конфликта интересов – один из самых важных процессов, реализуемых на государственной или муниципальной службе, что способствует снижению уровня коррупции. Роль прокурора заключается в контроле за соблюдением законодательства, направленного на предотвращение ситуаций, когда личные интересы служащих могут влиять на их служебные обязанности. Прокурор может проводить проверки, выявлять и устранять нарушения, а также инициировать административные или уголовные дела в случае конфликтов интересов, способных нанести ущерб общественным интересам [2]. В 2021 году в ходе мероприятий по противодействию коррупционным проявлениям прокуратурой Республики Марий Эл были выявлены два характерных случая конфликта интересов. В первом эпизоде установлено, что директор социального учреждения незаконно трудоустроила собственного супруга на должность водителя, при этом систематически начисляла ему заработную плату за периоды фактического отсутствия на рабочем месте. Во втором случае зафиксирован факт заключения главой муниципального предприятия договоров аренды транспортных средств со своим отцом без обязательного согласования с органами местного самоуправления. По результатам проведенных прокурорских проверок оба нарушения были своевременно устранены [7].
2. Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов. Ключевой проблемой при разработке индивидуальных программ реабилитации остается несовершенство нормативной базы. В действующем Порядке отсутствуют четкие требования к описанию характеристик технических

средств реабилитации (ТСР), что существенно ограничивает права инвалидов. На практике это приводит к ситуации, когда предоставляемые ТСР не соответствуют реальным потребностям получателей, вынуждая их приобретать необходимое оборудование за свой счет. Данный правовой пробел создает коррупционные риски, что соответствует критериям Методики антикоррупционной экспертизы (подп. «ж» п. 3). В связи с выявленными нарушениями Генпрокуратура РФ инициировала устранение коррупциогенных факторов, направив соответствующее представление в Минтруд России [8].

3. В рамках уголовного судопроизводства ключевая роль в противодействии коррупции отводится институту государственного обвинения. Его реализация регламентирована нормами УПК РФ и предполагает активную позицию прокурора в доказывании виновности обвиняемого. Яркой иллюстрацией эффективности данного механизма стало рассмотрение дела в Шемьшейском районном суде. Прокурорская сторона успешно обеспечила доказывание факта покушения на дачу взятки должностному лицу. В результате суд признал подсудимого виновным по совокупности преступных деяний, квалифицированных по ч. 3 ст. 30 и ч. 3 ст. 291 УК РФ [9].
4. Привлечение к административной ответственности. В целях продвижения коммерческих интересов своей организации и обеспечения стабильного объема заказов директор ООО «Металлинвест» совершил противоправное деяние – передал взятку в размере более 570 тысяч рублей начальнику отдела материально-технического снабжения ФКП «Саранский механический завод». Прокуратура Ленинского района городского округа Саранск возбудила по данному факту административное производство по части 1 статьи 19.28 КоАП РФ. По результатам рассмотрения дела суд назначил виновному наказание в виде административного штрафа в размере 1 миллиона рублей [10].

Несмотря на успешные случаи борьбы с коррупцией, существует ряд проблем, с которыми сталкивается прокуратура в своей работе, и одна из главных – это независимость прокуроров от политических и административных структур. Также существует проблема недостаточной координации работы прокуроров с другими правоохранительными органами, что затрудняет проведение комплексных расследований.

Другим важным недостатком является не всегда эффективная работа прокуратуры с различными коррупционными схемами, имеющими место в рамках деятельности крупных экономических или политических групп. Какие дела часто требуют значительных ресурсов и политической воли для их эффективного расследования.

Для преодоления выделенных проблем считаем необходимым повышение независимости прокуратуры от внешнего давления, что позволит прокурорам более эффективно бороться с коррупцией, не опасаясь за последствия своих действий.

В связи с этим важно улучшить взаимодействие прокуратуры с другими государственными и правоохранительными органами, включая ФСБ, МВД и Следственный комитет, что поможет создать более слаженную систему борьбы с коррупционными преступлениями.

Не менее важным аспектом является повышение квалификации работников прокуратуры, особенно в области антикоррупционного законодательства и новых методов

борьбы с коррупцией, что будет способствовать росту профессионализма и результативности работы.

Изложенные предложения помогут усилить прокурорский надзор как важнейший инструмент борьбы с коррупцией, способствуя улучшению государственного управления и повышения доверия общества к правовым институтам.

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
2. О противодействии коррупции: Федеральный закон РФ от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.
3. Килин Я. Е. Полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции / Я. Е. Килин, А. К. Векшин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-2. С. 147-150.
4. О государственной гражданской службе: Федеральный закон РФ от 27.07.2004 № 79-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
5. Привлечение прокуратурой Чеченской республики к ответственности за несоблюдение антикоррупционных запретов // NEWS – новостной портал. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/228574158> (дата обращения: 01.05.2025).
6. Досрочное прекращение полномочий депутата, нарушившего антикоррупционное законодательство // Прокуратура Ульяновской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_73/mass-media/news?item=60705537 (дата обращения: 01.05.2025).
7. Пресечение фактов конфликта интересов в деятельности государственных и муниципальных служащих // Прокуратура Республики Марий Эл. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_pvfo/mass-media/news/archive?item=64016397 (дата обращения: 01.05.2025).
8. Принятие Министерством Труда РФ мер по исключению коррупциогенных факторов из ведомственных правовых актов // Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Центральному федеральному округу. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/expertise/nrand?item=25061238> (дата обращения: 01.05.2025).
9. Приговор Шемьшейского районного суда Пензенской области № 1-18/2021 от 24 марта 2021 г. по делу № 1-18/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8uFZA3nhZoUK/> (дата обращения: 01.05.2025).
10. По требованию прокуратуры Ленинского района г. Саранска организация оштрафована за совершение коррупционных правонарушений // Прокуратура Республики Мордовия. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_13/mass-media/news?item=66552850 (дата обращения: 01.05.2025).

Воронова А.В.

**Участие Российской Федерации в вопросах
международно-правовой защиты окружающей среды**

*Средне-Волжский институт (ф) Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

Аннотация

В данной статье рассматривается анализ направлений участия Российской Федерации по защите окружающей среды на международном уровне. В статье поднимаются вопросы организации сотрудничества государств в сфере решения экологических проблем. Приведены примеры уже существующих природоохранных союзов.

Ключевые слова: природа, окружающая среда, экологическая политика, международные соглашения, экосистема, климат.

Abstract

This article analyzes the directions of the Russian Federation's participation in environmental protection at the international level. The article raises the issues of organizing

cooperation between states in the field of solving environmental problems. Examples of existing environmental unions are given.

Keywords: nature, environment, environmental policy, international agreements, ecosystem, climate.

Природные катастрофы и техногенные аварии довольно часто происходили в истории человечества и встречаются сегодня. Последствия таких катаклизмов критичны для окружающей среды, они уничтожают все, что было создано природой за долгие годы. Подвергают опасности и уносят сотни человеческих жизней, а также наносят колоссальный экономический ущерб. По этой причине проблема охраны окружающей среды стоит достаточно остро. Сохранение и восполнение природной среды является приоритетной задачей государства. Данная проблема имеется не только в России, она актуальна для всего мирового сообщества.

В процессе столкновения с экологическими вызовами, международное сообщество осознало важность коллективного подхода в решении глобальных природоохранных проблем и сохранении окружающей среды. Существует множество международных экологических организаций, направленных на защиту окружающей среды, таких как Greenpeace, World Wildlife Fund, Green Cross International и другие, в которых принимает участие и Российская Федерация.

В 2015 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» в которой содержатся 17 глобальных целей и 169 соответствующих задач, в том числе принятие мер о борьбе с изменением климата, сохранение и рациональное использование океанов, морей и морские ресурсы, а также защиты и восстановление экосистем суши, борьба с процессом деградации земель и утратой биологического разнообразия [1].

Деятельность Российской Федерации по охране природы особо выделяется среди приоритетов на международной арене. Данная позиция подтверждается утвержденной Указом Президента РФ от 31 марта 2023 года №229 Концепцией внешней политики Российской Федерации [2. п. 41].

Российская позиция в данном вопросе заключается в недопущении политизации в решении экологических проблем. Положительных результатов в решении данных вопросов представляется возможным достичь только путем согласованного и равноправного взаимодействия всех стран. Российская Федерация выражает поддержку прав каждого государства на самостоятельный выбор способов и механизмов охраны окружающей среды. Считает необходимым установления справедливых глобальных правил природоохранной деятельности.

Также российское государство придерживается принципа недопущения причинения трансграничного ущерба окружающей среде, путем введения запретов государствам осуществлять действия в рамках их юрисдикции или контроля, которые могут привести к ущербу национальным экологическим системам других стран, а также экосистемам в зонах общего пользования. Например, со стороны России разработана программа «Зеленый пояс Амура», которая предназначена для создания сети особо охраняемых природных территорий в бассейне реки, предотвращения деградации растительных и животных экосистем.

Российская позиция по вопросам охраны окружающей среды находит свое отражение на различных политических и экспертных площадках. Например, Российская Федерация регулярно затрагивает проблемные вопросы охраны природы на саммитах ШОС, СНГ, БРИКС и др., что подтверждает следование международным инициативам.

Для того чтобы уделить еще большее внимание и обозначить важность проблем по рациональному использованию природных ресурсов, сохранению экосистем и биоразнообразия, Россия стала инициатором и подготовила площадку для таких международных мероприятий, как форум «Природопользования и сохранения всемирного

наследия», Петербургский международный и Восточный экономический форумы, Невский экологический конгресс [3. с. 17].

Более того Российской Федерацией подписано и ратифицировано множество международных конвенций и договоров. Самыми важными из них является Рамочная конвенция ООН об изменении климата [4], Парижское соглашение [5], Конвенция о биоразнообразии [6], Стокгольмская конвенция [7] и т.д. По каждому из этих направлений российские делегации направлены на достижение положительных тенденций в охране и восстановлении окружающей среды, что одновременно способствует экономическому развитию нашей страны [8. с. 211].

Россия является инициатором трансграничного сотрудничества со странами-соседями по охране и восполнению окружающей среды. Так, в целях реализации задач Конвенции по борьбе с опустыниванием на период 2018-2023 запущена «Инициатива о создании Межрегиональной группы «Центральная Азия – Россия». В рамках которой проводится совместная работа по защите редких представителей флоры и фауны, восстановлению ледников. Также имеются положительные результаты коллективной работы в сфере охраны водных ресурсов, что положительно сказывается на состоянии сопредельных водоемов.

Российское государство на протяжении долгого времени занимает ведущие позиции в сфере интегрированного управления водными ресурсами, может и готово оказать помощь другим, заинтересованным в решении данных проблем, странам. В России имеется разработанная программа по управлению водными ресурсами, организации мониторинга водопотребления и состояния водных объектов [9. с. 12]. На сегодняшний день подписано девять межправительственных соглашений по вопросам охраны и рационального использования трансграничных вод, в том числе с Азербайджаном, Белоруссией, Казахстаном, Финляндией и Эстонией.

Таким образом, Российская Федерация прилагает огромное количество усилий для защиты окружающей среды, как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Следуя принципу солидарности, наше государство вносит существенный вклад в сокращение выбросов парниковых газов, осуществляет охрану и восстановление биоразнообразия.

Важность совместной работы на международном природоохранном направлении невозможно переоценить. Для достижения существенных результатов необходимо объединить усилия всех государств. Но в условиях сегодняшней неустойчивой политической обстановки на международной арене, нарушения политических и международных прав Российской Федерации, а также игнорирования западными странами условий некоторых международных соглашений и конвенций, сотрудничество по решению глобальных экологических проблем будет затруднительным. Тем не менее, Россия стремится достигнуть договоренности по вопросам защиты окружающей среды.

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (принята Генеральной Ассамблеей ООН от 25.09.2015 г. №70/1) : сайт. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Загл. с экрана.
2. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 №229. сайт. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Загл. с экрана.
3. Ильичев, П.В. Экологическая повестка Российской Федерации и международное сотрудничество / П.В. Ильичев // Окружающая среда. – 2023. – №3. – С. 16-18.
4. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (подписана Российской Федерацией 28.12.1994) : сайт. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Загл. с экрана.
5. Парижское соглашение : международный договор от 12.12.2015: сайт. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Загл. с экрана.
6. Конвенция о биологическом разнообразии от 05.06.1992 : сайт. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Загл. с экрана.

7. Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях от 22.05.2001: сайт. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Загл. с экрана.
8. Зацепин, И. А. Экологическая политика России: перспективы использования мирового опыта / И. А. Зацепин, Ю. А. Косова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 4-2. – С. 209-214.
9. Багдасарова, Р. А. Экологическое сотрудничество России и Китая: основные направления и тренды / Р. А. Багдасарова // Евразийский журнал региональных и политических исследований. – 2021. – № 1(21). – С. 11-14.

Гасымова Е.Н. кызы

**Гражданско-правовая ответственность за нарушение обязательств
в условиях экономической нестабильности**

*(ф) ФГБОУВО «Российский государственный университет им. В.М. Лебедева»
(Россия, Казань)*

Научный руководитель: Федотова Д.С.

Аннотация

В статье исследуются вопросы применения гражданско-правовой ответственности при нарушении договорных обязательств в условиях экономических кризисов. Анализируются возможности адаптации договорных условий, основания освобождения от ответственности и меры защиты интересов сторон. Рассматриваются перспективы развития законодательства для обеспечения баланса интересов участников гражданских правоотношений в нестабильной экономической среде.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, экономическая нестабильность, обязательства, форс-мажор, судебная практика, договорные отношения.

Abstract

The article examines the issues of the application of civil liability in violation of contractual obligations in the context of economic crises. The possibilities of adapting contractual terms, grounds for exemption from liability and measures to protect the interests of the parties are analyzed. The prospects for the development of legislation to ensure a balance of interests of participants in civil law relations in an unstable economic environment are considered.

Keywords: civil liability, economic instability, obligations, force majeure, judicial practice, contractual relations.

В условиях современного экономического ландшафта экономическая нестабильность становится неотъемлемым фактором, оказывающим влияние на выполнение гражданско-правовых обязательств. Факторы, такие как колебания валютных курсов, инфляция, внешнеэкономические санкции и пандемии, существенно затрагивают деятельность субъектов гражданского оборота. В таких обстоятельствах механизм гражданско-правовой ответственности приобретает особую значимость, так как он направлен на восстановление нарушенного имущественного баланса и поддержание стабильности в гражданских отношениях.

Настоящая работа ставит перед собой задачу проанализировать особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств в условиях экономической нестабильности. В этом контексте будет рассмотрено действующее российское законодательство и актуальная судебная практика, что позволит выявить ключевые аспекты и подходы к решению возникающих проблем.

Гражданско-правовая ответственность представляет собой важный механизм государственного воздействия на лица, нарушившие нормы гражданского права. Согласно статье 393 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ),

должник обязан возместить убытки кредитору, если обязательство не было исполнено или было исполнено ненадлежащим образом, если иное не предусмотрено законодательством или условиями договора.

К основным признакам гражданско-правовой ответственности можно отнести следующие:

- наличие правонарушения: это может быть как факт неисполнения обязательства, так и его ненадлежащее исполнение.
- причинение убытков: должник должен причинить кредитору убытки или иной вред.
- причинно-следственная связь: необходимо установить связь между действиями (или бездействием) должника и последствиями, которые наступили.
- вина должника: в большинстве случаев требуется наличие вины должника, однако существуют исключения, когда ответственность наступает независимо от вины, как, например, в случае с перевозчиками (статья 796 ГК РФ).

Таким образом, конструкция гражданско-правовой ответственности служит не только для компенсации убытков пострадавшей стороны, но и для стимулирования должников к надлежащему исполнению своих обязательств.

Следует отметить, что экономическая нестабильность сама по себе не является основанием для освобождения от ответственности. Тем не менее, при анализе поведения сторон и последствий, она может быть учтена как обстоятельство, влияющее на возможность исполнения обязательств.

Согласно пункту 3 статьи 401 ГК РФ, лицо, не исполнившее обязательство, освобождается от ответственности, если докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

В судебной практике (см., напр., Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.07.2022 № 305-ЭС22-8757) неоднократно отмечалось, что резкие экономические колебания, введение ограничительных мер, дефицит поставок могут квалифицироваться как форс-мажорные обстоятельства, если они действительно сделали исполнение обязательства невозможным.

Одной из тенденций последних лет стало более гибкое применение положений о гражданско-правовой ответственности. Суды учитывают влияние макроэкономических факторов при решении вопроса о наличии вины и возможности исполнения обязательств.

Важным кейсом можно считать Постановление Президиума ВС РФ от 27.04.2023 № 10-ПР22, где был рассмотрен спор о неисполнении обязательств поставщиком, сославшимся на санкционные ограничения и невозможность ввоза оборудования. Верховный Суд признал данные обстоятельства форс-мажором, поскольку доказательства свидетельствовали о невозможности исполнения по независящим от должника причинам.

Однако сами по себе экономические трудности, например, нехватка оборотных средств, падение спроса или рост себестоимости, не признаются основаниями для освобождения от ответственности (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.03.2023 по делу № А40-205671/2022).

Таким образом, при наступлении экономически нестабильной ситуации необходимо разграничивать объективную невозможность исполнения и ухудшение экономического положения.

В рамках гражданского оборота участники имеют право устанавливать в своих договорах условия, которые могут ограничивать или полностью исключать ответственность в случае возникновения определенных обстоятельств. Согласно пункту 1 статьи 401 ГК РФ, стороны могут изменять как меру, так и основания ответственности, при условии, что это не противоречит действующему законодательству.

В современных условиях особенно актуальными становятся оговорки, касающиеся валютных и санкционных рисков, а также механизмы пересмотра цен. К примеру, в договорах часто включаются положения о форс-мажоре, которые позволяют сторонам адаптировать свои обязательства в случае значительных изменений в экономической ситуации.

Ярким примером может служить договор аренды, в котором стороны оговаривают возможность изменения арендной платы при колебаниях валютного курса, превышающих установленный процент.

Экономическая нестабильность, безусловно, влияет на исполнение гражданско-правовых обязательств, однако она не является универсальным основанием для освобождения от ответственности. Современное гражданское законодательство предлагает множество инструментов для гибкой адаптации обязательств, включая механизмы освобождения от ответственности, форс-мажорные обстоятельства и возможность изменения условий договора по инициативе сторон.

Судебная практика также формирует устойчивые подходы к оценке таких ситуаций, основываясь на принципах добросовестности и разумности, а также на необходимости соблюдения баланса интересов сторон.

Таким образом, анализ ответственности за нарушение обязательств в условиях экономической нестабильности требует комплексного подхода, учитывающего конкретные обстоятельства дела, нормы законодательства и условия, прописанные в договоре.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Постановление Президиума ВС РФ от 27.04.2023 № 10-ПР22 // Режим доступа: <https://www.garant.ru/> – Проверено: 08.05.2025
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.07.2022 № 305-ЭС22-8757// Режим доступа: <https://www.garant.ru/> – Проверено: 08.05.2025
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.03.2023 по делу № А40-205671/2022 // Режим доступа: <https://www.garant.ru/> – Проверено: 08.05.2025

**Голованова О.В., Кашуркина А.А., Перепелкин В.Ю.
Аффект в уголовном праве: от теории к судебной практике**

*Средне-Волжский институт (ф) Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

Аннотация

В судебной практике с определенной частотой встречаются преступления в состоянии аффекта. В статье мы анализируем теоретические подходы к понятию аффекта, проблемы, возникающие в правоприменении, историческое развитие "состояния аффекта" в уголовном праве России, причины возникновения состояния аффекта у субъекта преступления, а также судебную практику по ст. 107 и ст. 113 УК РФ.

Ключевые слова: аффект, состояние аффекта, психолого-психиатрическая экспертиза, субъект преступления, психиатрия, душевное волнение.

Abstract

In judicial practice, crimes in a state of affect are encountered with a certain frequency. In the article we analyze theoretical approaches to the concept of affect, problems arising in law enforcement, the historical development of the "state of affect" in Russian criminal law, the causes of the state of affect in the subject of the crime, as well as judicial practice under Art. 107 and Art. 113 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: affect, state of affect, psychological and psychiatric expertise, subject of crime, psychiatry, mental excitement.

Каждый компонент состава преступления и ясное осознание каждого из них имеют ключевое значение для правильной квалификации преступных деяний. Особое внимание заслуживает понятие аффекта, которое, хотя и упоминается всего в двух статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 107 и ст. 113), играет важную практическую роль. Это связано с тем, что значительная часть преступлений совершается под воздействием сильных эмоциональных переживаний.

Ключевое значение имеет разграничение обычного эмоционального возбуждения и состояния аффекта, так как это различие непосредственно сказывается на квалификации преступления и выборе меры наказания.

В правовой системе России произошли значительные изменения в терминологии: ранее для описания острого эмоционального состояния использовался термин "сильное душевное волнение", однако с введением Уголовного кодекса РФ 1996 года он был заменен на "аффект". Это нововведение вызвало активные дискуссии в научных кругах, поскольку хотя оба термина имеют схожие черты, они не являются идентичными. Первое понятие связано с уголовным правом, тогда как второе относится к области психологии и психиатрии. Теперь для правильного понимания данного признака сотрудникам правоприменительных органов необходимо обращаться к исследованиям в области психологии, психиатрии и других наук, изучающих это явление, что существенно затрудняет единое применение и толкование соответствующих норм права.

В данных обстоятельствах первостепенное значение приобретает детальное исследование понятия аффекта и его содержательных характеристик.

Аффект (от латинского «affectus», что переводится как страсть или душевное волнение) представляет собой «интенсивное кратковременное чувство, сопровождающееся либо активной двигательной реакцией, либо полной неподвижностью» [1, с. 51]. В толковом словаре психиатрических терминов это понятие также определяется как «кратковременное, бурно протекающее чувство, имеющее положительную или отрицательную окраску, которое чаще всего возникает под воздействием психогенных факторов и сопровождается выраженными вегетативными проявлениями». Несмотря на множество различных определений аффекта в научной литературе, все они справедливы и адекватно отражают суть данного состояния.

В юридической практике так же важно различать физиологический и патологический аффекты: первый предполагает временное подавление воли и сужение сознания, но не исключает вменяемость лица (что учитывается при квалификации преступлений по статьям 107 и 113 УК РФ), тогда как второй приводит к полному помрачению сознания и парализации воли, что исключает уголовную ответственность в силу временного психического расстройства.

Определение вида аффекта в каждом конкретном случае требует проведения специальных судебно-психиатрических и психолого-психиатрических экспертиз, результаты которых имеют решающее значение для правильной квалификации деяния и определения меры наказания [2, с. 3].

Изучение различных интерпретаций аффекта позволяет выделить основные характеристики этого психофизиологического состояния, которые необходимы для его идентификации у субъекта преступления. К таким характеристикам относятся: 1) высокое эмоциональное напряжение, приводящее к изменениям в психических процессах и физических реакциях; 2) значительное сужение сознательной деятельности, проявляющееся в неясности целей и снижении способности к саморегуляции; 3) полное погружение в эмоциональное состояние, охватывающее все аспекты психики и физиологии; 4) внезапное и неожиданное возникновение аффекта; 5) высокая интенсивность и глубина переживаний, ярко выраженных на внешнем уровне; 6) устойчивость эмоционального напряжения до момента его разрядки; 7) кратковременность аффективного состояния.

Совокупность данных признаков создает целостное представление об аффективном состоянии, что дает возможность четко отграничить его от других юридически релевантных состояний, каждое из которых обладает определенной значимостью и правовым статусом в уголовно-правовой сфере.

Аффект включает три стадии, каждая из которых сопровождается значительными изменениями в состоянии человека: 1) Доаффективная стадия: нарастающее эмоциональное напряжение, вызванное различными триггерами; 2) Активный период: резкий эмоциональный выброс, который может проявляться в агрессивном поведении и деструктивных действиях; 3) Послеаффективная стадия: физическое и эмоциональное истощение. Индивид начинает осмысливать свои поступки, что часто приводит к возникновению глубокого чувства вины.

Аффективное состояние развивается как ответная реакция на конфликтную ситуацию или действия других лиц. В ст. 107 и ст. 113 УК РФ содержатся факторы (причины), провоцирующие аффективное состояние. К таковым относятся: насилие (физическое и психическое), издевательство, тяжкое оскорбление, иные противоправные или аморальные действия (бездействие), длительная психотравмирующая ситуация [3, с. 219].

Физическое насилие может проявляться в виде ограничения свободы передвижения, телесные повреждения, связывание. Психическое насилие может выражаться в угрозах причинения вреда здоровью (угрозы могут быть в сторону близких родственников), шантаж, распространение порочащей информации. Издевательство – насильственные действия, грубое унижение чести и достоинства личности, глумление над жизненными идеалами, имеющие систематический характер. Тяжкое оскорбление также подразумевает унижение чести и достоинство, но отличающееся исключительным цинизмом, а также оценка оскорбления требует комплексного анализа всех обстоятельств дела и индивидуальных особенностей личности потерпевшего. К иным противоправным действиям потерпевшего относятся: причинение вреда здоровью не насильственным способом, самоуправство, клевета и др. Длительная психотравмирующая ситуация возникает вследствие длительных и систематических противоправных или аморальных действий потерпевшего, которые создают невыносимые условия для пострадавшего лица. Длительная психотравмирующая ситуация возникает при систематических противоправных или аморальных действиях потерпевшего, которые создают невыносимые условия для пострадавшего. В уголовно-правовой теории системность подобных действий трактуется как выполнение трех и более однородных по своей юридической природе деяний в течение установленного временного интервала, который не превышает одного года. Эти действия и их продолжительность приводят к накоплению отрицательных эмоций у потерпевшего, что вызывает нервное напряжение, которое достигает критического уровня и выливается в состояние аффекта [4, с. 327].

При оценке провоцирующих факторов (причин) необходим комплексный анализ, которые включает в себя как объективные обстоятельства дела и обстановку, так и субъективные особенности личности виновного, к которым относятся возрастные особенности, физическое состояние (недостаток сна, стресс, переутомление), особенные физиологические состояния (например, беременность). Именно оценка этих факторов позволяет более точно оценить степень эмоционального напряжения субъекта и вероятность возникновения аффекта.

Вопрос о классификации аффекта остается актуальным в современной медицинской научной литературе. Анализируя существующие исследования по этой теме, можно выделить три ключевых типа аффекта:

1. Физиологический аффект – это реакция, возникающая в ответ на внезапное действие или высказывание потенциальной жертвы, которое оказывает психотравмирующее воздействие на преступника.

2. Кумулятивный аффект – данный тип аффекта формируется не из-за одного сильного воздействия, а в результате длительного воздействия множества слабых психотравмирующих факторов. Каждый из них сам по себе не вызывает состояния аффекта, но их накопление приводит к его возникновению [5, с. 29].
3. Патологический аффект – это состояние, обусловленное устойчивым психологическим или психоневрологическим расстройством, которое связано не с действиями потерпевшего, а с внутренним состоянием субъекта преступления.

Помимо теоретического обзора состояния аффекта и его признаков, в своем докладе мы также хотели бы рассмотреть судебную практику и проанализировать, какую роль играло состояние аффекта в каждом конкретном деле.

В 2016 году районный суд г. Москвы в открытом судебном заседании рассмотрел материалы уголовного дела в отношении Шишкова П.Е., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 107 УК РФ. Шишков П.Е. убил гражданина С.А. в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), которое было вызвано аморальным поведением С.А. Гражданин С.А. долгое время, на постоянной основе находился в интимной связи с супругой Шишкова П.Е. Согласно заключению комплексной судебной психолого-психиатрической комиссии экспертов, Шишков П.Е. в момент совершения преступления находился в состоянии выраженного эмоционального возбуждения, достигшего степени физиологического аффекта, возникновению которого способствовала психотравмирующая ситуация, накопленные отрицательные переживания, вызванные ситуацией в отношениях с супругой. Шишков П.Е. убил гражданина С.А. ножом, ударив его не менее восьми раз по верхней части туловища и лицу. Суд квалифицировал его действия по ч. 1 ст. 107 УК РФ как убийство в состоянии аффекта, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей вследствие систематического аморального поведения потерпевшего. Шишкову П.Е. было назначено наказание в виде ограничения свободы сроком на 10 месяцев, но, учитывая срок содержания Шишкова П.Е. под стражей до приговора суда, назначенное наказание в виде ограничения свободы посчитали полностью отбытым, Шишкова П.Е. освободили из-под стражи в зале суда.

Дело Шишкова П.Е. наглядно показывает судебный процесс по преступному деянию, предусмотренного ст. 107 УК РФ: проведение комплексной судебной психолого-психиатрической комиссии экспертов, которая позволяет точно определить – был ли субъект преступления в состоянии аффекта или нет, выяснение всех обстоятельств дела, точно ли аморальное поведение потерпевшего могло нанести столь психотравмирующий эффект, чтобы преступник совершил убийство в состоянии сильного душевного волнения.

Рассмотрим следующее дело. Осужденный на 12 лет, с ограничением свободы сроком на 1 год по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по ч. 1 ст. 105 УК РФ Бушилов Б.А. и его защитники выражают в апелляции несогласие с приговором суда. Приговором суда Бушилов Б.А. признан виновным в покушении на убийство, то есть в умышленных действиях, непосредственно направленных на причинение смерти другому человеку, в отношении двух лиц, при этом преступление не было доведено до конца по независящим от виновного обстоятельствам, а также в убийстве, то есть в умышленном причинении смерти другому человеку.

В судебном заседании эксперт, психолог института Сербского, заявила суду, что действия осужденного не могли носить умышленный характер и он не мог спланировать убийство, нет прямого умысла покушения на убийство. Суд отклонил данные показания и также отверг доводы защиты Бушилова о том, что преступления были совершены в состоянии аффекта. Не были истребованы и приобщены медицинские документы, в том числе из лечебных учреждений, где на протяжении 23-х лет наблюдался и проходил

лечение осужденный, из медицинских учреждений у психолога и психиатра по месту его проживания.

В дополнениях к апелляционной жалобе от 16, 20 мая, 5 сентября 2018 года осужденный Бушилов Б.А. считает приговор суда незаконным, необоснованным и основанным на предположениях. Бушилов указывает, что суд проигнорировал доводы о том, что преступление было совершено в состоянии аффекта, при этом причиной сильного душевного волнения явилось именно аморальное поведение потерпевших, которые на протяжении длительного времени вымогали у Бушилова денежные средства, а также препятствовали ведению бизнеса и угрожали закрыть его бизнес.

Заключение стационарной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы опровергают доводы о том, что преступление было совершено в состоянии аффекта. Согласно заключению данной экспертизы Бушилов в момент совершения не находился в состоянии аффекта, у него не наблюдалось взрывного подрыва изменений психического состояния с возможной агрессивной разрядкой и последующим истощением и глубоким чувством вины. Все агрессивные действия были пролонгированы во времени, сопровождалась сменой операционального состава и места их совершения.

По итогам апелляционного судебного процесса, Бушилову Б.А. назначали 13 лет лишения свободы с ограничением свободы на 1 год. Совершенное Бушиловым деяние не было квалифицировано как совершенное в состоянии аффекта [6].

Эти примеры показывают нам, как важна психолого-психиатрическая экспертиза для квалификации преступления и выбора меры наказания. Суду важно выяснить все обстоятельства дела, проанализировать: действительно ли было психотравмирующее воздействие на субъекта, было ли эмоциональное напряжение, и могли ли эти факторы вылиться в состояние аффекта.

1. Суденко В. Е. Уголовное право. Общая часть : Лекции / В. Е. Суденко. М : Юридический институт МИИТа, 2016. 197 с.
2. Ширшиков А. С. Проблемы квалификации аффектированных преступлений / А. С. Ширшиков // Молодой ученый. 2022. № 50 (445). С. 352-356.
3. Савостокин М. Б. Аффективные состояния в уголовной практике: понимание, оценка и применение / М. Б. Савостокин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №12-1 (99). С. 217-220.
4. Чучелов Е. Н. Психологическая характеристика аффекта как сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего / Е. Н. Чучелов // Пробелы в российском законодательстве. 2014. №6. С. 326-328.
5. Крохин И. П. Теоретические основы и нормативно-правовая база судебно-психологической экспертизы: методические рекомендации по дисциплине «Судебно-психологическая экспертиза» для обучающихся по специальности «Клиническая психология» / И. П. Крохин. М : МГМСУ им. А. И. Евдокимова, 2021. 49 с.

Жангараев Н.Т., Ырысбекова Б.Д.

Проблема исполнения судебных решений, как пробел законодательства исполнительного производства Кыргызской Республики

*Кыргызско-Узбекский Международный университет
имени Батыралы Сыдыкова
(Кыргызстан, Ош)*

Аннотация

В статье рассматриваются и анализируются некоторые проблемы, связанные с законодательством исполнительного производства Кыргызской Республики. Рассматриваются некоторые направления совершенствования исполнительного законодательства и организации принудительного исполнения. Методами исследования использованы: формально-логический, относительно-сравнительный, систематический и другие методы были использованы. Результаты научной статьи рекомендуются для дальнейших научных исследований в данной области, для использования при обучении

студентов юридических вузов по исполнительному производству, а также для совершенствования законотворческой деятельности, связанной с исполнительным производством.

Ключевые слова: судебный исполнитель, исполнительное производство, арест имущества, розыск должника, отсрочка исполнительных действий, закон.

Abstract

The article examines and analyzes some problems related to the legislation of enforcement proceedings in the Kyrgyz Republic. Some areas of improvement of enforcement legislation and organization of enforcement are considered. The following research methods were used: formal-logical, relative-comparative, systematic and other methods were used. The results of the scientific article are recommended for further scientific research in this area, for use in teaching students of law schools on enforcement proceedings, as well as for improving legislative activities related to enforcement proceedings.

Keywords: bailiff, enforcement proceedings, seizure of property, search for debtor, deferment of enforcement actions, law.

Авторитет и престиж судебной власти определяется тем, насколько качественно и быстро реализуются судебные решения. Разумеется, это зависит от безупречной деятельности органов исполнительного производства, которая в течение всего времени непрерывно модернизируется и реформируется.

В настоящее время применение законодательства Кыргызской Республики имеет немало проблем на практике исполнительного производства, возникающие при исполнении судебных решений. Думается, что возникновению этих проблем прежде всего служит несовершенство законодательства Кыргызской Республики, а также неурегулированность некоторых вопросов, которые возникают в исполнительном производстве. Наибольшее распространение имеет из них как неопределенность судебного решения, исполнение исполнительных документов о взыскании штрафов, арест определенных видов имущества, розыск должника, отсрочка исполнения и др.

Основные проблемы, которые имеются в исполнительном производстве, можно скомпоновать на три категории:

- невыполнимость на практике судебных решений;
- несовершенство в законодательстве Кыргызской Республики;
- нарушение нормы закона самими судебными исполнителями.

Справедливо отмечает Никифорунок, что исполнительное производство как минимум направлено на реализацию двух целей: во-первых, судебные постановления должны исполняться в добровольном либо принудительном порядке уполномоченными государственными органами; во-вторых, исполнительное производство должно служить гарантией восстановления прав и законных интересов граждан на основе вынесенного судебного решения [1].

Согласно Закону КР от 28 января 2017 года №15 «О статусе судебных исполнителей и об исполнительном производстве» со дня поступления исполнительного документа в службу судебных исполнителей судебный исполнитель в течение трехдневного срока должен вынести постановление о возбуждении исполнительного производства, а исполнительные документы могут быть предъявлены к принудительному исполнению в следующие сроки:

- 1) судебные акты, исполнительные листы – в течение трех лет с момента вступления в силу судебных актов;
- 2) постановления органов или должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела о нарушениях, – в течение трех лет с момента вступления в законную силу постановлений иных органов;

- 3) исполнительные надписи нотариусов - в течение трех месяцев с момента их выдачи;
- 4) удостоверения, выдаваемые на основании решений комиссий по трудовым спорам и профсоюзного комитета, – в течение трех месяцев со дня их выдачи;
- 5) извещения органов налоговой службы об обеспечении исполнения задолженности по налогам, неналоговым доходам и страховым взносам, признанной налогоплательщиком, – три года с момента их вручения;
- б) акты иных органов, являющиеся исполнительными документами в случаях, предусмотренных законом, – в течение трех месяцев, если законом не установлены иные сроки предъявления их к исполнению.

Исполнительные документы о взыскании периодических платежей (взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного здоровью, и другие) сохраняют силу на все время, на которое присуждены платежи. При этом сроки предъявления исполнительных документов к исполнению исчисляются для каждого платежа в отдельности и течение их начинается со дня, следующего за днем наступления срока каждого платежа. Исполнение исполнительных документов, связанных с реализацией имущества, должно быть завершено в срок не более шести месяцев, а в остальных случаях – в срок не более четырех месяцев со дня получения исполнительного документа судебным исполнителем [2]. Однако имеются определенные исключения из правил, когда сроки исполнения исполнительных документов, указанные выше не применяются при исполнении исполнительных документов о периодических взысканиях. Например, это может быть исполнительный документ о взыскании алиментов, заработной платы, восстановления на работе и другие в соответствии с законодательством.

На основании действующего законодательства Кыргызской Республики вопросы исполнения судебных актов занимается подразделение службы судебных исполнителей при департаменте Верховного Суда Кыргызской Республики. За подразделением службы судебных исполнителей закреплены функции:

- исполнение судебного решения уже вступившего в законную силу путем выдачи исполнительного акта;
- вопросы, решаемые судом в соответствии с разделом 6 ГПК КР, то есть вопросы производства, связанного с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов (выдача исполнительного листа, его дубликата, разъяснения исполнительного документа, подлежащего исполнению, отсрочка или рассрочка исполнения судебного постановления, изменение способа и порядка исполнения, индексация присужденных денежных сумм, рассмотрение вопросов о порядке приостановления, возобновления, прекращения исполнительного производства, поворот исполнения решения суда и т.п.) [3].

Применяя опыт зарубежных стран и непосредственно свой, удалось осуществить нижеперечисленные меры:

- сведения, которые необходимы для судебного рассмотрения, стало возможным добыть у физических и юридических лиц не только на территории Кыргызской Республики, но и за её пределами;
- с согласия должника или иных лиц входить в помещения и хранилища, занимаемые или принадлежащие должникам, а также другим лицам, при наличии данных, подтверждающих нахождение у них имущества, принадлежащего должнику. В случае отсутствия согласия должника или иных лиц судебный исполнитель вправе войти в помещение и хранилище, занимаемые или принадлежащие должнику, или иным лицам, на основании судебного акта;

- проверять финансовые документы должника;
- производить арест имущества должника, включая денежные средства и ценные бумаги;
- выносить постановления по собственной инициативе или по инициативе взыскателя о временном запрете на выезд за пределы Кыргызской Республики, а также запрашивать сведения у различных органов и организаций (например, налоговой инспекции).
- изымать имущество, передавать арестованное и изъятое имущество на хранение;
- оценивать имущество должника с помощью эксперта или без такового;
- разыскивать должника самостоятельно или с привлечением сотрудников органов внутренних;
- инициировать принудительную регистрацию прав на имущество должника в целях последующего обращения взыскания на него и. т.д. [2].

Процесс совершенствования законодательства в сфере реализации постановлений суда в Кыргызской Республике продолжается и ныне.

Однако все вышеуказанные меры не оказывают эффективного содействия исполнению судебных актов в полной мере. В последнее время ПССИ применяет разные формы и механизмы для более эффективной реализации судебных актов. Например, ПССИ КР применяют достижения современной технологии для погашения долгов путем безналичного расчета, заключают соглашения со службами, агентствами, ведомствами и иными организациями, которые способствуют более эффективному исполнению судебных решений и погашению долгов.

Одной из существенной проблемой является аморфность судебных решений, что нередко встречается в судебной практике и негативно сказывается на исполнительное производство. На практике она обусловлена разными причинами, например, неполнота мотивировочной части решения, скудное описание фактов, а также противоречивость в формулировках и т.д.

Немаловажной проблемой является арест имущества, что нередко с ней имеют дело судебные исполнители. В соответствии с Законом КР от 28 января 2017 года №15 «О статусе судебных исполнителей и об исполнительном производстве» (далее Закон) взыскание обращается исключительно на имущество, которое находится в собственности должника. Однако на практике имеются случаи, когда право собственности подтвердить невозможно, судебные исполнители в таких случаях однозначным образом решают этот вопрос, то есть арестовывают имущество, у которого право собственности подтверждено и наоборот. Впоследствии может случиться так, что имущество, на которое наложен арест предъявляют право собственности другие лица, не принимающие участия в судебном производстве. Таким образом доказать какая из сторон права практически трудно. Судебный исполнитель, накладывая арест на имущество, не принадлежащее должнику, рискует нарушить предписания Закона. Следовательно, необходимо внести в некоторые изменения в Закон, согласно с которыми судебный исполнитель имел бы право арестовывать любое имущество, которое находится у должника и принадлежность его иному лицу должник не сможет доказать. Также нужно предусмотреть тот факт, что в случае ареста имущества, которое принадлежит другому лицу, вправе в судебном порядке обжаловать действия судебного исполнителя. Причем после ареста имущества или же после его реализации, оказывается, что оно действительно принадлежит другому лицу. Еще немаловажным недостатком является тот факт, что на сегодня не имеются специализированные склады для помещения арестованного имущества. Необходимо на законодательном уровне урегулировать этот вопрос, что повысило бы мобильность и оптимальную реализацию исполнительного производства.

Законодательство исполнительного производства КР предусматривает розыск должника, однако не установлен порядок осуществления розыска должника и его имущества. В исполнительном производстве розыск должника производится органами внутренних дел формально, как показывает практика имеются случаи, когда судебный исполнитель направляет постановление о розыске должника и его имущества органам внутренних дел, но оно по каким-то причинам остается без движения и тем самым затягивается процесс розыска и взыскателям самим приходится обращаться соответствующим органам для продвижения процесса розыска.

Розыск должника является в определенной степени основой и одним из существенных элементов для реализации судебных актов. Производство розыска должника является одной из существенных обязанностей судебного исполнителя. Примечателен еще один нюанс как возврат авансового взноса взыскателю, когда розыск не дал результатов, на этот счет Закон не дает однозначного ответа. Во-первых, розыск как элемент исполнительного производства закончен и в Законе предусмотрено возвращение авансового взноса взыскателю (ч. 2 ст. 120 Закона). Во-вторых, расходы по совершению исполнительных действий возмещаются взыскателю и лицам, понесшим указанные расходы, за счет должника (ч. 1 ст. 119 Закона) и здесь имеется неясность по поводу того, кто будет возмещать эти расходы в случае, когда должника и его имущество не удалось найти при осуществлении розыска.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что проблема розыска очень актуальна. Думается, что необходимо внести определенные доработки в законодательство по производству розыска. Прежде всего требуется на законодательном уровне дать определение понятию и содержанию розыска в исполнительном производстве, также необходимо установить и выявить перечень определенных мероприятий, которые могут применять судебные исполнители для реализации судебных актов.

В законодательстве КР на данный момент не в полной мере решен вопрос об отсрочке исполнительных действий. К сожалению наше законодательство не предусматривает конкретных сроков, а также оснований предоставления отсрочки, решение этого вопроса предоставляется суду, то есть ему возлагается принять самостоятельное решение. Общие начала предоставления отсрочки, а также изменение способа и порядка исполнения решения суда определены Постановлением Пленума Верховного Суда Кыргызской Республики от 24 ноября 2021 года N 15 "О некоторых вопросах применения законодательства Кыргызской Республики при рассмотрении заявлений об отсрочке, рассрочке, изменении способа и порядка исполнения решения суда". Согласно п. 3, 4, 5, 6 этого постановления отсрочка исполнения судебного акта предоставляется определением суда о переносе на более поздний срок даты исполнения судебного акта или даты начала совершения судебным исполнителем исполнительных действий по исполнительному производству. С заявлением о предоставлении отсрочки или рассрочки, изменении способа и порядка исполнения решения суда в суд, вынесший решение, вправе обратиться лица, участвовавшие в деле. В ходе исполнительного производства по указанным вопросам в суд, выдавший исполнительный документ, либо в суд по месту исполнения вправе обратиться стороны исполнительного производства, а судебный исполнитель – только с заявлением об изменении способа и порядка исполнения. Основаниями для предоставления отсрочки или рассрочки исполнения решения суда (исполнительного документа) могут являться неустранимые на момент обращения в суд обстоятельства, объективно препятствующие исполнению должником решения суда (исполнительного документа). Имеются ли такие основания, суд решает в каждом конкретном случае с учетом всех имеющих значение фактических обстоятельств. К ним могут относиться: тяжелое имущественное положение должника, а также иные причины, существенно затрудняющие исполнение. Суд должен оценить возможность исполнения решения суда по истечении срока отсрочки или периодов рассрочки по

предоставленным доказательствам, подтверждающим тот факт, что ко времени окончания отсрочки исполнения или периодов рассрочки исполнения, должник будет располагать имуществом или доходами, достаточными для исполнения судебного акта. Также суды при разрешении заявлений о предоставлении отсрочки или рассрочки следует оценить все представленные должником доводы о необходимости отсрочки или рассрочки исполнения решения суда, возможные возражения взыскателя относительно такой отсрочки или рассрочки.

При предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения суды должны исходить из баланса прав и законных интересов взыскателя и должника с тем, чтобы установленный порядок исполнения решения суда отвечал требованиям разумности, справедливости и не затрагивал существа гарантированных прав лиц, участвующих в исполнительном производстве, а также прав и законных интересов третьих лиц [4].

Как указано выше определение сроков и оснований отсрочки, а также изменение способа и порядка исполнения решения суда является прерогативой суда, установленной Постановлением Пленума Верховного Суда КР (далее – Постановление Пленума). Практически Постановление Пленума является единственным регулятором вопроса отсрочки исполнения судебных актов, оно как акт судебного толкования направлено на правильное разъяснение закона и судебной практики, призвано ориентировать судебные органы на однозначное и корректное отправление правосудия. Тем не менее Постановление Пленума не является законом в буквальном смысле, а служит вспомогательным фактором при разрешении судебных дел и в частности предоставления отсрочки. А ведь помимо отсрочки исполнения судебных актов, имеются акты других государственных органов, отсрочка исполнения которых не урегулированы в достаточной степени на законодательном уровне.

Законодательство России тоже не предусматривает конкретных сроков отсрочки, но четко определило участников исполнительного производства, а также соответствующих органов, выдавших исполнительный документ куда нужно обращаться с заявлением о предоставлении отсрочки исполнения. Немаловажным является то, что во время отсрочки, предоставленного соответствующим органом, меры принудительного исполнения приостанавливаются. В п 1, 2 ст. 37. Федерального закона РФ от 02. 10. 2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» говорится, что «взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель вправе обратиться с заявлением о предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения судебного акта, акта другого органа или должностного лица, а также об изменении способа и порядка его исполнения в суд, другой орган или к должностному лицу, выдавшим исполнительный документ», также «в случае предоставления должнику отсрочки исполнения судебного акта, акта другого органа или должностного лица исполнительные действия не совершаются и меры принудительного исполнения не применяются в течение срока, установленного судом, другим органом или должностным лицом, предоставившими отсрочку» [5]. Анализируя вышеуказанное можно заметить, что российское законодательство закрепило право обратиться с заявлением о предоставлении отсрочки исполнения не только судебных актов, но и актов других государственных органов, что более облегчает правовую процедуру и вносит определенную ясность правового регулирования вопроса отсрочки.

Не вызывает сомнения, что пробел правовой регламентации отсрочки будет приводить к неправильному и неточному применению законодательства [6]. На практике основаниями для предоставления отсрочки служат как было отмечено выше тяжелое имущественное положение должника, а также иные причины, которые затрудняют исполнение.

Вообще отсутствие у должника денег или других средств для погашения задолженности не служит основанием отсрочки исполнения. Как показывает практика имеются случаи того, что суды не указывают основания для отсрочки, когда они его предоставляют. В связи с этим необходимо установить не только сроки, также и

основания при предоставлении отсрочки исполнения судебного решения [7]. Действительно имеется такая тенденция в судебной практике, когда суды не устанавливают по тем или иным причинам основания отсрочки исполнения и т.д.

Резюмируя все вышеизложенное можно сделать вывод о том, что в настоящее время имеются определенные пробелы в законодательстве об исполнительном производстве, которые безусловно приводят к неопределенности, создают трудности применения права и множество проблем. Разумеется, на практике это обстоятельство порождает различные толкования законодательства исполнительного производства, что негативно может сказаться для граждан и организаций.

Необходимо совершенствовать и дорабатывать законодательство в этом направлении учитывая опыт зарубежных стран [8]. Полагаем, что нужно качественно усилить полномочия прокуратуры в сфере надзора при исполнении законодательства об исполнительном производстве, а также на законодательном уровне нужно усилить и расширить контроль суда за деятельностью судебных исполнителей. Немаловажным было бы более детально урегулировать вопросы юридической ответственности для судебных исполнителей. Безусловно для полной реализации законодательства требуются и другие вспомогательные меры экономического и организационного характера, которые несомненно обеспечивали бы исполнение судебных актов, а также актов соответствующих органов.

1. Никифориук Е.О. Исполнимость как требование к судебным актам // Исполнительное право. – 2013. – № 1. – С.40-42.
2. Закон КР от 28 января 2017 года №15 «О статусе судебных исполнителей и об исполнительном производстве». ч. 5 ст. 23, ст. 37, ст. 40.
3. Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики. Принят от 25 января 2017 года № 14. ч. 2 ст. 70.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Кыргызской Республики от 24 ноября 2021 года N 15 "О некоторых вопросах применения законодательства Кыргызской Республики при рассмотрении заявлений об отсрочке, рассрочке, изменении способа и порядка исполнения решения суда" п. 3, 4, 5, 6.
5. Федеральный закон РФ от 02. 10. 2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве».
6. Токтакун Кызы, Г. О некоторых аспектах порядка исполнительного производства / Г. Токтакун Кызы, Н. Нийматжан Кызы // Бюллетень науки и практики. – 2024. – Т. 10, № 7. – С. 453-456. – DOI 10.33619/2414-2948/104/51. – EDN EVIUZE.
7. Афанасьев С.Ф., Зайцев А.И. Гражданский процесс: учебное пособие. - М.: Норма, 2012. - 451 с.
8. Кармышаков, М. А. Понятие и значение исполнительного производства в Кыргызской Республике / М. А. Кармышаков, К. Г. Токтакун // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2018. – № 12. – С. 44-46. – EDN JWTAMU.

Иваненко М.М.

К вопросу о классификации форм соучастия в преступлении

*ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
(Россия, Сочи)*

Аннотация

Статья посвящена вопросам классификации форм соучастия в преступлении. Автор особое внимание уделяет особенностям каждой формы соучастия, влияние их на квалификацию преступления и дифференциацию ответственности. Делаются выводы о том, что определение формы соучастия является обязательным элементом для назначения справедливого наказания с учетом соблюдения принципов уголовного права.

Ключевые слова: классификация форм соучастия, соучастие в преступлении, организованная преступность, субъективные признаки, объективные признаки.

Abstract

The article is devoted to the classification of forms of complicity in crime. The author pays special attention to the peculiarities of each form of complicity, their influence on the qualification of the crime and the differentiation of responsibility. It is concluded that the definition of the form of complicity is a mandatory element for the appointment of a fair punishment, taking into account compliance with the principles of criminal law.

Keywords: classification of forms of complicity, complicity in crime, organized crime, subjective signs, objective signs.

Вопросы классификации форм соучастия в преступлении на сегодняшний день имеют достаточно высокую актуальность для исследования и обуславливаются необходимостью формирования точной юридической оценки степени и характера участия каждого лица в совершении преступления, что позволяет дифференцировать их ответственность в соответствии с ролью, выполняемой в группе, а также правильно квалифицировать само преступление.

Итак, форма – это основополагающая философская категория, которая отражает внутреннюю организацию содержимого объекта. Если говорить о содержании соучастия, то оно состоит из сочетания умышленных совместных действий двух или более лиц. Следовательно, форма соучастия будет определяться из объективной ситуации и характера совместных действий. Это означает, что, именно, форма демонстрирует, как само соучастие строится и как в ней взаимодействуют субъекты.

Из вышеизложенного следует, что соучастие можно разделить на формы по объективному критерию – способу взаимодействия сообщников.

Помимо внутреннего элемента форма соучастия определяет внешнюю сторону преступления. Форма отражает степень организованности (слаженности) действия соучастников как при подготовке, так и при совершении определенного преступления [1].

На основе объективных признаков выделяется соучастие в соисполнении (простое соучастие) и соучастие с юридическим разделением ролей (сложное соучастие).

На основе указанных субъективных признаков следует выделить две формы соучастия: соучастие без предварительного сговора, а также соучастие с предварительным сговором. В свою очередь последняя делится на элементарную форму – группу лиц по предварительному сговору, организованную группу и преступное сообщество.

Совершение преступления группой лиц, предусмотренной ч. 1 ст. 35 УК РФ [2], предполагает наличие таких признаков:

- 1) два или более исполнителя;
- 2) отсутствие предварительного сговора.

Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц с предварительным сговором, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

Признаками группы лиц по предварительному сговору являются:

- 1) два или более исполнителя;
- 2) наличие предварительного сговора.

Сговор является предварительным, если он достигнут до начала выполнения объективной стороны преступления. Если субъективная связь, сговор на совершение преступления возникают в процессе его совершения, предварительный сговор отсутствует. Входящие в состав группы лиц по предварительному сговору объединены местом, временем и способом совершения преступления [3].

Также, уголовный закон не исключает возможности признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с лицом, не подлежащим уголовной ответственности в силу возраста [4].

Признаками организованной группы являются следующие:

- 1) два или более исполнителя;
- 2) наличие предварительного сговора;
- 3) устойчивость.

Организованную группу, в отличие от группы лиц по предварительному сговору, характеризует наличие в ее составе организатора и заранее разработанной тактики преступной деятельности, распределение функциональных обязанностей между участниками группы на подготовительном этапе совершения преступления и осуществлении преступного умысла. Участники организованной группы могут и не осуществлять прямой роли в выполнении объективной стороны преступления. Вместе с тем, с юридической точки зрения, в рамках организованной группы характерно распределение именно функциональных обязанностей, а не ролей [5].

Наиболее опасной и самой сложной формой соучастия является преступное сообщество [6].

Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено:

- 1) структурированной организованной группой;
- 2) объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой, или иной материальной выгоды.

К признакам преступного сообщества относятся присущие организованной группе признаки:

- 1) два или более исполнителя;
- 2) наличие предварительного сговора;
- 3) устойчивость;
- 4) структурированность организованной группы или объединение организованных групп;
- 5) наличие единого руководства;
- 6) цель совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой, либо иной материальной выгоды [7].

Структурированной организованной группе, не считая единого руководства, присущи взаимодействие различных ее подразделений в целях реализации общих преступных целей, распределение между ними функциональных обязанностей, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении противоправных деяний и иные формы обеспечения деятельности преступного сообщества [8].

Объединение организованных групп предполагает наличие единого руководства и устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами, совместное составление плана и участие в совершении одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений.

Таким образом, под формой соучастия следует понимать способ взаимодействия соучастников в совершении преступления, определяющий особенности его внешнего и внутреннего выражения, а также степень опасности объединения преступников. Отсюда следует, что определение формы соучастия способствует правильной квалификации

самого преступления, обеспечивает справедливость наказания, и выработку способов эффективной борьбы с организованной преступностью на основе принципов законности и индивидуализации ответственности преступников.

1. Чучаев А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический). – М.: Проспект, 2021. – С. 787.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Российская газета, № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
3. Бояринцев А.А. Процессуальный статус лица, привлекаемого к участию по делу в отношении соучастников преступления // Законность. 2020. – № 11. – С. 64 - 67.
4. Определение Верховного Суда РФ от 21.12.2022 № 58-УД22-19-А5 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18.06.2025 г.).
5. Клименко Ю.А. Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии. // Журнал российского права. – 2017. – № 4. – С. 9.
6. Забелов А.Ю. Провокация преступления как составная часть института соучастия. // Современное право. – 2017. – № 4. – С. 54.
7. Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник. М., 2017. – С. 73.
8. Виденькина Ж.В. К вопросу об организованной группе как форме соучастия. // Закон и право. – 2016. – №4. – С. 77.

Иваненко М.М.

**К вопросу о понятии соучастия в преступлении:
исторические и теоретические аспекты**

*ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
(Россия, Сочи)*

Аннотация

Статья исследует эволюцию института соучастия в преступлении и исторический аспект развития теоретических воззрений относительно самого понятия соучастия. Автор анализирует различные подходы к определению соучастия, исследует позиции советских и современных ученых. Особое внимание в статье уделяется дискуссионным вопросам разграничения неосторожного соучастия и соучастия с косвенным умыслом, а также перспективам совершенствования определения понятия на законодательном уровне.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, институт соучастия, умышленное преступление, прямой и косвенный умысел, уголовная ответственность.

Abstract

The article explores the evolution of the institution of complicity in crime and the historical aspect of the development of theoretical views on the very concept of complicity. The author analyzes various approaches to the definition of complicity, explores the positions of Soviet and modern scientists. The article pays special attention to the controversial issues of distinguishing between reckless complicity and complicity with indirect intent, as well as the prospects for improving the definition of the concept at the legislative level.

Keywords: complicity in crime, institution of complicity, intentional crime, direct and indirect intent, criminal liability.

Большинство норм уголовного законодательства рассчитано на запрет преступных деяний, совершаемых одним лицом. Однако, когда деяние совершается несколькими лицами, оно приобретает совершенно другой характер и становится еще более актуальным для исследования. Следует отметить, что соучастие в преступлении является неоднозначным и сложным явлением как в теории, так и в правоприменительной

практике, имеет свою историю и требует определения четких позиций в понимании его места среди других уголовно-правовых понятий, несмотря на то, что оно законодательно закреплено и раскрыто.

Что же касается, исторического аспекта развития института, то следует отметить, что впервые в Судебнике Ивана IV появляется термин «товарищи», означающий соучастников преступления. А Стоглав 1551 года выделил новый признак, который характеризует формы совместной преступной деятельности – заговор.

Новым этапом в истории развития российского законодательства явилось Соборное Уложение Алексея Михайловича 1649 года, которое представило величайший образец законодательного понимания соучастия [1]. Важно подчеркнуть, что средневековое право не проводило четкого разграничения между организаторами, исполнителями и пособниками, что стало предметом научной дискуссии лишь в более поздний период.

Исследованию института соучастия в преступлении в советский период был посвящен седьмой Международный конгресс по уголовному праву, проходивший в 1957 г. в Афинах и принявший весьма важную резолюцию, в которой воплотились наиболее прогрессивные концепции, взятые на вооружение большинством европейских, латиноамериканских и азиатских стран [2]. А именно была проведена унификация понятия соучастия в национальных законодательствах, разграничение ролей соучастников, особенности установления ответственности за соучастие, что стало значительным шагом в развитии уголовного права.

Теоретики советского периода подходили к исследованию соучастия через призму анализа самого института [3].

Так В.С. Комиссаров указывал, что исторически служебная функция института соучастия прежде всего состоит в обосновании уголовной ответственности лиц, которые сами непосредственно преступление не совершали, но в различных формах оказывали содействие его выполнению [4].

А.Н. Трайнин отмечал, что «Соучастие – институт относительно развитого права, поэтому систематическая разработка постановлений о соучастии и в теории, и в законодательстве началась сравнительно поздно – лишь в XVIII в., когда приход к власти буржуазии обусловил быстрое развитие многих институтов, в том числе и института соучастия. До этого времени в древнейшем и древнем праве, как и в праве раннего и позднего средневековья, можно отметить лишь отдельные разрозненные постановления, в большей или меньшей мере связанные с институтом соучастия». Это обстоятельство, по мнению А.Н. Трайнина, объяснялось тем, что «одинаковая ответственность всех соучастников... являлась бесспорной и именно поэтому не требовала законодательной регламентации» [5].

В настоящее время в соответствии со ст. 32 УК РФ: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления» [6].

Что касается современных ученых, то А.П. Козлов не согласен с легальным определением института соучастия, считая его необоснованным и логически несостоятельным [7]. В отличие от многих авторов, писавших о природе соучастия, он признает возможность неосторожного соучастия, а также соучастия с косвенным умыслом. Последнее А.П. Козлов достаточно четко аргументирует, приводя в пример схему совершения преступления с косвенным умыслом и переводя ее в рамки соучастия: лицо направляет свои действия на достижение желаемого (преступного или непроступного) результата, при этом осознавая, что своим поведением оно может вызвать и побочный эффект, сопутствующий желаемому, но относится к нему безразлично, поскольку для него важнее достичь желаемого результата.

Не согласна с определением соучастия и А.И. Ситникова [8]. Она считает его недоработанным. По ее мнению, ст. 32 УК РФ следует сформулировать в иной редакции и

добавить уточнение, что соучастием может быть признано умышленное совместное участие в совершении умышленного преступления двух или более лиц, несущих уголовную ответственность. Действующее определение является недостаточно точным и идеальным, поскольку законодатель не устанавливает, какие лица могут быть признаны соучастниками преступления.

Итак, исторический анализ развития института соучастия демонстрирует его эволюцию от архаичных форм коллективной ответственности к сложной системе дифференциации ролей и вины участников преступления. Если в ранних правовых памятниках акцент делался на сам факт совместного совершения деяния, то современная доктрина требует установления умышленной связи между действиями соучастников и преступным результатом.

Таким образом, проанализировав вышеперечисленные мнения, можно прийти к выводу о том, что в настоящее время понятие соучастия, закрепленное в ст. 32 УК РФ, является достаточно полным и отражает всесторонне содержание данного противоправного деяния. Теоретические воззрения юристов его дополняют и обуславливают необходимость его дальнейшего совершенствования в изменяющихся реалиях социальной жизни населения.

1. Введенский, А.Ю. Законодательное регулирование института соучастия и ответственности соучастников преступного сообщества в России в X – начале XX вв.: исторический аспект / Ю.А. Введенский, Б.И. Королев // Пробелы в российском законодательстве. 2011. – № 2. – С. 181-186.
2. Кудрявцев П.И., Пионтковский А.А., Строгович М.С. VI международный конгресс по уголовному праву в Афинах // Советское государство и право. – М.: Наука. – 1958. – № 4. – С. 148-152.
3. Субачев, А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах особенной части уголовного кодекса Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ А.К. Субачев – Красноярск, 2019. – 28 с.
4. Курс уголовного права. Общая часть Т. 1 / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. – С. 381.
5. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. – С. 6.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Российская газета, № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
7. Козлов А.П. Соучастие. Традиции и реальность = Conspiracy. Traditions and reality : Conspiracy. Traditions and reality / А. П. Козлов. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. – 359, [1] с., [1] л. портр.; 21 см. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоц. Юрид. центр); ISBN 5-94201-049-8
8. Ситникова А.И. Законодательно-текстологическое моделирование института соучастия в преступлении // Lexrussia. – 2016. – № 2. – С. 81-99.

Кагирова К.М.

**Использование цифровых следов из открытых источников
для изучения личности на стадии проверки сообщения о преступлении**

*Отдел полиции № 8 УМВД России
(Россия, Уфа)*

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу правовых основ использования цифровых следов в досудебном производстве, рассмотрению практических примеров из следственной практики, а также обсуждению криминалистической значимости этих сведений. Исследование выполнено в рамках темы «Криминалистическое обеспечение изучения личности на стадии досудебного производства» и направлено на обоснование того, что грамотное использование открытых цифровых данных способствует повышению эффективности проверки сообщений о преступлениях. Анализируется правовой статус цифровых следов с опорой на законодательство и разъяснения высших судов, приводятся реальные примеры применения таких данных при проверке

преступлений, рассматривается криминалистическая значимость анализа цифровых следов для изучения личности подозреваемых.

Ключевые слова: цифровые следы, открытые источники, социальные сети, криминалистика, мессенджеры, электронные доказательства, геолокация, УПК РФ, правовой статус, интернет-преступления.

Abstract

This article is devoted to the analysis of the legal framework for the use of digital traces in pre-trial proceedings, the review of practical examples from investigative practice, and the discussion of the forensic relevance of such data. The study is conducted within the framework of the topic “Forensic Support for the Study of Personality at the Stage of Pre-Trial Proceedings” and aims to substantiate that the competent use of open-source digital data enhances the effectiveness of crime report verification. The article examines the legal status of digital traces based on legislation and clarifications of higher courts, provides real-life examples of the use of such data during the verification of crimes, and considers the forensic significance of analyzing digital traces for studying suspects' personalities.

Keywords: digital traces, open sources, social networks, forensics, messengers, electronic evidence, geolocation, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, legal status, cybercrime.

В современную цифровую эпоху практически каждый человек оставляет после себя цифровые следы – данные о своей активности в интернете, мобильных сетях и других электронных системах. Под цифровыми следами понимается информация, возникающая в результате взаимодействия индивида с цифровыми устройствами, компьютерными системами или сетью Интернет [5, с.165-166]. Эти следы могут включать публичные профили и посты в социальных сетях, историю сообщений в мессенджерах, видео на видеохостингах, геолокационные метки и многие другие данные. Цифровые следы несут отпечаток частной жизни человека, и нередко содержат персональные сведения [5, с. 168]. Одновременно они становятся ценным источником сведений для правоохранительных органов: анализируя поведенческую информацию из открытых источников, можно получить данные о личности, поведенческих связях подозреваемого [3, с. 132-133]. Особенно актуально это на стадии проверки сообщения о преступлении, когда следствию необходимо оперативно оценить достоверность информации о преступлении и характеристики возможного фигуранта до возбуждения уголовного дела.

Актуальность использования открытых цифровых данных обусловлена несколькими факторами. Во-первых, значительная часть правонарушений либо полностью совершается в информационно-телекоммуникационной среде, либо отражается в ней. Например, по данным судебной практики, до 90% преступлений экстремистской направленности совершается через Интернет (путём публикации материалов в социальных сетях) [8]. Во-вторых, даже при традиционных видах преступлений фигуранты оставляют «виртуальные» улики – будь то геолокация мобильного телефона на месте происшествия, видео с камер наблюдения, выложенное в сеть, или характерные записи в профиле [1; 7]. Эти сведения могут помочь идентифицировать личность неизвестного преступника либо подтвердить или опровергнуть причастность конкретного лица. В-третьих, анализ цифровой активности позволяет составить представление о психологическом портрете и мотивах человека. Специальные исследования показывают возможность построения психологического портрета личности на основе открытых данных соцсетей: разработаны алгоритмы анализа страниц, например во «ВКонтакте», для оценки таких черт, как общительность, креативность, эмпатия и др. [6, с. 75-76]. Тем самым цифровые следы и поведенческая

информация из открытых источников становятся важным объектом внимания криминалистики на ранних этапах расследования [3, с. 134].

Правовое регулирование обращения с цифровыми следами в уголовном судопроизводстве пока находится в стадии развития. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) отсутствует прямое определение «цифрового следа», однако законодательство постепенно адаптируется к реалиям электронных доказательств. Так, Федеральным законом № 533-ФЗ от 27.12.2018 в УПК введена специальная статья 164.1, регламентирующая порядок изъятия электронных носителей информации и копирования данных при следственных действиях [10]. Данная норма направлена на обеспечение баланса между потребностями следствия и правами владельцев информации: изъятие электронных носителей (например, компьютеров, смартфонов) допускается преимущественно по судебному решению, а по ходатайству владельца вместо изъятия может осуществляться копирование нужных файлов с участием специалиста и понятых [10].

Следует учитывать конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни и тайны переписки (ст. 23 Конституции РФ) применительно к получению данных из цифровых источников [4]. УПК РФ (ст. 13) прямо провозглашает защиту тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений [10]. В связи с этим доступ к содержанию частных электронных коммуникаций (например, переписке в мессенджерах или e-mail) требует судебного решения [10]. Прокуратура разъясняет, что несмотря на отсутствие прямой нормы об осмотре электронной почты, такие действия должны осуществляться по правилам, установленным для контроля и выемки корреспонденции, то есть на основании судебного решения в порядке ст. 165 и в соответствии со ст. 185 УПК РФ [10]. Фактически, доступ к содержимому электронных сообщений приравнен к наложению ареста на почтово-телеграфные отправления [10]. Например, собственник сервера электронных писем обязан предоставить следователю доступ к ящику лишь при наличии соответствующего судебного акта [10].

Иная ситуация с публично доступной информацией. Если сведения о лице размещены в открытом источнике (социальная сеть в открытом профиле, общедоступный форум, публичное видео и т.д.), их получение следствием не связано с преодолением приватности, ведь данные изначально открыты неопределённому кругу лиц [3, с. 133-134]. Закон позволяет органам внутренних дел и следствию свободно изучать такие материалы, не нарушая ничьих прав, поскольку сами обладатели информации добровольно сделали её достоянием публики [5, с. 170-172]. Более того, правоохранительные органы могут использовать методы осмотра улик для фиксации интернет-данных: когда сервер или источник информации физически недоступны (например, зарубежный сайт) либо нужна оперативность и секретность, следователь проводит осмотр содержимого сетевого ресурса (статьи 176-177 УПК РФ) [10]. Процессуально это оформляется протоколом осмотра страницы или файла, с сохранением скриншотов или копий, заверенных участниками следственного действия [10]. Специальных требований к изъятию информации при таком удалённом осмотре закон не предъявляет, поэтому следователь должен руководствоваться общими принципами допустимости и достоверности доказательств [9, с. 265-266]. В судебной практике выработан подход, согласно которому распечатки веб-страниц, скриншоты переписки и другие цифровые данные признаются иными документами (ст. 84 УПК РФ) и приобретают статус доказательств при условии подтверждения их происхождения и неизменности [10]. Обычно для этого привлекаются специалисты (например, экспертно-криминалистические центры) либо представители администраций соответствующих сервисов, которые могут засвидетельствовать принадлежность аккаунта конкретному лицу, целостность переписки и т.д. [2].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28.06.2011 (с последующими изменениями, касающимися преступлений экстремистской направленности) прямо отмечается необходимость тщательной проверки контекста и

авторства интернет-публикаций [8]. Верховный Суд указал, что сами по себе скриншоты или тексты из интернета должны оцениваться критически: для признания размещения материала уголовно наказуемым необходимо доказать умысел лица и общественно опасный характер опубликованного [8]. Данное разъяснение возникло на фоне дел о «лайках и репостах» в соцсетях и стало реакцией на проблему привлечения к ответственности за формально найденные в сети экстремистские материалы. Таким образом, высшая судебная инстанция фактически требует устанавливать, что материал размещён именно данным обвиняемым, и что он осознавал противоправный характер своих действий, прежде чем использовать цифровой след (пост, комментарий и пр.) против него в суде [8].

Что касается оперативно-розыскного сбора информации из открытых источников, то он также опирается на нормативную базу. Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (№ 144-ФЗ) позволяет правоохранительным органам осуществлять сбор сведений, в том числе в интернете, для предупреждения и раскрытия преступлений [11].

Мониторинг публичных ресурсов (форумов, социальных сетей) на наличие противоправного контента считается законным и не требующим отдельного судебного разрешения, если не затрагивается приватная переписка [11]. Однако следует учитывать требования закона о персональных данных (№ 152-ФЗ): даже открытые персональные сведения при систематическом сборе и хранении образуют базы данных, обращение с которыми требует обеспечения безопасности информации [5, с. 173]. В настоящее время российское законодательство не содержит специальных норм о цифровых доказательствах в уголовном процессе – они рассматриваются в рамках привычных категорий вещественных доказательств или документов [9, с. 264]. Учёные и практики указывают на необходимость дальнейшего совершенствования законов. В частности, отмечается, что информация, оставленная человеком в сети Интернет, практически без ограничений может использоваться органами безопасности и частными компаниями, а человек утрачивает контроль за её судьбой [5, с. 175-177]. Такая ситуация, по мнению исследователей, свидетельствует о лакунах правового регулирования: пока нет чёткого разграничения, какие цифровые следы могут использоваться свободно, а какие относятся к охраняемой частной жизни [5, с. 178-179]. В литературе обоснована потребность в закреплении презумпции частного характера цифровых следов и установлении гарантий от неограниченного слежения в цифровой среде [5, с. 183-185]. Законодательная и судебная практика, как можно видеть, постепенно движутся в этом направлении, вводя новые нормы и разъяснения [9, с. 273].

Резюмируя: правовой статус цифровых следов двоякий. С одной стороны, открытые цифровые данные (публичные профили, форумы, общедоступные видео) могут свободно собираться следователями при проверке сообщений о преступлении, выступая ориентирующей информацией или впоследствии доказательствами (при надлежащей фиксации) [3, с. 134-135]. С другой стороны, добывание сведений, затрагивающих приватную сферу (переписка, закрытые аккаунты, трафик и соединения), строго регламентировано – требуется решение суда и соблюдение процедур УПК РФ и закона об ОРД [10; 11].

Практика подтверждает, что цифровые следы из открытых источников становятся неотъемлемым элементом расследований уже на этапе проверки поступившего сообщения о преступлении. Рассмотрим несколько показательных примеров, отражённых в источниках.

В 2023 году в Уфе произошёл резонансный случай, когда неизвестный мужчина совершил развратные действия в лифте, пытаясь сфотографировать девочку. Пока полиция начала проверку сообщения об этом инциденте, пользователи интернета сами подключились к поиску: они изучили запись с камеры наблюдения и сопоставили приметы с профильными фотографиями в соцсетях. В итоге на одном из форумов энтузиасты вычислили предполагаемого подозреваемого – 31-летнего местного жителя,

нашли его страницу «ВКонтакте», а также аккаунты его родителей. Когда пользователи начали писать этому человеку, он поспешно удалил свой профиль. Вся собранная гражданами информация была передана в МВД и Следственный комитет, которые продолжили проверку. Хотя в данном случае усилия интернет-активистов выявили неверного человека (СК впоследствии опроверг его причастность), пример наглядно демонстрирует потенциал мониторинга соцсетей [7].

Следственные органы всё чаще сами прибегают к анализу соцсетей для раскрытия преступлений. Анализ информации на личных страницах социальных сетей помогает идентифицировать преступников, определить место происшествия и выявить важные для расследования детали [3, с. 132-133]. Так, широко известны случаи, когда по активности в интернете уличали преступников в обмане или выявляли их местонахождение. К примеру, в одном из регионов России полиция раскрыла мошенничество, связанное с продажей фиктивных товаров через соцсети: подозреваемый был найден по цифровым следам – его контакты и переписка с жертвами обнаружили на площадке, где он размещал объявления [3, с. 135]. Другой случай – в Санкт-Петербурге подозреваемый в убийстве на этапе проверки алиби уверял, что во время преступления был дома, однако следователи изучили его профиль в социальной сети и увидели, что примерно в момент совершения преступления тот сделал геолокационную отметку вблизи места происшествия [3, с. 136]. Это несоответствие послужило основанием к дальнейшему подозрению и возбуждению дела. Подобные эпизоды не единичны: даже если официально не афишируются, в материалах уголовных дел всё чаще фигурируют распечатки страниц из VK, Facebook, Instagram (деятельность организации Meta Platforms Inc., ее продуктов Instagram и Facebook запрещена на территории Российской Федерации), анализ списков друзей, комментариев, фото и видеопостов, сделанных до или после события преступления [3, с. 137].

Отдельного внимания заслуживает использование цифровых следов при борьбе с киберпреступлениями и мошенничеством. Преступники нередко рассчитывают на анонимность в сети, однако следственные подразделения МВД успешно раскрывают сложные схемы, опираясь на открытые данные из интернета. Яркий пример – пресечение масштабной мошеннической схемы с использованием чужих аккаунтов в мессенджере Telegram (сентябрь 2024 – март 2025). По официальным данным МВД, группа злоумышленников организовала в Telegram специальный канал, через который сдавали в аренду или продавали аккаунты ничего не подозревающих граждан (в основном несовершеннолетних) для совершения преступлений [1]. Фактически создавалась инфраструктура из тысяч временных учетных записей: за указанный период через канал было передано более 11 тысяч аккаунтов, использованных затем в мошенничествах и неправомерном доступе к сервисам (например, к portalу «Госуслуги») [1]. Общий ущерб от действий группы превысил 400 млн руб., пострадали свыше 1000 человек [1]. В ходе оперативно-следственной проверки данной информации сотрудники Главка по противодействию незаконному использованию ИТ-технологий МВД выявили сам канал в открытом доступе, зафиксировали факты передачи аккаунтов (например, сохранили скриншоты предложений об аренде учетных записей) и выследили организаторов [1]. Благодаря цифровым следам – а именно, скриншотам переписки в телеграм-канале, адресам криптокошельков для оплаты и журналам активности аккаунтов – удалось установить личность предполагаемого организатора и одного из активных участников, несмотря на их попытки скрыться под никами [1]. Оба подозреваемых были задержаны в разных регионах (Волгоградской и Свердловской областях) и заключены под стражу [1].

Данный пример демонстрирует, что даже в условно “закрытых” средах, таких как мессенджеры, преступники оставляют следы, которые могут быть собраны без нарушения закона (канал не был приватным, информация о сделках находилась в открытом доступе для подписчиков) [1]. Более того, МВД официально предупреждает граждан, что, сдавая свой аккаунт в аренду, они тоже фиксируются в этих цифровых цепочках и могут быть

привлечены как соучастники [1]. Это предупреждение основано на реальном анализе цифровых следов: формальный владелец аккаунта всегда вычисляем по данным мессенджера, и именно к нему в первую очередь придут правоохранители [1].

В некоторых случаях ключевым элементом проверки сообщения о преступлении становится сопоставление местонахождения участников события, восстановленное по цифровым данным. Например, при расследовании ДТП со скрывшимся виновником полиция может запросить у сотовых операторов обезличенные сведения о всех мобильных устройствах, находившихся в районе аварии в указанное время [9, с. 272]. Если выяснится, что телефон подозреваемого был в точке происшествия, это станет существенным доводом для следствия. Подобный метод – анализ больших массивов геолокационных данных – активно применяется за рубежом и постепенно входит в практику российских следователей [9, с. 273]. Хотя получение точных данных от оператора требует санкции (и обычно осуществляется в рамках уже возбужденного дела), на стадии проверки могут использоваться открытые источники геолокации: данные из социальных сетей о чекинах, отметках на фотографиях, публичных гео-тегах [3, с. 137]. Так, в одном деле об ограблении квартиры следователь заметил, что незадолго до преступления потерпевший хвастался в Instagram (деятельность организации Meta Platforms Inc., ее продуктов Instagram и Facebook запрещена на территории Российской Федерации) фотографиями с крупной суммой денег и отмечал локацию – свой дом. Это дало основание предположить, что грабители могли выбрать жертву, увидев пост (тем более что профиль потерпевшего был открытым) [3, с. 138]. В проверочных мероприятиях полиция отработала круг подписчиков и комментаторов этого аккаунта, обратила внимание на одного из них, ранее судимого. В итоге именно этот человек оказался организатором нападения. Данный пример иллюстрирует криминалистическую версию, построенную на базе анализа открытой цифровой информации: следователи связали факт интернет-публикации с мотивом преступления и получили нить, приведшую к подозреваемому [3, с. 139].

Приведённые примеры различны по природе преступлений – от киберпреступлений и мошенничества до насильственных деяний. На наш взгляд, их объединяет одно: открытая цифровая информация помогла следствию на самом раннем этапе. Анализ социальных сетей, публичных сообщений и прочих открытых следов позволил либо сформировать обоснованные версии, либо напрямую выявить подозреваемых и доказательства [2]; [3, с. 134]. Официальные лица также подтверждают возросшую роль таких методов. Так, следователь-криминалист СУ СК России по Тульской области А. Фомин отмечает, что сейчас поиск преступника ведётся не только по традиционным вещественным уликам (оружие, отпечатки пальцев и т.п.), но и с использованием открытых источников: баз данных, цифровых следов. По его словам, преступника можно вычислить «исходя из того, как он наследил в цифровом пространстве, в пространстве мобильных сетей и так далее» [12]. Это высказывание практикующего криминалиста подчёркивает значение интернет-активности подозреваемых наряду с классическими доказательствами.

Рассмотрение темы показало, что использование цифровых следов и поведенческой информации из открытых источников на стадии проверки сообщения о преступлении является перспективным и необходимым направлением развития криминалистики [5, с. 185]. Криминалистическая значимость цифровых следов заключается в расширении информированности о личности и обстоятельствах. Методы их анализа уже стали частью криминалистической техники и тактики [9, с. 267-268].

Правовой анализ свидетельствует, что в российском законодательстве постепенно формируется основа для работы с электронными доказательствами. УПК РФ уже содержит нормы, учитывающие специфику изъятия и исследования электронных носителей (ст. 164.1, ч. 3.1 ст. 183 и др.) [10], а Верховный Суд разъясняет подходы к оценке интернет-контента как доказательств [8]. Вместе с тем, сохраняется ряд пробелов:

нет четкого разграничения между открытой информацией, свободной для использования, и цифровыми следами, затрагивающими приватность, которые требуют судебной процедуры [5, с. 176]. Необходима дальнейшая детализация процесса получения цифровой информации на досудебных этапах, чтобы обеспечить её допустимость и уважение прав человека [9, с. 266].

Конституционные гарантии приватности накладывают ограничения, но не препятствуют разумному использованию открытых данных – важно лишь соблюдать законные механизмы при переходе от открытого сбора к вмешательству в частную сферу [4].

Практические примеры демонстрируют ценность цифровых следов. В раскрытии современных преступлений – от интернет-мошенничеств до традиционных уголовных деяний – всё чаще именно анализ открытых источников даёт отправную точку или критически важную улику [3, с. 132-133]. Изучение соцсетей, публичных коммуникаций и иных цифровых проявлений личности помогает как идентифицировать подозреваемых, так и проверять алиби, мотивы, достоверность заявлений [6, с. 75-76]. Сотрудники правоохранительных органов успешно используют эти методы: мониторят мессенджеры, отслеживают по цифровым следам передвижения и связи фигурантов, вскрывают преступные сообщества онлайн [1; 12]. Отдельно можно отметить роль общества – гражданские лица нередко способствуют расследованию, собирая открытые сведения и передавая их властям, что говорит о формировании новой культуры взаимодействия [7].

Подводя итог, можно констатировать: цифровые следы и поведенческая информация из открытых источников прочно вошли в арсенал досудебного производства [5, с. 184]. Они служат эффективным инструментом изучения личности на ранней стадии расследования, дополняя традиционные средства криминалистики [3, с. 139]. Законодательство постепенно адаптируется к новым реалиям, хотя требует дальнейшего совершенствования в части процессуального статуса электронных данных [9, с. 276]. Практика же явно указывает, что без учёта виртуальных следов современное расследование нередко теряет значимую часть мозаики преступления. В перспективе расширение использования технологий (искусственного интеллекта, больших данных) будет только увеличивать роль анализа цифровых поведенческих факторов [2]. Однако уже сейчас очевидно: грамотное использование открытых цифровых источников информации повышает результативность проверки сообщений о преступлениях, способствует более полному изучению личности участников и, в конечном счете, служит целям правосудия и безопасности.

1. Волк И. Полиция России раскрыла мошенническую схему с аккаунтами в Telegram: пресс-релиз // Реальное время. – 2025. – № 334888. – 5 мая.
2. Давыдов Д. Цифровые следы, ИИ, биометрия: как исследуют психологию серийных убийц // РБК-Тренды. – 2023. – 26 мая.
3. Канузель А.Е. Использование информации социальных сетей при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 2. – С. 132-139.
4. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.05.2025).
5. Мочалов А.Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни // Антиномии. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 164-189.
6. Олиндер Н.В., Гамбарова Е.А. Психологический портрет личности по информации из аккаунтов в социальных сетях и его использование в криминалистике // Юридическая психология. – 2023. – № 3. – С. 75-84.
7. Пользователи соцсетей вычислили подозреваемого в происшествии в лифте (г. Уфа, август 2023) // UFA1.RU. – 2023. – 14 августа.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 14 декабря 2018 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской

- направленности» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.05.2025).
9. Тимофеев С.В., Кочесоков Р.Х. Перспективы совершенствования российского законодательства в области использования цифровых следов преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2024. – № 4 (111). – С. 262-277.
 10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 21.04. 2025 г. № 101-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.05.2025).
 11. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с посл. изм. и доп. от 29 декабря 2022 г. № 638-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.05.2025).
 12. Фомин А. Современные следователи раскрывают преступления по цифровым следам: репортаж // ГТРК «Тула». – 2024. – 19 октября.

Катышева Е.Н.

О проблемах реализации защиты прав человека в Российской Федерации

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Ляхова А.И.

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы реализации и защиты прав человека в Российской Федерации. Анализируется нормативно-правовая база, выявляются системные недостатки в правоприменительной практике. Особое внимание уделяется роли государственных и общественных институтов в обеспечении прав и свобод граждан. Предлагаются направления по совершенствованию существующих механизмов правозащиты.

Ключевые слова: права человека, защита прав, правовое государство, Конституция РФ, судебная система, Уполномоченный по правам человека, правозащитные организации, Европейский суд по правам человека, свобода слова, реформы.

Abstract

The article discusses the problems of the implementation and protection of human rights in the Russian Federation. The regulatory framework is analyzed, systemic deficiencies in law enforcement practice are identified. Special attention is paid to the role of state and public institutions in ensuring the rights and freedoms of citizens. The directions for improving the existing mechanisms of human rights protection are proposed.

Keywords: human rights, protection of rights, rule of law, Constitution of the Russian Federation, judicial system, Commissioner for Human Rights, human rights organizations, European Court of Human Rights, freedom of speech, reforms.

Сегодня разговор о правах человека – это не просто абстрактная тема для юристов. Это вопрос, который напрямую касается каждого из нас. Права человека – это нечто большее, чем просто строки в законе: это гарантия того, что ты можешь свободно выражать своё мнение, чувствовать себя в безопасности, не бояться несправедливости и знать, что тебя услышат. Именно они лежат в основе настоящей демократии и служат опорой для построения справедливого, уважающего личность государства.

Говоря простыми словами, права человека – это те возможности и свободы, которые закреплены в международных договорах и законах внутри страны. Они охватывают всё: от свободы слова до права на достойный труд и социальную защиту. Их реализация – важнейшая задача любого государства, которое стремится называться правовым.

В России эти права зафиксированы в Конституции, и формально каждый гражданин защищён законом. Но, как показывает практика, между теорией и реальностью часто пролегает серьёзная пропасть. Нарушения со стороны полиции, давление на СМИ и правозащитников, ограничения свободы собраний и общее непонимание своих прав среди населения – всё это остаётся болезненными и нерешёнными проблемами.

Эта статья посвящена анализу того, с какими трудностями сегодня сталкивается защита прав человека в России. Мы рассмотрим, как работают существующие законы и институты, и что можно сделать, чтобы изменить ситуацию к лучшему.

Вопрос защиты прав человека в России не может обсуждаться без обращения к её главному закону – Конституции. Именно она лежит в основе всей правовой системы страны и задаёт вектор отношения государства к личности. Вторая статья Конституции гласит: права и свободы человека – это высшая ценность. И это не просто красивая формулировка, а ключевой принцип, на котором должно строиться всё государственное устройство. Конституция закрепляет за каждым право на жизнь, свободу, безопасность, свободу вероисповедания, участие в политической жизни страны и многое другое. Причём подчёркивается: государство не просто признаёт эти права – оно обязано их защищать и обеспечивать [1].

Однако не одной Конституцией живёт правовая система. Существенную роль играют и федеральные законы, и международные соглашения, подписанные Россией. До недавнего времени важнейшим элементом в этом механизме оставалась Европейская конвенция по правам человека. Россия долгое время оставалась её участницей, но в 2022 году вышла из Совета Европы, что автоматически означало прекращение действия Конвенции на её территории. Это серьёзно изменило расстановку сил в правозащитной сфере и поставило перед страной задачу – выстраивать новые, внутренние способы защиты прав граждан [2].

Особую роль в этой системе играет суд. Именно судебная власть – последний и, порой, единственный рубеж, где человек может отстоять свои права. Конституционный Суд следит за тем, чтобы законы не вступали в противоречие с Основным законом, и рассматривает обращения граждан по вопросам нарушения их конституционных прав. Органы общей юрисдикции ежедневно разбирают споры, в которых поставлены на карту свобода, имущество, безопасность и честь граждан. Но, как подчёркивают многие эксперты и исследователи, реальная эффективность судебной защиты зависит не столько от законов, сколько от того, насколько независим сам суд и насколько просто обычному человеку добиться справедливости в зале суда [1].

Реальность, с которой сталкиваются многие граждане при контакте с системой правосудия, зачастую далека от принципов гуманности и справедливости. Нередки случаи, когда допросы проходят с нарушением всех мыслимых норм, а условия содержания в СИЗО и исправительных учреждениях выходят за рамки допустимого. Жестокое обращение, психологическое давление и даже пытки – всё это, к сожалению, не единичные эпизоды, а часть более широкой системной проблемы. Причина кроется в слабом контроле за действиями сотрудников правоохранительных органов и в том, что следствие и суд порой оказываются слишком зависимыми от внешнего влияния. Как итог – приговоры, основанные не на доказательствах, а на признаниях, выбитых под давлением [3].

За последние несколько лет пространство для свободы слова в России заметно сузилось. Принятые законы о так называемой «дискредитации» и распространении «фейков» фактически стали инструментами для пресечения любой критики в адрес власти. Участие в акциях требует обязательного согласования, а даже одиночные пикеты – повод для наказания. Всё это создаёт в обществе тревожную атмосферу, где всё больше людей предпочитают молчать, чтобы избежать проблем. Самоцензура становится не вынужденной мерой, а привычкой [4].

И хотя Конституция обещает каждому гражданину доступ к юридической помощи, на деле получить её, особенно вдали от крупных городов, – настоящее испытание. Местами просто не хватает адвокатов, дела затягиваются, а помощь по назначению оказывается формальной. Закрытые судебные заседания и отсутствие чёткой информации о мотивах тех или иных решений делают правосудие непрозрачным. А без прозрачности – нет и доверия. Когда человек не понимает, за что его судят, и не верит в возможность обжаловать приговор – система теряет свой смысл [3].

В современной России институт Уполномоченного по правам человека играет по-настоящему важную роль – это своего рода мост между гражданином и государством. К омбудсмену обращаются люди, столкнувшиеся с несправедливостью, когда другие пути уже исчерпаны. Он не просто рассматривает жалобы на действия чиновников или силовиков, но и анализирует, где «буква закона» не работает на благо человека, предлагая реальные изменения в законодательстве. Кроме того, деятельность Уполномоченного включает и просветительскую работу – объяснение людям их прав и способов их защиты. В этом смысле его миссия выходит далеко за рамки формального статуса – речь идёт о формировании в обществе настоящей правовой культуры [5].

Но государство – не единственный защитник прав человека. Огромную работу в этой сфере берут на себя общественные и правозащитные организации. Именно они часто становятся первыми, кто приходит на помощь тем, чьи права нарушены. Они ведут мониторинг ситуации в регионах, бесплатно консультируют, помогают с юристами и адвокатами, а также проводят тренинги, лекции и семинары – от школьных классов до залов университетов. Их вклад в повышение правовой грамотности трудно переоценить [5].

До 2022 года важным ресурсом для защиты прав россиян был Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Для многих людей он был последней надеждой на справедливость, особенно в случаях, когда отечественная система уже отказала. Его решения не только восстанавливали нарушенные права конкретных людей, но и подталкивали государство к изменениям в законах. Однако с момента выхода России из Совета Европы доступ к ЕСПЧ оказался закрыт. Это обстоятельство ясно даёт понять: теперь всю ответственность за защиту прав граждан приходится нести внутри страны [6].

Чтобы система правозащиты действительно работала, нужны серьёзные и продуманные реформы. Важно укреплять независимость судов, чтобы судьи принимали решения, руководствуясь исключительно законом и совестью. Не менее важно расширять возможности Уполномоченного – как в правовом поле, так и в плане ресурсов. Также необходима поддержка правозащитных организаций, особенно тех, что работают на местах, вдали от крупных городов. И, конечно, нельзя забывать про правовое просвещение: чем больше людей знают о своих правах, тем сложнее эти права нарушить [6].

В теории всё выглядит убедительно: Конституция Российской Федерации гарантирует широкий набор прав и свобод каждому гражданину. Но на практике эта картина нередко тускнеет. Столкновения с системой часто оборачиваются для людей разочарованием – будь то произвол со стороны правоохранительных органов, попытки ограничить свободу слова или слабая защита в судах. Ситуация осложнилась ещё больше после того, как россияне потеряли доступ к Европейскому суду по правам человека. Это стало тревожным сигналом: теперь защищать свои права придётся, в первую очередь, внутри страны.

Чтобы не допустить полного разрыва между «написанным» и «действующим», нужно менять систему изнутри. Есть несколько направлений, которые особенно важны, если говорить о реальных улучшениях:

- обеспечить настоящую независимость судов и сделать правосудие прозрачным для общества;

- наделить Уполномоченного по правам человека не только полномочиями, но и реальными инструментами влияния;
- поддерживать независимые правозащитные организации, которые уже сегодня делают то, что нередко не под силу государственным структурам;
- вкладываться в правовое просвещение, чтобы люди знали свои права и понимали, как их защищать.

1. Клюков Василий Дмитриевич КОНСТИТУЦИОННАЯ СИСТЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ // Евразийская адвокатура. 2021. №6 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-sistema-zaschity-prav-cheloveka-i-grazhdanina-v-rossiyskoy-federatsii>
2. Ягафарова А. А., Ларинбаева И. И. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ОРГАНАМИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №10-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-prav-cheloveka-organami-sudebnoy-vlasti>
3. Майстренко Григорий Александрович СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ // Образование и право. 2020. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-zaschity-prav-i-svobod-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii>
4. Виктор Александрович Процевский, Евгений Владимирович Горлов, Анастасия Артемовна Шириня ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ МЫСЛИ И СЛОВА В РОССИИ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-konstitutsionnogo-prava-na-svobodu-mysli-i-slova-v-rossii>
5. Рязанова Марина Николаевна Трансформация компетенции Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // ВЭПС. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-kompetentsii-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii>
6. Кулишенко Е.А., (2021), ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ. Социально-политические науки, 3 => 13-18. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-3-13-18

Келина Г.А., Крысин В.А.

**К вопросу об осуществлении прокурорского надзора
за соблюдением трудовых прав граждан**

*Средне-Волжский институт (ф) Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

Аннотация

Авторами дается анализ осуществления прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан. Также отдельное внимание уделяется всестороннему анализу нормативно-правовой базы и судебной практики по вопросам осуществления прокурорского надзора.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, трудовые права, граждане, работодатель, работник.

Abstract

The authors provide an analysis of the implementation of prosecutorial supervision over the observance of citizens' labor rights. Special attention is also paid to a comprehensive analysis of the regulatory framework and judicial practice on the implementation of prosecutorial supervision.

Keywords: prosecutor, prosecutorial supervision, labor rights, citizens, employer, employee.

Соблюдение трудовых прав граждан представляет собой фундаментальную составляющую социальной справедливости и защиты интересов работников. В Российской Федерации прокурорский надзор выступает ключевым институтом, обеспечивающим соблюдение трудового законодательства и урегулирование конфликтов между работодателями и работниками. Прокурорский надзор представляет собой системную совокупность мер и действий, направленных на контроль за соблюдением законности и защиту прав и законных интересов граждан в сфере трудовых отношений.

Одной из центральных задач прокурорского надзора является обеспечение соблюдения трудового законодательства и защита прав работников. Прокуроры осуществляют надзор за деятельностью работодателей, проверяя соответствие условий труда требованиям законодательства, а также реагируют на жалобы и обращения работников, сигнализирующие о возможных нарушениях и злоупотреблениях.

Прокуроры играют ключевую роль в системе защиты трудовых прав граждан в Российской Федерации. Они осуществляют контроль за соблюдением законодательства в области труда и трудовых отношений, принимают меры по предупреждению и пресечению нарушений трудовых прав, а также обеспечивают привлечение виновных лиц к ответственности в соответствии с законодательством.

Прокурорская деятельность характеризуется проактивностью, направленной на предотвращение нарушений трудовых прав на стадии их возникновения. В случае выявления правонарушений в сфере труда, прокуроры направляют материалы в суд и обеспечивают соблюдение принципа публичного обвинения, который оказывает значительное воздействие для восстановления тех прав работников, которые были нарушены работодателем, а также влекут за собой укрепление законности в трудовых правоотношениях.

Рассматривая правовой статус прокуроров в сфере трудовых отношений, необходимо отметить его специальные полномочия, позволяющие ему осуществлять довольно эффективный контроль и реализовать функции по защите прав работников. Прокуроры в пределах своих полномочий могут проводить проверку условий труда в организациях на предмет их соответствия установленным требованиям, учитывая также место производства. Помимо этого, они вправе требовать от работодателей соответствующих документов и иных данных с целью выявления соблюдения трудовых прав работников. Прокуроры вправе не просто запрашивать документы, но и осуществлять проверки на предмет правильности составления данных документов в соответствии с правилами трудового законодательства, а также соблюдения режима рабочего времени, выплаты заработной платы и предоставление пакета социальных гарантий.

В рамках прокурорского надзора целесообразно говорить о плановых и внеплановых проверках. Плановые проверки осуществляются в соответствии с утвержденным графиком и охватывают широкий спектр организаций из различных отраслей экономики. Внеплановые проверки проводятся по обращениям граждан, жалобам работников или в иных случаях, свидетельствующих о возможных нарушениях трудовых прав. Эти проверки позволяют оперативно реагировать на конкретные нарушения и принимать меры по их устранению.

В процессе проверки прокуроры осуществляют осмотр условий труда, анализируют документацию, проводят опросы работников и работодателей, а также анализируют полученные данные. В случае выявления нарушений прокуроры принимают меры по их устранению, включая вынесение представлений и предостережений.

Анализ практики прокурорского надзора показывает, что наиболее часто выявляются нарушения, связанные с задержкой выплаты заработной платы, отказом в заключении трудового договора, незаконными увольнениями. Прокуроры в таких случаях вносят представления, возбуждают дела об административных правонарушениях, обращаются в суд в защиту прав работников.

Органы прокуратуры осуществляя прокурорский надзор в области соблюдения трудовых прав взаимодействует с другими государственными органами и институтами, обладающими компетенцией в сфере защиты трудовых прав граждан. К таким органам относятся Федеральная служба по труду и занятости (Роструд), территориальные органы государственной инспекции труда и другие уполномоченные структуры. Кроме того, органы прокуратуры активно взаимодействуют с профсоюзными организациями и судебными инстанциями. Это взаимодействие основано на принципах информационного обмена, координации действий и согласованности в реализации контрольных мероприятий.

Информационный обмен между прокурорами и другими контролирующими органами играет важную роль в повышении эффективности надзора. Взаимодействие с государственными инспекциями труда, профсоюзными организациями и судебными органами позволяет не только оперативно реагировать на нарушения, но и разрабатывать системные меры по их предупреждению.

Фундаментальный фактор оценки эффективности работы прокурора – это его интегрированный характер, позволяющий своевременно не только выявлять, но и пресекать правонарушения в сфере трудовых правоотношений. Прокурор использует достаточно широкий спектр полномочий, под которыми подразумеваются проверка, выдача предписаний работодателям, возбуждение административных дел и инициирование вопроса о привлечении лица к ответственности. Данный подход позволяет не только устранению правонарушений, но и их предотвращению в будущем.

Таким образом, прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав граждан является важным элементом системы государственного контроля, обеспечивающим защиту интересов работников и способствующим созданию благоприятных условий для реализации их трудовых прав.

Прокурорский надзор, являясь ключевой институциональной гарантией соблюдения законности в сфере трудовых отношений, выполняет ряд фундаментальных функций, направленных на обеспечение прав и законных интересов работников. Прежде всего, его значимость определяется превентивной ролью, которая заключается в предупреждении возможных нарушений трудового законодательства и предотвращении их последствий. Прокурорский надзор также выступает в качестве инструмента защиты наиболее уязвимых категорий работников, способствуя нивелированию диспропорций в правоприменительной практике и обеспечении равенства всех субъектов трудовых правоотношений.

Стоит отметить, что прокурорский надзор играет ключевую роль в процессе поддержания правопорядка в сфере трудовых правоотношений, что способствует полному соблюдению норм трудового права. Данный фактор способствует формированию правовой культуры, которая влечет за собой высокий уровень правосознания участников трудовых правоотношений, тем самым повышая уровень защищенности работников.

Таким образом, прокурорский надзор в сфере трудовых правоотношений выступает в качестве ключевого элемента системы гарантий соблюдения трудовых прав

граждан. Постоянный контроль прокурора оказывает содействие в создании не только безопасных, но и справедливых условий труда. Тем временем, это способствует защите интересов работников, а также развитию равноправной и справедливой трудовой среды, которая является одним из важнейших факторов устойчивого социально-экономического развития современного общества. В силу этого, роль прокурора в трудовых правоотношениях крайне высока и подлежит точной регламентации со стороны государства в силу его важности.

1. Перов, Д. Е. Особенности прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан / Д. Е. Перов // Молодой ученый. 2023. № 24 (471). С. 291-293.
2. Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан: Приказ Генпрокуратуры России от 05.02.2024 № 98 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.
4. Мусинян, А. Н. Прокурорский надзор в области защиты трудовых прав граждан // Молодой ученый. 2020. № 45 (335). С. 146-149.

Кильдигушев И.И.

**Становление и развитие органов внутренних дел
как участника уголовного процесса: историко-правовой анализ**

*Уфимский юридический институт МВД России
(Россия, Уфа)*

Аннотация

В статье проводится комплексный историко-правовой анализ становления и развития процессуального статуса органов внутренних дел как участника уголовного процесса в России. Исследование охватывает период от петровских реформ XVIII века до современных изменений уголовно-процессуального законодательства. Особое внимание уделяется трансформации полномочий полицейских структур в досудебном производстве, анализируется эволюция их процессуальной самостоятельности. Автор выявляет ключевые тенденции и противоречия в развитии данного института, включая проблему двойственности правовой природы ОВД, избыточную процессуальную зависимость от надзорных органов и несовершенство механизмов ведомственного контроля. На основе анализа законодательных актов, судебной практики и статистических данных предлагаются направления совершенствования процессуального статуса органов дознания в условиях цифровой трансформации уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: процессуальный статус, дознание, предварительное расследование, процессуальная самостоятельность, цифровизация правосудия, правоохранительная система, уголовное судопроизводство.

Abstract

The article provides a comprehensive historical and legal analysis of the formation and development of the procedural status of law enforcement agencies as participants in criminal proceedings in Russia. The study covers the period from Peter the Great's reforms of the 18th century to modern changes in criminal procedure legislation. Special attention is paid to the transformation of the powers of police structures in pre-trial proceedings, and the evolution of their procedural independence is analyzed. The author identifies key trends and contradictions in the development of this institution, including the problem of the ambivalence of the legal nature of the ATS, excessive procedural dependence on supervisory authorities and the imperfection of departmental control mechanisms. Based on the analysis of legislative acts, judicial practice and

statistical data, directions for improving the procedural status of bodies of inquiry in the context of the digital transformation of criminal proceedings are proposed.

Keywords: procedural status, inquiry, preliminary investigation, procedural independence, digitalization of justice, law enforcement system, criminal proceedings.

Исторический путь формирования процессуального статуса органов внутренних дел в российском уголовном судопроизводстве представляет собой сложный и противоречивый процесс, отражающий эволюцию всей правоохранительной системы государства. На протяжении нескольких столетий происходила постоянная трансформация их полномочий и функций, обусловленная изменением политических режимов, социально-экономических условий и правовых доктрин.

Истоки процессуального участия полицейских структур в уголовном процессе следует искать в законодательных актах Петровской эпохи. Регламент Главного магистрата 1721 года впервые нормативно закрепил за полицией функции по предупреждению и раскрытию преступлений. Однако процессуальная самостоятельность полиции в тот период была крайне ограниченной - все существенные решения, включая проведение следственных действий, принимались судебными органами. Полиция выполняла преимущественно вспомогательные и технические функции, что соответствовало общей следственно-инквизиционной модели уголовного процесса, господствовавшей в тот период.

Качественно новый этап в развитии процессуального статуса полиции связан с судебной реформой 1864 года. Устав уголовного судопроизводства ввел четкое разграничение между предварительным следствием, осуществляемым судебными следователями, и полицейским дознанием. Согласно ст. 253 УУС, полиция проводила «первоначальные изыскания» для установления признаков преступления и обнаружения преступников. Однако даже в этот период либеральных реформ законодатель сознательно ограничил процессуальную самостоятельность полиции, оставив за судебными следователями ключевые полномочия по сбору доказательств. Как отмечал известный процессуалист И.Я. Фойницкий, «полицейское дознание носило сугубо вспомогательный характер и находилось под строгим контролем судебных органов».

Революционные события 1917 года привели к кардинальной трансформации всей правоохранительной системы. Созданная советской властью рабоче-крестьянская милиция получила чрезвычайно широкие полномочия, включая производство дознания по большинству уголовных дел. Инструкция НКВД РСФСР от 12 октября 1918 года фактически стирала грань между административными и процессуальными функциями милиции. Отсутствие четкой процессуальной регламентации приводило к многочисленным злоупотреблениям и произволу, что было характерно для карательной политики тоталитарного государства.

Формальное закрепление процессуального статуса милиции как органа дознания произошло лишь с принятием УПК РСФСР 1923 года. Однако, как показывают архивные материалы и исследования современных историков права, на практике милиция часто подменяла собой следственные органы. Особенно ярко это проявилось в 1930-е годы, когда в условиях массовых политических репрессий милиция фактически осуществляла предварительное следствие по большинству уголовных дел, игнорируя формальные процессуальные требования. Известный советский процессуалист

М.С. Строгович в своих работах неоднократно обращал внимание на это противоречие между законодательными нормами и правоприменительной практикой.

Современный этап развития процессуального статуса органов внутренних дел начался с принятием Конституции РФ 1993 года и последующей судебной реформой. УПК РФ 2001 года внес существенные изменения в систему досудебного производства, четко разграничив компетенцию органов дознания и предварительного следствия (ст. 150 УПК РФ). Законодатель установил систему судебного контроля за наиболее важными процессуальными решениями (ст. 29 УПК РФ) и ввел институт процессуальной самостоятельности дознавателя (ч. 3 ст. 41 УПК РФ). Однако, как показывает анализ судебной практики, декларируемая самостоятельность органов дознания остается во многом формальной.

Современное состояние процессуального статуса органов внутренних дел характеризуется рядом системных проблем. Во-первых, сохраняется двойственность их правовой природы, когда один и тот же сотрудник сочетает административные и процессуальные функции. Например, участковый уполномоченный полиции, осуществляющий профилактику правонарушений, одновременно может выступать в качестве дознавателя по уголовному делу. Это создает очевидный конфликт интересов и снижает эффективность уголовного преследования.

Во-вторых, сохраняется проблема избыточной процессуальной зависимости органов дознания. Проведенные социологические исследования среди дознавателей показали, что 67% опрошенных указали на необходимость согласования с прокурором даже рутинных процессуальных решений. Это существенно замедляет производство по уголовным делам и снижает оперативность реагирования на преступления.

В-третьих, требует совершенствования система ведомственного контроля. Анализ практики показывает, что в 40% случаев отмена решений дознавателя руководителем подразделения не имеет достаточных правовых оснований и носит скорее субъективный характер. Это подрывает авторитет дознавателя и снижает его процессуальную самостоятельность.

Перспективы развития процессуального статуса органов внутренних дел связаны с несколькими направлениями. Важнейшим из них является оптимизация взаимодействия со следственными органами. Это требует четкого нормативного разграничения подследственности и создания единых информационных систем, позволяющих оперативно передавать материалы между различными правоохранительными структурами.

Не менее важным представляется совершенствование процессуальной самостоятельности дознавателей. Конкретными мерами могли бы стать расширение перечня решений, принимаемых дознавателем самостоятельно, и введение института судебной санкции для наиболее важных процессуальных действий. Это позволило бы найти разумный баланс между оперативностью расследования и защитой прав участников процесса.

Особое значение в современных условиях приобретает цифровизация процессуальной деятельности органов внутренних дел. Внедрение электронного документооборота, использование систем искусственного интеллекта для анализа следственных версий, применение технологий big data для выявления преступных схем – все эти инновации способны существенно повысить эффективность досудебного производства.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет сделать ряд принципиальных выводов. Во-первых, развитие процессуального статуса органов внутренних дел носит циклический характер - периоды расширения их полномочий регулярно сменяются этапами

их ограничения. Во-вторых, современная модель требует тщательного баланса между оперативной самостоятельностью органов дознания и эффективным судебно-прокурорским контролем. В-третьих, перспективы развития связаны с дальнейшей дифференциацией процессуальных форм дознания и активным внедрением цифровых технологий в уголовное судопроизводство.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на сравнительный анализ процессуального статуса органов внутренних дел в странах континентальной и англосаксонской правовых семей, что позволит выявить лучшие практики и адаптировать их к российским условиям. Особого внимания заслуживает также изучение влияния новых технологий на трансформацию традиционных процессуальных институтов.

1. Регламент или Устав Главного Магистрата. – 1721 Января 16 // Перепечатано из П. С. 3., т. VI, № 3708, стр. 291-305. URL: <https://docs.historyrussia.org/nodes/332686> (дата обращения 09.05.2025)
2. Арестов С. А. История развития института процессуальной самостоятельности следователя / С. А. Арестов // Colloquium-Journal. – 2019. – № 14-8(38). – С. 131-133.
3. Российское законодательство X - XX веков: Судебная реформа. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864> (дата обращения 09.05.2025)
4. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. Изд. 4-е. – СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kurs_ugolovnogogo_sudoproizvodstva_tom_i/ (дата обращения 12.05.2025)
5. Токарева С. Н. Нормативно-правовые основы организации советской милиции в 1918 году // Новый ракурс. 2016. №17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovye-osnovy-organizatsii-sovetskoj-militsii-v-1918-godu> (дата обращения: 12.05.2025).
6. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
7. Деришев Ю. В. Наследие М. С. Строговича и современные проблемы функционально-правового построения уголовного досудебного производства // Сибирское юридическое обозрение. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledie-m-s-strogovicha-i-sovremennye-problemy-funktsionalno-pravovogo-postroeniya-ugolovnogogo-dosudebnogo-proizvodstva> (дата обращения: 09.05.2025).

Коряченцова С.И., Гладковская А.О.

К вопросу о практике реализации средств материнского капитала

*Санкт-Петербургский юридический институт
(ф) Университет прокуратуры Российской Федерации
(Россия, Санкт-Петербург)*

Аннотация

В статье освещены вопросы реализации такого инструмента финансовой поддержки семей в Российской Федерации, как материнского капитала. Исследованы эмпирические, теоретические и правовые основы, устанавливающие порядок реализации правоотношений в указанной сфере, особенности исследуемого института, перспективы его развития, отдельные проблемы реализации права на материнский капитал. Отмечено, что средства материнского капитала являются актуальной мерой поддержки для многочисленных граждан, имеющих детей и не имеющих возможности самостоятельно приобрести жилое помещение. По результатам проведенного анализа авторы пришли к выводу о необходимости правовой конкретизации реализации института материнского капитала.

Ключевые слова: семья, меры социальной поддержки, материнский капитал, реализация права на материнский капитал, несовершеннолетние, улучшение жилищных условий.

Abstract

The article highlights the issues of implementing such an instrument of financial support for families in the Russian Federation as maternity capital. The empirical, theoretical and legal foundations that establish the procedure for the implementation of legal relations in this area, the specifics of the institution under study, the prospects for its development, and individual problems of realizing the right to maternity capital are investigated. Marked. that maternity capital funds are an urgent measure of support for numerous citizens who have children and are unable to purchase housing on their own. Based on the results of the analysis, the authors came to the conclusion that it is necessary to legally specify the implementation of the institute of maternity capital.

Keywords: family, social support measures, maternity capital, realization of the right to maternity capital, minors, improvement of housing conditions.

Реализация государственной программа, обеспечивающей предоставление финансовой поддержки семьям, имеющим детей, кроме того материнский капитал является формой социальной защиты, поскольку направлен на поддержку семей с детьми, улучшение их материального положения и создание более благоприятных условий для воспитания и развития детей. Указанная программа призвана стимулировать рождаемость и облегчить финансовую нагрузку семьи.

Впервые идея введения материнского капитала была озвучена в Послании Федеральному Собранию РФ Президентом РФ 10 мая 2006 года, где отмечена важность помощи со стороны государства женщине, родившей второго ребенка, и не имеющей возможности осуществлять трудовую деятельность [1, с. 150]. Порядок предоставления дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей закреплен законодательно [2]. Институт материальной поддержки семей – материнский капитал, направленный на стимулирование демографического роста и поддержки семей с детьми. Полученные средства возможно использовать для улучшения жилищных условий, обучения детей или формирования накопительной части пенсии матери и других дополнительные меры государственной поддержки. Важно отметить, что материнский капитал рассматривается в том числе и как составляющая демографической политики государства (как инструмент государственной политики в решении демографических проблем государства). Это значение является первостепенным, поскольку демографическая ситуация в РФ во все времена являлась одной из важнейших социально-экономических проблем [3, с. 24].

Несмотря на то, что каждый год данный институт подвергается изменениям и уточнениям, проблемы реализации правовых норм по-прежнему остаются.

Так одним из дискуссионных вопросов является восстановлении прав на получение мер государственной поддержки, которое было утрачено в связи с нецелевым использованием денежных средств материнского капитала.

Положениями статьи 8 Федерального закона от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Закон № 256-ФЗ) установлен исчерпывающий перечень оснований для отказа в удовлетворении заявления о распоряжении материнским капиталом, например: прекращение права на дополнительные меры государственной поддержки; нарушение установленного порядка подачи заявления о распоряжении; указание в заявлении о распоряжении направления использование средств (части средств) материнского (семейного) капитала, не предусмотренного действующим законодательством; указание в заявлении о распоряжении суммы (ее частей в совокупности), превышающей полный объем средств материнского (семейного) капитала, распорядиться которым вправе лицо, подавшее заявление о распоряжении; ограничение лица в родительских правах; отобрание ребенка; наличие информации о признании жилого помещения непригодным для проживания и (или) о признании многоквартирного дома, в котором находится жилое

помещение, аварийным и подлежащим сносу или реконструкции; отсутствия заключения о соответствии жилого помещения, являющегося жилым домом (частью жилого дома), в том числе домом блокированной застройки, требованиям, предъявляемым к жилому помещению, и его пригодности для проживания; и другие основания перечисленные в указанной выше статье.

Однако в перечне отсутствует такое основание как: «факт выдачи и реализации сертификата на материнский капитал», отсюда следует, что гражданину не имеют права отказать в подачи заявления для реализации сертификата повторно.

Отметим, что Приказом Минтруда России от 03.08.2022 № 444н «Об утверждении Правил подачи заявления о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал и выдачи государственного сертификата на материнский (семейный) капитал и формы государственного сертификата на материнский (семейный) капитал» отмечена необходимость Фонду пенсионного и социального страхования Российской Федерации (далее – ФПСС РФ) при рассмотрении заявления обращать внимание на факт выдачи сертификата на материнский капитал, а не на его реализацию. Два понятия не являются синонимами между собой, а подразумевают разные правоотношения. Под реализацией, согласно Толковому словарю, понимается – «результат такого действия; осуществление, претворение в жизнь чего-либо» [4]. В данном случае, возможно предположить, что реализация средств материнского капитала, служит достижению предусмотренных законом целей.

Так, Нижегородским областным судом рассмотрено дело по гражданскому иску о восстановлении прав на получение мер государственной поддержки. Заявитель планировал реализовать полученные средства на улучшение жилищных условий, но, ввиду ненадлежащего исполнения своих обязанностей со стороны подрядчика, по сделке не был достигнут результат. В связи с чем, в последующем Отделение фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации взыскало с подрядчика денежные средства в бюджет Российской Федерации. Таким образом, денежными средствами материнского капитала представитель несовершеннолетнего фактически не воспользовался, жилищные условия семьи улучшены не были. В решении суд пришел к выводу, что истица не лишена возможности реализовать свое право на дополнительные меры государственной поддержки в виде распоряжения средствами материнского (семейного) капитала [5].

Обратим внимание, что в указанном примере сертификат был получен, но не реализован. Кроме того, по смыслу статей 3 и 8 Закона № 256-ФЗ отсутствуют основания полагать, что право гражданина при возврате материнского (семейного) капитала в бюджет фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации прекратилось и не может быть реализовано по предусмотренным частью 2 статьи 8 указанного Федерального закона основаниям.

Стоит обратить внимание, что процедура возврата денежных средств материнского капитала не регламентирована законодательством, поэтому суды, при вынесении решения, руководствуются судебной практикой, в целях единообразного применения положений закона Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016 года утвержден «Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал». Вместе с тем Российская Федерация не является государством, в котором применяется судебный прецедент.

Представляется, что с учетом экономической нестабильности и ростом цен на недвижимость, граждане Российской Федерации станут чаще использовать материнский капитал в долевом строительстве, заключать договоры подряда с третьими лицами, что существенно увеличит риски, при целевом расходовании средств.

Одним из важных моментов при повторной подаче заявления является факт отсутствия вины в утрате средств материнского капитала. Однако, сбор и предоставление доказательства, подтверждающих, что право, указанное в законе, не реализовано

фактически возлагается на представителей несовершеннолетних, а оценка представленных доказательств на суд. И только после возраста в федеральный бюджет средств, семья вправе повторно подать заявление на реализацию права на материнский. В настоящее время, при указанных обстоятельствах возможность получения указанной меры поддержки для граждан без судебного решения фактически невелика. В целях защиты нарушенных прав представители несовершеннолетних либо самостоятельно обращаются в суд, либо прокуроры принимают меры в защиту прав несовершеннолетних.

Из вышеуказанного следует, что у гражданина есть право реализовать полученный второй раз сертификат, на целевые расходы, предусмотренные Законом № 256-ФЗ, в случае если первый раз средства не были реализованы по вине третьих лиц.

В заключении отметим, что институт государственной поддержки семей с детьми, материнский (семейный) капитал, требует дополнительных правовых обоснований в российском законодательстве, в частности конкретизации положений Федерального закона от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» о возможности повторной реализации прав семей на расходование средств материнского капитала в связи с неправомерными действиями третьих лиц. Так же необходимо закрепить обязанность уполномоченных органов принимать действенные меры по восстановлению нарушенных прав несовершеннолетних.

1. Велиева, Э. Ш. Материнский капитал: современное состояние, отдельные аспекты реализации права на материнский капитал / Э. Ш. Велиева, И. В. Гулевич // Modern Science. – 2020. – № 2-1. – С. 150-154. – EDN BAONDQ.
2. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Коротина Н. Ю. Материнский капитал как инструмент государственной политики в решении демографических проблем в Российской Федерации / Н. Ю. Коротина, И. А. Рыженкова // Челябинский гуманитарий. Челябинск, 2014. С. 24-27.
4. Т. Ф. Ефремова, 2000г. Современный толковый словарь русского языка.
5. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.04.2024 № 88-6819/2024 (УИД 53RS0022-01-2023-002665-07) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Лазаренко Т.В.¹, Чеботарева И.Ю.¹, Мамишева З.А.²
Национальное законодательство как
инструмент реализации концепции устойчивого развития

¹*(ф) Адыгейский государственный университет*
(Россия, Белореченск)

²*Адыгейский государственный университет*
(Россия, Майкоп)

Аннотация

Национальное законодательство определяет ключевые аспекты в реализации концепции устойчивого развития. Проблемы национального правового регулирования устойчивого развития включают в себя несовершенство законодательной базы, отсутствие четких механизмов реализации и координации, а также недостаточное внимание к экологическим аспектам развития. Решение этих проблем требует комплексного подхода, включая теоретическое обоснование.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития, национальное законодательство, основные направления устойчивого развития, правовое регулирование устойчивого развития.

Abstract

National legislation defines key aspects in the implementation of the concept of sustainable development. The problems of national legal regulation of sustainable development include the imperfection of the legislative framework, the lack of clear mechanisms for implementation and coordination, as well as insufficient attention to the environmental aspects of development. Solving these problems requires a comprehensive approach, including theoretical justification.

Keywords: the concept of sustainable development, national legislation, main directions of sustainable development, legal regulation of sustainable development.

Концепция устойчивого развития в России, как и во многих других странах, тесно переплетена с категориями общественных благ и развития человеческого потенциала. Тем не менее, как и во многих других странах, в России не хватает действенных механизмов имплементации правового регулирования устойчивого развития в реальную практику [1, с. 18].

Национальное законодательство играет ключевую роль в реализации концепции устойчивого развития, это объясняется следующим.

Во-первых, национальное законодательство транслирует международные обязательства. Национальное законодательство имплементирует международные договоры и конвенции в национальную правовую систему, обеспечивая их применение на территории государства.

Во-вторых, национальное законодательство определяет права и обязанности граждан и организаций в сфере устойчивого развития, устанавливая правила поведения и ответственность за их нарушение.

В-третьих, национальное законодательство регулирует использование природных ресурсов, устанавливая правила добычи, переработки и потребления, а также меры по их охране и восстановлению.

В-пятых, национальное законодательство устанавливает стандарты качества окружающей среды, нормы выбросов и сбросов загрязняющих веществ, а также требования к экологической безопасности продукции и технологий.

В-шестых, национальное законодательство создает экономические и административные стимулы для внедрения экологически чистых технологий, рационального использования ресурсов и развития «зеленой» экономики.

И наконец, в-седьмых, национальное законодательство обеспечивает участие общественности в принятии решений, касающихся устойчивого развития, гарантируя доступ к информации, право на участие в общественных обсуждениях и право на обжалование решений, нарушающих экологические права.

Национальное правовое регулирование определяет основные направления устойчивого развития, охватывая широкий круг вопросов.

В первую очередь должно быть сформулировано стратегическое планирование устойчивого развития. Многие государства разрабатывают национальные стратегии устойчивого развития, определяющие цели, приоритеты и направления деятельности в этой сфере. Эти стратегии служат основой для разработки и реализации конкретных программ и проектов. При этом согласно современной концепции справедливости, устойчивое развитие является обязанностью не только государства, но и всех видов организаций и граждан [2, с. 38].

Соответственно, государственные органы должны разрабатывать национальные стратегии устойчивого развития с участием всех заинтересованных сторон, включая

бизнес, научное сообщество и общественность. Эти стратегии должны быть основаны на принципах устойчивого развития и учитывать международные обязательства государства.

Важным является экологическое законодательство, которое является одним из основных инструментов обеспечения устойчивого развития. Оно регулирует отношения в сфере охраны окружающей среды, использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности.

Государственные органы должны разрабатывать и совершенствовать экологическое законодательство, устанавливая четкие и эффективные правила и стандарты, а также обеспечивая их соблюдение. Экологическое законодательство должно охватывать все виды воздействия на окружающую среду, включая загрязнение воздуха, воды и почвы, обращение с отходами, использование природных ресурсов и сохранение биоразнообразия.

Энергетическое законодательство играет важную роль в обеспечении устойчивого развития, поскольку оно регулирует производство, передачу и потребление энергии. Оно должно стимулировать развитие возобновляемой энергетики, повышение энергоэффективности и снижение выбросов парниковых газов.

Государственные органы должны разрабатывать и реализовывать энергетическую политику, направленную на диверсификацию источников энергии, развитие возобновляемой энергетики, повышение энергоэффективности и снижение выбросов парниковых газов. Энергетическое законодательство должно создавать благоприятные условия для инвестиций в возобновляемую энергетику и энергоэффективные технологии.

Не маловажную роль играет транспортное законодательство. Транспорт является одним из основных источников загрязнения воздуха и выбросов парниковых газов. Транспортное законодательство должно стимулировать развитие экологически чистого транспорта, повышение эффективности транспортной системы и снижение негативного воздействия транспорта на окружающую среду.

Государственные органы должны разрабатывать и реализовывать транспортную политику, направленную на развитие общественного транспорта, стимулирование использования электромобилей и других экологически чистых транспортных средств, повышение эффективности транспортной системы и снижение негативного воздействия транспорта на окружающую среду. Транспортное законодательство должно устанавливать требования к экологической безопасности транспортных средств и инфраструктуры.

Сельское хозяйство оказывает значительное воздействие на окружающую среду, включая загрязнение воды и почвы, выбросы парниковых газов и потерю биоразнообразия. Сельскохозяйственное законодательство должно стимулировать устойчивое сельское хозяйство, которое обеспечивает продовольственную безопасность, сохраняет природные ресурсы и снижает негативное воздействие на окружающую среду.

Государственные органы должны разрабатывать и реализовывать сельскохозяйственную политику, направленную на поддержку устойчивого сельского хозяйства, которое обеспечивает продовольственную безопасность, сохраняет природные ресурсы и снижает негативное воздействие на окружающую среду. Сельскохозяйственное законодательство должно стимулировать использование экологически чистых технологий, рациональное использование удобрений и пестицидов, а также сохранение биоразнообразия.

Градостроительство и землепользование оказывают значительное воздействие на окружающую среду и социальную сферу.

Законодательство о градостроительстве и землепользовании должно обеспечивать устойчивое развитие городов и сельских территорий, рациональное использование земель, сохранение природных ландшафтов и обеспечение комфортной среды обитания для населения.

Государственные органы должны разрабатывать и реализовывать градостроительную политику, направленную на устойчивое развитие городов и сельских территорий, рациональное использование земель, сохранение природных ландшафтов и обеспечение комфортной среды обитания для населения. Законодательство о градостроительстве и землепользовании должно устанавливать требования к экологической безопасности строительства и инфраструктуры, а также обеспечивать участие общественности в принятии градостроительных решений.

Социальное законодательство играет важную роль в обеспечении социальной справедливости и устойчивого развития. Оно должно обеспечивать доступ к образованию, здравоохранению, достойной работе и социальной защите для всех членов общества.

Государственные органы должны разрабатывать и реализовывать социальную политику, направленную на обеспечение доступа к образованию, здравоохранению, достойной работе и социальной защите для всех членов общества. Социальное законодательство должно обеспечивать защиту прав уязвимых групп населения и создавать условия для их участия в общественной жизни.

В разных странах мира существуют примеры успешных практик национального правового регулирования устойчивого развития. Например, Германия является лидером в области развития возобновляемой энергетики. Федеральный закон о возобновляемых источниках энергии (EEG) установил гарантированные тарифы на электроэнергию, произведенную из возобновляемых источников, что стимулировало значительный рост этого сектора.

Коста-Рика является одной из самых экологически чистых стран в мире. Более 98% электроэнергии в стране производится из возобновляемых источников. Правительство Коста-Рики проводит активную политику по сохранению биоразнообразия и развитию экологического туризма.

Бутан является единственной страной в мире, где углеродные выбросы отрицательные. Страна поглощает больше углерода, чем выбрасывает. Правительство Бутана придает большое значение сохранению окружающей среды и устойчивому развитию.

Несмотря на достигнутый прогресс, национальное правовое регулирование устойчивого развития сталкивается с рядом вызовов.

Основными проблемами является в первую очередь недостаточная эффективность правоприменения. Зачастую существующие законы и нормы не исполняются в полной мере из-за недостаточного финансирования, коррупции и других факторов.

Также проблемы возникают в противоречии между различными отраслями законодательства. Зачастую различные отрасли законодательства противоречат друг другу, что затрудняет принятие решений в пользу устойчивого развития.

Лоббирование интересов отдельных групп может приводить к принятию законов и норм, которые не соответствуют принципам устойчивого развития.

Недостаточная осведомленность населения о принципах устойчивого развития и своих правах в этой сфере затрудняет участие общественности в принятии решений.

Для преодоления этих вызовов необходимо: укреплять правоприменительные органы и повышать эффективность правоприменения. Гармонизировать различные отрасли законодательства и устранять противоречия между ними. Ограничивать лоббирование интересов отдельных групп и обеспечивать прозрачность процесса принятия решений. Повышать осведомленность населения о принципах устойчивого развития и их правах в этой сфере. Развивать международное сотрудничество и обмениваться опытом в области национального правового регулирования устойчивого развития.

Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, разработку эффективных механизмов реализации, повышение уровня осведомленности населения и усиление международного сотрудничества.

1. Чеботарева И.Ю., Удычак Ф.Н., Тхаркахо М.М., Марков П.Н. Устойчивое развитие и конституционные приоритеты современной России // Закон и власть. 2023. № 1. С. 18-22.
2. Дзыбова С.Г., Мамишева З.А., Чеботарева И.Ю. Роль концепции устойчивого развития в правовой модернизации Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 5-1. С. 33-41.

Лебедева Р.Р.

Правовое регулирование прогрессивной системы отбывания наказаний

*Оренбургский государственный университет
(Россия, Оренбург)*

Аннотация

В статье раскрывается определение понятия правового регулирования прогрессивной системы отбывания наказаний. Автор статьи анализирует нормы уголовного права, регулирующие такую систему, говорит о прямой зависимости между поведением заключенного и условиями отбывания им наказания.

Ключевые слова: отбывание наказания, система отбывания наказания, прогрессивная система отбывания наказания, поведение осужденного, уголовное наказание.

Abstract

The article reveals the definition of the concept of legal regulation of the progressive system of serving sentences. The author of the article analyzes the norms of criminal law governing such a system, and speaks about the direct relationship between the behavior of a prisoner and the conditions of serving his sentence.

Keywords: serving of punishment, system of serving of punishment, progressive system of serving of punishment, behavior of the convicted person, criminal punishment.

Прогрессивная система отбывания наказаний предусматривает зависимость между поведением заключенного и условиями отбывания им наказания [1].

Как правило, такие изменения условий отбывания наказаний в российской пенитенциарной системе регулируются нормами уголовного и уголовно-исполнительного права.

К примеру, ст. 80 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее в тексте – УК РФ) регламентирует замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания. В соответствии с этой нормой, заменены могут быть следующие виды наказания:

- содержание в дисциплинарной воинской части;

- принудительные работы;
- лишение свободы.

Для этого в соответствии с ч. 1 ст. 80 УК РФ, осужденный должен возместить вред (полностью или частично), причиненный им в результате совершения преступления.

Решение о замене наказания на более мягкое принимает суд, который руководствуется информацией о поведении лица, отбывающего наказание, а также, в соответствии с ч. 4 ст. 80 УК РФ, отношении осужденного к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, отношении осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления. В отношении осужденного, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, и совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, суд также учитывает применение к осужденному принудительных мер медицинского характера, его отношение к лечению и результаты судебно-психиатрической экспертизы.

В соответствии с текстом Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», при оценке поведения осужденного, его отношения к учебе и труду, если он проходил профессиональное обучение и (или) привлекался к труду в период отбывания наказания, судам необходимо принимать во внимание всю совокупность имеющихся об этом сведений.

Нормы Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее в тексте – УИК РФ) регламентируют порядок замены наказания на более мягкое. Так в ст. 175 УИК РФ описан порядок обращения с ходатайством и направления представления об освобождении от отбывания наказания или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

В ст. 175 УИК РФ указано, что в ходатайстве должны содержаться сведения, свидетельствующие о том, что для дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, поскольку в период отбывания наказания он возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением, раскаялся в совершенном деянии, а также могут содержаться иные сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного.

Также в данной норме перечислены лица, которые вправе обратиться с ходатайством о замене наказания на более мягкое:

- сам заключенный;
- адвокат;
- законный представитель.

В соответствии с положениями ст. 175 УИК РФ, ходатайство подается в суд, но через администрацию уголовно-исправительного учреждения или органа, исполняющего наказание.

Администрация предоставляет характеристику на заключенного, которую суд принимает во внимание, когда решает вопрос об освобождении от отбывания наказания или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Правовое регулирование отношений в сфере прогрессивной системы отбывания наказаний трансформируется в соответствии с изменяющимися реалиями: вступление в силу Федерального закона от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» дополнило УК РФ ст. 80.2, в соответствии с диспозицией которой, лицо, отбывающее наказание за совершение преступления, кроме преступлений, исключение в отношении которых предусмотрено частью первой статьи 78.1 УК РФ, призванное на

военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившее в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, освобождается от наказания условно. Контроль за поведением такого лица осуществляется командованием воинской части (учреждения).

Подводя итоги исследования, отметим, что прогрессивная система отбывания наказания, на наш взгляд, помогает достижению такой цели уголовного и уголовно-исполнительного права Российской Федерации как исправление виновного (у осужденного появляется стимул улучшить свое поведение, чтобы смягчить условия отбывания наказания и/или ускорить освобождение). Помимо этого, прогрессивная система отбывания наказания помогает восстановлению справедливости: как было сказано выше, осужденный может претендовать на смягчение наказания только в случае возмещения вреда (частичного или полного): таким образом соблюдается баланс равенства сторон, и соблюдаются права как осужденного, так и потерпевшего (или его представителей) [2; 3].

1. Овчинников С.Н. К вопросу о правовой неопределенности в регулировании институтов отсрочки исполнения приговора и отсрочки отбывания наказания // Российский судья. 2023. № 12. С. 56-60. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-12-56-60.
2. Ковалев О.Г., Казберов П.Н. Профилактика криминальной субкультуры несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 6. С. 13-16.
3. Степанов М.М. Строительство пенитенциарной системы в Российской Федерации и Российской Советской Федеративной Социалистической Республике: сравнительный анализ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 4. С. 6-9.

Лесовский Ю.Ю.

**Гражданско-правовая ответственность
за нарушение конфиденциальности персональных данных**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Научный руководитель: Цуканов О.В.

Аннотация

В статье рассматриваются основания и формы гражданско-правовой ответственности за нарушение конфиденциальности персональных данных в российском праве. Анализируются положения Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», а также Гражданского кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделено возмещению вреда, причинённого незаконным распространением или иным неправомерным использованием персональных данных. Приведены актуальные примеры судебной практики.

Ключевые слова: персональные данные, конфиденциальность, гражданско-правовая ответственность, моральный вред, деликт, компенсация, субъект персональных данных, неприкосновенность частной жизни, защита информации, право на приватность.

Abstract

The article deals with the grounds and forms of civil liability for violation of confidentiality of personal data in Russian law. The provisions of the Federal Law of 27.07.2006 № 152-FZ “On Personal Data”, as well as the Civil Code of the Russian Federation are analyzed. Particular attention is paid to compensation for damage caused by illegal dissemination or other unauthorized use of personal data. Actual examples of court practice are given.

Keywords: personal data, confidentiality, civil liability, moral damage, tort, compensation, personal data subject, privacy, information protection, right to privacy.

Защита персональных данных в условиях цифровизации становится одной из ключевых задач правового регулирования. Конфиденциальность таких данных обеспечивается не только административными и уголовными, но и гражданско-правовыми мерами. Основой регулирования в этой сфере выступает Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», в соответствии с которым персональные данные определяются как любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определённом, или определяемому физическому лицу (статья 3) [3]. Нарушение порядка их обработки может повлечь за собой причинение вреда субъекту персональных данных, в том числе морального, что и становится основанием для гражданско-правовой ответственности.

Согласно статье 151 Гражданского кодекса РФ [2], если гражданину причинён моральный вред действиями, нарушающими его личные неимущественные права, он вправе требовать компенсации такого вреда. Распространение персональных данных без согласия субъекта нарушает право на неприкосновенность частной жизни, гарантированное Конституцией Российской Федерации (статья 23) [1]. На практике это может выражаться, например, в публикации информации о частной жизни без согласия лица, раскрытии сведений о местоположении, доходах, состоянии здоровья и иных аспектах, составляющих персональные данные.

Кроме того, статья 13.11 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за нарушение законодательства о персональных данных, однако наличие административного наказания не исключает возможности обращения пострадавшего в суд с иском о возмещении вреда в порядке гражданского судопроизводства [4]. Такие иски подаются на основании статьи 1064 ГК РФ [2], в которой установлено общее правило о возмещении вреда, причиненного противоправными действиями.

В то же время, одним из ключевых вопросов в судебной практике остаётся определение причинно-следственной связи между фактом нарушения и наступившими последствиями для субъекта данных. Суду необходимо установить, что именно разглашение или неправомерное использование персональной информации стало прямой причиной вреда, включая моральные страдания. Это особенно затруднительно в случаях, когда информация была распространена в интернете и быстро реплицировалась различными источниками, что усложняет идентификацию нарушителя и доказательство ущерба, вызванного конкретными действиями. Тем самым возникает потребность в более чётких процессуальных инструментах, обеспечивающих баланс между защитой прав личности и реалиями цифровой среды.

Применение норм гражданского права в этой сфере основано на ряде принципов, включая презумпцию виновности причинителя вреда (если иное не предусмотрено законом) и необходимостью полного возмещения последствий нарушения. Теоретически гражданско-правовая ответственность за нарушение конфиденциальности персональных данных может быть классифицирована как деликтная, поскольку речь идёт о защите личных неимущественных прав, нарушенных вне рамок договорных отношений. Специфика заключается в том, что вред может быть как имущественным (например, убытки от неправомерного использования данных), так и неимущественным (моральный вред), а доказывание последнего требует оценки характера и глубины эмоциональных переживаний пострадавшего. Законодатель не устанавливает конкретных сумм компенсации, предоставляя суду широкое усмотрение при оценке степени страданий и обстоятельств дела, что придаёт институту гибкость, но одновременно требует внимательного подхода к доказыванию [6, с. 88].

Важно отметить, что при рассмотрении таких споров суд учитывает характер распространённой информации, степень вины нарушителя, а также последствия для пострадавшего. В соответствии с ч. 1 статьи 1101 ГК РФ, компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме и подлежит определению судом в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Также суды могут обязать нарушителя удалить информацию, опубликованную с нарушением требований закона, либо предпринять иные меры, направленные на восстановление нарушенного права [2].

В современных условиях важным направлением правового регулирования становится развитие превентивных механизмов, направленных на недопущение нарушений. Это включает как повышение юридической грамотности операторов персональных данных, так и усиление внутреннего контроля в организациях, обрабатывающих такие сведения. Юридическая ответственность в гражданско-правовой форме выполняет не только компенсаторную, но и предупредительную функцию, стимулируя участников оборота данных к соблюдению установленных законом процедур. В перспективе возможны изменения законодательства, направленные на более точное определение стандартов доказанности морального вреда и расширение перечня оснований для взыскания убытков, связанных с цифровыми нарушениями [5, с. 76]. Всё это подтверждает, что институт гражданско-правовой ответственности остаётся ключевым элементом системы охраны личных данных и требует постоянного анализа и адаптации к новым вызовам информационного общества.

Для повышения эффективности гражданско-правовой защиты персональных данных целесообразно внести в Гражданский кодекс РФ отдельную норму, прямо предусматривающую ответственность за нарушение законодательства о персональных данных. Это обеспечит большую правовую определённость при разрешении споров. Также актуальным представляется законодательное закрепление минимальных ориентиров для компенсации морального вреда, причинённого неправомерным распространением персональной информации. В дополнение следует рассмотреть возможность расширения прав субъектов персональных данных, включая коллективную защиту интересов в случае массовых нарушений, что особенно важно в условиях цифровой среды и роста количества инцидентов, связанных с утечкой информации.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность за нарушение конфиденциальности персональных данных представляет собой важный механизм защиты прав граждан. Она обеспечивает восстановление справедливости и стимулирует операторов персональных данных к соблюдению требований законодательства. Совершенствование судебной практики в этом направлении способствует укреплению правовых гарантий частной жизни в цифровую эпоху.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 30.04.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья и четвёртая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 01.03.2025) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 30.04.2025).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
5. Родичев Ю.А. Правовая защита персональных данных. Самара: Самарский университет, 2020
6. Тресков В. Персональные данные в новой обработке // ЭЖ-Юрист. 2022. N 4.

Литвишков И.И.

Особенности рассмотрения уголовных дел в отношении военнослужащих

*(ф) ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»
(Россия, Ростов-на-Дону)*

Научный руководитель: Демидченко Ю.В.

Аннотация

При рассмотрении уголовных дел в отношении военнослужащих суды руководствуются не только уголовно-процессуальным и уголовным кодексами, но и Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации, Корабельным уставом Военно-Морского Флота, Уставом военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и иными нормативно-правовыми актами. С момента начала специальной военной операции количество уголовных дел в отношении военнослужащих растет с каждым годом, в связи с этим возникает актуальность данного исследования. Одновременно следует отметить, что при проведении судебного следствия и вынесения обвинительного приговора по уголовному делу размер наказания варьируется в зависимости от введенной мобилизации. С учетом вышеуказанного обстоятельства возникает проблема при назначении наказания лицу. Совокупность всех перечисленных фактов предполагает необходимость исследования особенностей рассмотрения уголовных дел в отношении военнослужащих.

Ключевые слова: судебное следствие, военнослужащие, уголовная ответственность, мобилизация, судопроизводство.

Abstract

When considering criminal cases involving military personnel, courts are guided not only by the Code of Criminal Procedure and the Criminal Code, but also by the Charter of the Internal Service of the Armed Forces of the Russian Federation, the Disciplinary Charter of the Armed Forces of the Russian Federation, the Ship's Charter of the Navy, the Charter of the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation, and other legal and regulatory acts. Since the start of the special military operation, the number of criminal cases involving military personnel has been growing year after year, which makes this research relevant. At the same time, it should be noted that during the judicial investigation and the issuance of a guilty verdict in a criminal case, the size of the punishment varies depending on mobilization. In light of the above circumstances, there is a problem when assigning punishment to a person. The totality of all the listed facts suggests the need to study the peculiarities of considering criminal cases involving military personnel.

Keywords: openness, accessibility, digital technologies, digitalization, digital platform, legal proceedings.

В настоящее время особо остро стоит вопрос судопроизводства по уголовным делам в отношении военнослужащих. Опираясь на статистику можно увидеть, что за последние годы число осужденных военнослужащих выросло более чем в 4 раза. Так например в 2020 году было осуждено 3 248 военнослужащих, в то время как в 2024 году показатель увеличился до 13 674 человек. Конечно наибольший рост преступлений произошел в период с 2023 года по 2024 год. В 2023 году количество осужденных составляло 7 713 военнослужащих. Данная тенденция связана с началом специальной военной операции, в связи с чем и возрастает количество преступлений против военной службы.

При таких обстоятельствах особо остро встает вопрос о рассмотрении уголовных дел в отношении военнослужащих и назначении наказания. В связи с возникшей

необходимостью Верховный суд вынес постановление "О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы" [1].

Следует учитывать, что во время мобилизации наказание за совершение преступлений против военной службы может быть строже. При этом период мобилизации определяется Указом президента Российской Федерации. Размер наказания за преступления против военной службы повышается во время мобилизации в связи с повышенной общественной опасностью. Согласно статистике за 2024 год было вынесено 5 607 обвинительных приговоров по преступлениям против военной службы, наказание по которым назначено в виде лишения свободы.

Особенно остро встает вопрос привлечения к уголовной ответственности военнослужащих, призыв которых был признан незаконным. Суду, при рассмотрении дела, необходимо устанавливать данный факт до удаления в совещательную комнату при вынесении окончательного решения по уголовному делу, в противном случае данный приговор не будет являться законным и подлежит отмене. Если судом будет установлен факт незаконного призыва на военную службу лица, уголовное дело в отношении которого находится на рассмотрении, необходимо рассмотреть вопрос о переквалификации деяния или вынести оправдательный приговор. Таким образом, можно сделать вывод, что незаконный призыв на военную службу исключает возможность привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений против военной службы.

Верховный Суд указал, что правоотношения, возникающие в связи с прохождением военной службы, имеют различные правовые основания: призыв на военную службу или поступление на нее в добровольном порядке, которые необходимо учитывать при решении вопроса о субъекте преступления военной службы. В частности, прохождение военной службы по призыву является одной из форм исполнения воинской обязанности, предусмотренной ст. 1 Закона о воинской обязанности и военной службе и возложенной государством в установленном порядке на граждан, подлежащих призыву на военную службу. В тех случаях, когда указанная обязанность незаконно возложена на граждан, не подлежащих призыву, или имеющих отсрочку от призыва, или подлежащих освобождению от призыва либо от исполнения воинской обязанности, то такое лицо не является субъектом преступления, предусмотренного статьями гл. 33 УК.

Одной из особенностей рассмотрения уголовных дел в отношении военнослужащих является необходимость руководствоваться не только нормами уголовного и уголовно-процессуального права, но и действующими воинскими Уставами. Судья, в производстве которого находится уголовное в отношении военнослужащего, обязан руководствоваться не только нормами уголовного и уголовно-процессуального права, но и знать положения Уставов вооруженных сил Российской Федерации. Так например, при рассмотрении уголовного дела в отношении военнослужащего, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ [2], судья обязан учитывать положения Устава внутренней службы Вооруженных сил Российской Федерации [3]. При данных обстоятельствах, опыт несения военной службы для судьи являлся бы преимуществом, в связи с чем, целесообразна идея о необходимости изменения статуса судей, в гарнизонных, флотских и окружных судах из государственных гражданских служащих в военнослужащих, для дальнейшей возможности периодического пребывания на военных сборах.

Также стоит отметить тот факт, что в главе 33 УК РФ указаны преступления против военной службы. В статье 331 УК РФ определены субъекты данных преступлений, а именно военнослужащие, проходящие военную службу по призыву либо по контракту, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Однако, Пленум Верховного суда разъяснил, что по статьям гл. 33 УК могут нести ответственность и лица, не относящиеся к субъектам, указанным в ч. 1 ст. 331 УК. Если будет установлено, что они участвовали в совершении преступлений против

военной службы совместно с военнослужащими (гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов), то в соответствии с ч. 4 ст. 34 УК они несут ответственность только в качестве организаторов, подстрекателей и пособников указанных преступлений. При этом уголовная ответственность для них по общему правилу наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное в соучастии преступление против военной службы.

Подводя итог исследованию, следует отметить, что в настоящее время, в связи с началом специальной военной операции, значительно увеличилось количество рассматриваемых уголовных дел в отношении военнослужащих. Данная тенденция выявила некоторые особенности при рассмотрении вышеуказанной категории дел, которые частично были разъяснены Верховным судом.

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 19 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 7.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
3. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 : [ред. от 1 марта 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 47. – Ст. 5794.

Литвишков И.И.

Цифровизация уголовного судопроизводства

*(ф) ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»
(Россия, Ростов-на-Дону)*

Научный руководитель: Демидченко Ю.В.

Аннотация

В настоящее время процесс цифровизации занимает одно из наиболее актуальных направлений в развитии российского судопроизводства. Данные тенденции к развитию получили высокий толчок во время вспышки пандемии и продолжают свой рост по сей день, что позволяет продолжать отправление правосудия в период ограничений. Поскольку активный процесс цифровизации требует развития новых и улучшения существующих цифровых технологий. Тем не менее, развитие новых технологий, предполагает формирование новых процессуальных средств для регулирования правовых отношений участников уголовного судопроизводства. Однако, развитие цифровизации в уголовном судопроизводстве может также привести к нарушению прав участников судопроизводства, в связи с чем возникает необходимость предоставления равных возможностей вышеуказанным лицам. Следует отметить, что цифровые технологии, как одно из развивающихся процессуальных средств, проникает в различные блоки уголовно-процессуального регулирования. Важным аспектом при изучении проблемы цифровизации в уголовном судопроизводстве является необходимость многоступенчатого подхода к внедрению и применению цифровых технологий в различных видах судопроизводства.

Ключевые слова: открытость, доступность, цифровые технологии, цифровизация, цифровая платформа, судопроизводство.

Abstract

Currently, the process of digitalization occupies one of the most relevant areas in the development of Russian legal proceedings. These development trends received a high boost during the outbreak of the pandemic and continue to grow to this day, which allows the

administration of justice to continue during the period of restrictions. Because the active process of digitalization requires the development of new and improvement of existing digital technologies. Nevertheless, the development of new technologies presupposes the formation of new procedural means for regulating the legal relations of participants in criminal proceedings. However, the development of digitalization in criminal proceedings may also lead to a violation of the rights of participants in the proceedings, which makes it necessary to provide equal opportunities to the above-mentioned persons. It should be noted that digital technologies, as one of the developing procedural tools, are penetrating into various blocks of criminal procedure regulation. An important aspect in studying the problem of digitalization in criminal proceedings is the need for a multi-stage approach to the introduction and application of digital technologies in various types of legal proceedings.

Keywords: openness, accessibility, digital technologies, digitalization, digital platform, legal proceedings.

Процесс внедрения цифровизации в уголовное судопроизводство направлен на повышение качества правосудия, оптимизации процесса рассмотрения дел, а именно уменьшение сроков и увеличение оперативности вынесения окончательного решения по делу. Также, стоит отметить, что внедрение цифровых технологий в деятельность судов, согласно политики государства, предполагает обеспечение доступности и прозрачности правосудия. Развитие информационных технологий и внедрение ее во все сферы жизнедеятельности граждан предполагает ускоренное вовлечение всех слоев населения в процесс цифровизации, что позволит более оперативно контактировать с судами.

Процесс внедрения информационно-коммуникационных технологий в судебную систему направлены на достижение стратегических целей государства.

Наиболее актуальными проблемами, которые призван разрешить процесс цифровизация, является затягивание сроков рассмотрения дел, недостаточная информированность граждан о движения дела, а также низкое качество работы отдельных судебных органов.

Внедрение передовых цифровых технологий в работу судебной системы признаётся одним из ключевых инструментов решения актуальных проблем на государственном уровне [1].

В последние годы гражданами активно используется система электронного правосудия при подаче заявлений и ходатайств через ГАС «Правосудие», что во многом позволяет экономить время не только самих заявителей, но и сотрудников аппарата суда при направлении ответов. Данная тенденция отражает вышесказанную политику государства.

Тем не менее, при развитии данных систем взаимодействия с судебными органами, растет и количество обращений, что во многом загружает сотрудников аппарата.

С целью повышения эффективности и качества правосудия, цифровые технологии позиционируются как прогрессивный инструмент, способствующий достижению этой цели.

Как и любой процесс, процесс цифровизации судопроизводства не может быть безграничным [2]. Следует отметить, что участие человека в процессе отправления правосудия обязательно, какими бы масштабными и не являлись изменения. Данное высказывание подразумевает, что даже при разработке и внедрении автоматизированного процесса защиты прав граждан при рассмотрении судами дел, невозможно полностью исключить участие человека в отпращивании правосудия. Безусловно данный тезис относится к уголовному судопроизводству, которое «на протяжении тысячелетий... было традиционной сферой человеческой деятельности» [3, с. 93] и сегодня продолжает

оставаться таковой в силу природы уголовно-процессуальных отношений, включающих весомую нравственную составляющую, которую учесть и воплотить в судопроизводстве под силу лишь человеку.

Необходимо отметить, что уголовно-процессуальная деятельность предусматривает нравственные принципы, а именно: гуманизм, справедливость и равенство, в связи с чем, невозможно полностью цифровизировать уголовное судопроизводство при наличии в отечественном уголовно-процессуальном таких компонентов как «внутреннее убеждение», «судейское усмотрение», «совесть судьи». Это подчеркивает важность дифференцированного подхода к установлению границ использования цифровых технологий в судебной системе. В данном контексте унификация процессуальных направлений не является допустимой.

Также одним из актуальных направлений цифровизации уголовно-процессуального права является развитие и применение в судебных процессах передовых технологий, таких как искусственный интеллект. Однако, учитывая тот факт, что данные способы судебного производства не имеют опыта практического применения, необходимо провести всесторонний анализ потенциальных рисков, связанных с цифровой трансформацией, а также установлению четких критериев для ее реализации, «которыми стоит руководствоваться при принятии решения о возможности и необходимости разработки и внедрения таких технологий в уголовное судопроизводство...» [4, с. 97].

Восприятие правосудия в сознании россиян исторически нераздельно связано не только с правом, но и с совестью [5, с. 171].

В соответствии с принципом свободы оценки доказательств, закрепленным в статье 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, судья и присяжные заседатели, рассматривая уголовное дело, обязаны оценивать представленные доказательства по своему внутреннему убеждению. Формирование такого убеждения должно осуществляться не исключительно в русле правовых норм, но и с обязательным учётом императивов совести. Формирование такого убеждения должно осуществляться не исключительно в русле правовых норм, но и с обязательным учётом императивов совести.

В области науки уголовного процесса понятие «совесть» следует интерпретировать как индивидуальную «способность судьи к самоконтролю в рамках уголовно-процессуального закона и к справедливости в праве» [6].

В связи с вышеизложенным, следует сделать вывод, что только лишь человек имеет возможность применять такие субъективные категории как совесть, внутреннее убеждение, а также справедливость в нестандартных ситуациях при рассмотрении уголовных дел.

Хотя в настоящее время и обсуждается вопрос о применении шаблонной системы при вынесении приговора по уголовному делу, что упростило бы работу судьи, необходимо понимать, что данное нововведение препятствовало бы соблюдению принципов справедливости и гуманности уголовного судопроизводства.

Сторонники внедрения инструментов искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство утверждают, что данное нововведение позволит устранить предубеждения и субъективность, присущие человеческим суждениям.

Однако, можно возразить, что именно человеческий разум, с его способностью синтезировать правовые нормы и нравственные принципы, позволяет выносить обоснованные, объективные и справедливые решения по уголовным делам.

В настоящее время нет веских оснований утверждать, что решения судей носят субъективный и "пристрастный" характер. Наоборот, вся система организации судебной деятельности построена на принципах объективности и беспристрастности. В случае нарушения этих принципов предусмотрены правовые гарантии в виде отмены судебных решений, не соответствующих указанным требованиям.

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 14 сентября 2021 г.) «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы”». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2025).
2. Бородинова Т. Г. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве России: пределы и проблемы внедрения // Правосудие/Justice. 2022. Т. 4, № 1. С. 71-86. DOI: 10.37399/2686-9241.2022.1.71-86.
3. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5. С. 91-104. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.091-104.
4. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5. С. 91-104. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.091-104.
5. Панкова О. В. Развитие доктринальных основ правосудия в дореволюционной России // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2018. № 3. С. 170-189.
6. Якушева Т. В., Стародубцева М. А. Совесть судьи при оценке доказательств для постановления приговора как конституционная гарантия государственной защиты прав подсудимого // Концепт: науч.-метод. электрон. журн. 2019. № 1. С. 144-149. DOI: 10.24411/2304-120X2019-13008

Мавлянова Т.А., Аширбаева Н.К., Мойдунова С.К.

Вещественные доказательства: понятие и виды

*Кыргызско-Узбекский Международный университет
имени Батыралы Сыдыкова
(Кыргызстан, Ош)*

Аннотация

Проблема института вещественных доказательств интересует многих ученых, и изучение института вещественных доказательств в настоящее время становится актуальным. Сегодня при расследовании преступлений широко применяются новые комплексные методы, в том числе методы, основанные на достижениях современных технологий. Поэтому, соответственно, появляются новые вещественные доказательства, и возникает необходимость их открытия, закрепления, получения и изучения. Метод исследования – в научной статье использованы логические, сравнительно-правовые, системные и формально-юридические методы исследования.

Выводы, представленные в научной статье, рекомендуются к использованию в таких юридических дисциплинах, как теория государства и права, гражданское право, гражданское процессуальное право, право доказательств, уголовный и уголовный процесс, правоохранительные органы и др. Результаты исследования помогут читателям в определенной степени разобраться в положениях процессуальной науки, касающихся отдельных тем.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, судебное разбирательство, понятие доказательства, право, преступление, гражданский процесс, уголовный и уголовный процесс.

Abstract

The problem of the institution of material evidence is of interest to many scientists, and the study of the institution of material evidence is currently becoming relevant. Today, new complex methods are widely used in the investigation of crimes, including methods based on the achievements of modern technology. Therefore, accordingly, new material evidence appears, and

there is a need to open, secure, obtain and study it. Research method – the scientific article uses logical, comparative legal, systemic and formal legal research methods.

The conclusions presented in the scientific article are recommended for use in such legal disciplines as the theory of state and law, civil law, civil procedural law, the law of evidence, criminal and criminal procedure, law enforcement agencies, etc. The results of the study will help readers to a certain extent understand the provisions of procedural science concerning individual topics.

Keywords: evidence, proving, trial, concept of evidence, law, crime, civil process, criminal and criminal procedure.

Доказательства – это действительные сведения об обстоятельствах, имеющих значение при расследовании уголовных, гражданских дел, конституционном судопроизводстве и делах об административных правонарушениях. Эти сведения определяются показаниями свидетелей, потерпевших, третьих лиц и вещественными доказательствами, аудио и видеозаписями, заключениями специалистов и экспертов. В уголовном судопроизводстве доказательства используются для установления того, имело ли место уголовное происшествие или нет, участвовал ли в преступлении обвиняемый или нет, причин совершения преступления, степени ответственности обвиняемого, характера и размера причиненного ущерба, а также обстоятельств, побудивших совершить преступление. В гражданском судопроизводстве с помощью доказательств, суд в установленном законом порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, дающих основания для возражений против исковых заявлений и требований сторон или других лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела [1].

Вещественные доказательства могут использоваться для выяснения всех обстоятельств, которые подлежат доказыванию по делу. Роль и значение вещественных доказательств можно правильно оценить только тщательно сопоставив все обстоятельства дела со всеми доказательствами, собранными в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела. Закон требует, чтобы вещественные доказательства исследовались и оценивались на общих основаниях, как и другие доказательства, для признания их полноценными доказательствами. Проблема института вещественных доказательств интересует многих ученых, и изучение института вещественных доказательств в настоящее время становится актуальным. Сегодня при расследовании преступлений широко применяются сложные новые методы, в том числе методы, основанные на достижениях современных технологий. Поэтому в соответствии с этим появляются новые вещественные доказательства, возникает необходимость их вскрытия, закрепления, получения и исследования. Можно с уверенностью сказать, что изучение вопросов собирания вещественных доказательств актуально не только теоретически, но и на практике, а именно при производстве следственных действий и при совершении иных процессуальных действий [2].

В гражданском судопроизводстве к вещественным доказательствам относятся предметы, которые в силу своего качества и внешнего вида могут быть средством определения обстоятельств, имеющих значение для дела, то есть предметы. Обычно это могут быть одежда, различные виды мебели, автомобили, телевизоры, холодильники, различные предметы домашнего обихода, исправленные документы и т.д. Лицо, ходатайствующее перед судом об истребовании определенной вещи в качестве доказательства от стороны, участвующей в деле или не участвующей в нем, должно указать, какие обстоятельства определяются этим доказательством, имеющие значение для дела. Порядок истребования и предоставления вещественных доказательств в соответствии с нормами гражданского процессуального права лицо, ходатайствующее перед судом об истребовании определенной вещи в качестве доказательства от стороны, участвующей в деле или не участвующей в нем, должно указать причины,

препятствующие ему получить ее самостоятельно, и на каких основаниях оно полагает, что эта вещь находится у указанного им лица или организации. Вещественные доказательства, истребуемые судом от граждан или организаций, предоставляются непосредственно суду. Вопросы обязанности по представлению вещественных доказательств и последствия ее неисполнения регулируются Гражданским процессуальным кодексом. Обычно предполагается, что содержащиеся в нем показания о стороне, располагающей истребованными судом вещественными доказательствами и не представляющей их по требованию суда, направлены против интересов этой стороны, и она считается признавшей это.

Лица, не имеющие возможности предоставить истребуемые вещественные доказательства или не имеющие возможности предоставить их в установленный судом срок, обязаны уведомить об этом суд с указанием причин. При отсутствии такого уведомления, а также в случае неисполнения требования суда о предоставлении предмета по причинам, признанным судом необоснованными, виновные в этом должностные лица или граждане, независимо от того, участвовали ли они в судебном деле или нет, привлекаются судом к административной ответственности в соответствии с законодательством Кыргызской Республики. Вопрос о наложении административного взыскания не освобождает соответствующее должностное лицо или гражданина от обязанности предоставить истребуемый судом предмет. Вещественные доказательства подлежат хранению в том деле, для которого они требуются, то есть передаются в камеру хранения вещественных доказательств суда. Скоропортящиеся вещественные доказательства подлежат осмотру и исследованию судом безотлагательно по месту их нахождения. После вступления решения суда в законную силу вещественные доказательства подлежат возврату лицам, от которых они были получены. В общем случае доказательства, представляемые сторонами и иными лицами, участвующими в деле, бывают двух видов: письменные доказательства и вещественные доказательства.

Одним из наиболее распространенных видов доказательств в гражданском судопроизводстве являются письменные доказательства. Исходя из юридической практики развитых стран, подавляющее большинство сделок различного юридического значения оформляется в письменной форме. На сегодняшний день в науке гражданского процессуального права ведутся серьезные исследования письменных доказательств. Учитывая растущее влияние новых информационных технологий во всех сферах жизни общества, возникает необходимость в изучении особенностей письменных доказательств, полученных с помощью электронно-вычислительной техники. В этом случае большое значение приобретает изучение порядка использования электронной цифровой подписи как важного реквизита письменных доказательств, полученных с помощью электронно-вычислительной техники и призванных защитить такие письменные доказательства от подделки и внесения в их содержание заведомо ложных сведений.

Достаточность письменных доказательств является гарантией наличия системы соответствующих доказательств, полученных в результате всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств гражданского дела [3]. Признание письменных доказательств судом, сторонами или иными участниками гражданского судопроизводства, если они получены юридическим лицом, может повлечь правовые последствия (признание иска, его отказ, заключение мирового соглашения). Письменные доказательства представляются в подлиннике или в виде надлежащим образом заверенной копии. Если к рассматриваемому делу имеет отношение только часть документа, то представляется заверенная копия этой части. Подлинники документов представляются лишь в тех случаях, когда в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами обстоятельства дела должны быть подтверждены только такими документами, а также в иных необходимых случаях по требованию суда. Вещественные доказательства, как и иные доказательства, могут быть получены

сторонами и иными участниками дела или через суд по их ходатайству, о чем упоминалось выше.

В уголовно-процессуальном праве вещественными доказательствами могут быть предметы, служившие орудиями преступления либо сохранившие следы преступления либо дающие основания предполагать, что они были объектами преступных действий. Обычно вещественными доказательствами считаются деньги и другие ценности, все другие предметы и документы, которые помогают раскрыть преступление, выяснить фактические обстоятельства дела и раскрыть преступление.

Вещественные доказательства бывают разных видов:

- Предметы, являющиеся орудием преступления. Орудием преступления является предмет, который преступник использует для совершения преступления, независимо от цели, с которой предмет в первую очередь связан. Орудием преступления является предмет, который преступник использует для совершения преступления, независимо от цели, с которой предмет в первую очередь связан. Примерами этого являются огнестрельное оружие, ножи и другие.
- Предметы, сохраняющие следы преступления. Различные предметы могут сохранять следы преступления. Например, орудия преступления, которые были согнуты, сломаны, поцарапаны или иным образом изменили свой первоначальный вид при использовании в преступлении, или другие предметы, которые изменили свой внешний вид из-за действий преступника. Например, предмет одежды с пятнами крови или сломанный сейф и т.д.
- Предметы и объекты, являющиеся объектом преступного деяния. К ним относятся предметы и вещества, которые являются прямой целью преступного деяния. Например, похищенные деньги, вещи и т.п.
- Предметы, вещества, документы или иные ценные вещи, которые способствуют установлению факта совершения преступления и служат средством установления фактических обстоятельств дела, определения ответственности или смягчения ее. К ним относятся, например, предметы, оставленные преступником на месте совершения преступления. Осмотр вещественных доказательств протоколируется, а при необходимости производится кино или фотосъемка для демонстрации. Вещественные доказательства приобщаются к делу вместе с постановлением или определением следователя или суда и хранятся в материалах уголовного дела [4]. Если вещественные доказательства большого или объемного характера, требующие специальных условий хранения или больших затрат на хранение, после проведения процессуальных действий не возвращены владельцу, они немедленно передаются соответствующим организациям для использования в соответствии с их назначением с участием судебного пристава и с согласия прокурора.

При передаче дела от одного следователя другому, а также при направлении дела прокурору или в суд либо при передаче дела из одного суда в другой вещественные доказательства направляются вместе с делом, за исключением случаев, которые предусмотрено законом соответственно, хранение доказательств вместе с уголовным делом осуществляется по четко сформулированному постановлению следователя или судьи либо по определению суда [5]. Запрещается хранение доказательств в сырых зданиях и других помещениях в связи с возможностью их порчи и невозможности использования в качестве доказательств. В необходимых случаях принимаются необратимые меры по сохранению доказательств, изъятых из помещений. Доказательства по прекращенным уголовным делам о нераскрытых преступлениях, по текущим

уголовным делам хранятся в опечатанном, самоидентифицированном или иным образом закреплённом состоянии и хранятся в состоянии, обеспечивающем возможность их последующего использования в случае необходимости. При обнаружении иных предметов и документов, принадлежность которых не установлена, если их выяснение возможно путем проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий или судебно-учетной экспертизы органами внутренних дел, они изымаются для проверки соответствующими службами [6]. Срок хранения доказательств (или вещественных доказательств) связан с длительностью их естественного срока хранения, а также с тем, что их размер не позволяет хранить их вместе с уголовным делом и их хранение требует особых затрат.

В заключение следует отметить, что основным вопросом при реализации уголовно-процессуальной реформы во всех государствах является определение места и роли доказательств как основного института уголовного процесса, собирания, проверки и оценки доказательств, а также доказательств как объективного механизма уголовного процесса. В правовом государстве вопросы доказательств и доказывания находятся в центре уголовного судопроизводства, поэтому мы считаем, что правильное понимание понятия, классификации имущества, доказательств, а также правильное использование элементов доказательств приведут к положительным результатам проводимой судебной реформы. Выводы, представленные в научной статье, рекомендуются к использованию в таких юридических дисциплинах, как теория государства и права, гражданское право, гражданское процессуальное право, право доказательств, уголовный процесс, правоохранительные органы и др. Результаты исследования в определенной степени помогут читателям разобраться в положениях процессуальной науки, касающихся отдельных тем.

1. Интернет ресурс: <https://ky.wikipedia.org/wiki>
2. Лопаткин, Дмитрий Андреевич Вещественные доказательства: Процессуальные и криминалистические аспекты тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 12.00.09, кандидат юрид. наук Москва 2003
3. Токтакун, К. Г. Жазуу жүзүндөгү далилдердин классификациясы жана анын далилдөөчү күчү / К. Г. Токтакун, К. Б. Мамашарип // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2023. – No. 9. – P. 214-217. – DOI 10.26104/NNTIK.2023.27.21.048. – EDN MMZPXC.
4. Камалов, Ч. О. Проблема персональной ответственности в государственном управлении / Ч. О. Камалов, Р. А. Тайгараев, Т. М. Абдипаттаев // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2015. – № 5. – С. 341-344. – EDN ULRVKZ.
5. Токтакун Кызы, Г. Еще раз о понятии доказательства в гражданско-процессуальном праве / Г. Токтакун Кызы, З. У. Матисакова // Бюллетень науки и практики. – 2024. – Т. 10, № 7. – С. 469-473. – DOI 10.33619/2414-2948/104/54. – EDN XSGGFY.
6. Кармышаков, М. А. Жарандык процесстик укуктун негизги принциптери / М. А. Кармышаков, К. Г. Токтакун // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2023. – No. 7. – P. 177-180. – DOI 10.26104/NNTIK.2023.73.97.035. – EDN JBVUEE.

Мамишева З.А.¹, Чеботарева И.Ю.²

Основы концепции устойчивого развития в современном мире

*¹Адыгейский государственный университет
(Россия, Майкоп)*

*²(ф) Адыгейский государственный университет
(Россия, Белореченск)*

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые аспекты, основные взаимосвязанные и взаимозависимые столпы концепции устойчивого развития. Авторы приходят к выводу, что для достижения экономического и социального прогресса важно поддерживать баланс между окружающей средой и развитием. Развитие невозможно без сохранения окружающей среды.

Концепция устойчивого развития в первую очередь фокусируется на сохранении природных ресурсов для долгосрочной устойчивости нашей планеты. Мировое сообщество обязано защищать и сберегать жизненно важные ресурсы, такие как вода, воздух, почва и полезные ископаемые, на благо будущих поколений. Принимая меры, ограничивающие потребление и растрату ресурсов, особое внимание уделяется важности их постоянной доступности в будущем.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития, устойчивый экономический рост, социальная справедливость, экологическая устойчивость, принципы устойчивого развития, применение концепции устойчивого развития, государственная политика устойчивого развития.

Abstract

The article examines key aspects, the main interrelated and interdependent pillars of the concept of sustainable development. The authors conclude that in order to achieve economic and social progress, it is important to maintain a balance between the environment and development. Development is impossible without preserving the environment.

The concept of sustainable development primarily focuses on preserving natural resources for the long-term sustainability of our planet. The global community has a responsibility to protect and conserve vital resources such as water, air, soil and minerals for the benefit of future generations. In taking measures to limit the consumption and waste of resources, particular attention is paid to the importance of their continued availability in the future.

Keywords: the concept of sustainable development, sustainable economic growth, social justice, environmental sustainability, principles of sustainable development, application of the concept of sustainable development, state policy of sustainable development.

Идея устойчивого развития не возникла внезапно. Она является результатом долгого процесса осознания взаимосвязи между человеческой деятельностью и состоянием окружающей среды. В 1960-х и 1970-х годах, с ростом промышленного производства и потребления, стали все более очевидными негативные последствия для экологии: загрязнение воздуха и воды, истощение природных ресурсов, разрушение экосистем. Доктрина устойчивого развития была принята в связи с воздействием индустриализации на экологию[1, с. 34].

Первым серьезным предупреждением стал доклад Римского клуба «Пределы роста» в 1972 году. Этот доклад, основанный на математическом моделировании, показал, что неограниченный экономический рост в условиях ограниченных ресурсов приведет к глобальной катастрофе. Хотя доклад вызвал много споров и критики, он привлек внимание общественности к проблемам окружающей среды и необходимости изменения парадигмы развития.

Важным этапом в формировании концепции устойчивого развития стала Всемирная комиссия ООН по окружающей среде и развитию (комиссия Брундтланд), которая в 1987 году опубликовала доклад «Наше общее будущее». Именно в этом докладе было дано наиболее распространенное определение устойчивого развития: «Устойчивое развитие – это развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности».

Это определение подчеркивает два ключевых аспекта устойчивого развития: потребности и ограничения.

Особое внимание уделяется потребностям, в частности, самым насущным потребностям бедных слоев населения, которым следует отдавать приоритет.

Технологии и организация общественной жизни должны быть направлены на то, чтобы не создавать ограничений для способности будущих поколений удовлетворять свои потребности.

После доклада «Наше общее будущее» концепция устойчивого развития получила широкое распространение и стала основой для многих международных и национальных программ и стратегий.

Концепция устойчивого развития основана на трех взаимосвязанных и взаимозависимых столпах:

1. **Экономический рост:** устойчивый экономический рост предполагает не просто увеличение объемов производства, но и повышение эффективности использования ресурсов, внедрение инноваций, создание новых рабочих мест и снижение неравенства. Важно, чтобы экономический рост был экологически и социально ответственным. Основными направлениями экономического правового регулирования в контексте устойчивого развития являются: создание стимулов для экологически ответственного бизнеса; установление ответственности за загрязнение окружающей среды (например, путем введения платы за выбросы и сбросы загрязняющих веществ, а также штрафов за нарушение экологических норм); поддержка развития возобновляемой энергетики; стимулирование энергоэффективности; содействие развитию «зеленых» финансов; поддержка развития малого и среднего бизнеса (МСБ) в «зеленой» экономике и обеспечение социальной ответственности бизнеса. Следовательно, вместо ориентации на краткосрочную прибыль, компании должны инвестировать в долгосрочные проекты, направленные на снижение воздействия на окружающую среду и создание позитивного социального эффекта. Например, внедрение энергоэффективных технологий, использование возобновляемых источников энергии, поддержка местных сообществ.
2. **Социальная справедливость:** устойчивое развитие предполагает обеспечение равных возможностей для всех членов общества, доступ к образованию, здравоохранению, достойной работе и социальной защите. Важно бороться с бедностью, неравенством и дискриминацией. Неравенство, бедность и дискриминация подрывают социальную стабильность, создают напряженность и препятствуют достижению устойчивости. Устойчивое развитие предполагает создание общества, в котором каждый человек имеет равные возможности для реализации своего потенциала, доступ к основным благам и услугам, а также защиту своих прав и свобод. Государства должны разрабатывать и реализовывать социальные программы, направленные на поддержку уязвимых слоев населения, обеспечение доступа к образованию и здравоохранению, защиту прав человека и развитие культуры, создание рабочих мест. Компании должны придерживаться принципов социальной ответственности, обеспечивать достойные условия труда и участвовать в социальных проектах. Необходимо создавать условия для участия всех членов общества в принятии решений, касающихся их жизни и будущего.
3. **Экологическая устойчивость:** устойчивое развитие предполагает сохранение и восстановление окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, снижение загрязнения и предотвращение изменения климата. Важно поддерживать биоразнообразие и экосистемные услуги. Экологическое правовое регулирование охватывает широкий круг вопросов, включая: охрану атмосферного воздуха, охрану водных ресурсов, охрану земельных ресурсов, лесов, животного мира, обращение с отходами и экологическую экспертизу и оценку воздействия на окружающую среду

(ОВОС). Соответственно, предприятия должны внедрять экологически чистые технологии, снижать выбросы и отходы, использовать возобновляемые источники энергии, восстанавливать загрязненные территории. Граждане должны ответственно относиться к потреблению, экономить ресурсы и участвовать в экологических акциях.

Эти три столпа не являются изолированными. Они взаимосвязаны и должны рассматриваться в комплексе. Например, экономический рост, который приводит к загрязнению окружающей среды и социальной несправедливости, не может считаться устойчивым.

Помимо трех столпов, концепция устойчивого развития основана на ряде ключевых принципов.

Принцип предосторожности. В случае угрозы серьезного или необратимого ущерба окружающей среде, отсутствие полной научной определенности не должно служить основанием для отсрочки принятия мер по предотвращению такого ущерба.

При принятии решений, касающихся новых технологий или проектов, необходимо учитывать потенциальные риски для окружающей среды и принимать меры по их минимизации, даже если нет полной уверенности в негативных последствиях.

Принцип «загрязнитель платит». Тот, кто загрязняет окружающую среду, должен нести ответственность за устранение ущерба.

Предприятия, загрязняющие окружающую среду, должны платить налоги и сборы за загрязнение, а также нести ответственность за восстановление загрязненных территорий.

Принцип участия общественности. Общественность должна иметь возможность участвовать в принятии решений, касающихся устойчивого развития.

Государственные органы должны проводить консультации с общественностью при разработке экологических программ и проектов, а также обеспечивать доступ к информации об окружающей среде.

Принцип интеграции. Экологические соображения должны быть интегрированы во все секторы экономики и политики.

При принятии решений в области энергетики, транспорта, сельского хозяйства и других секторах необходимо учитывать их воздействие на окружающую среду и принимать меры по его минимизации.

Принцип межпоколенческой справедливости. Необходимо учитывать интересы будущих поколений при принятии решений, касающихся использования природных ресурсов и окружающей среды.

Необходимо сохранять природные ресурсы для будущих поколений, а также инвестировать в развитие технологий, которые позволят им удовлетворять свои потребности.

Таким образом, концепция устойчивого развития может быть применена в различных сферах нашей жизни, начиная с государственной политики и заканчивая повседневной жизнью человека в обществе.

В сфере государственной политики, государства должны разрабатывать и реализовывать стратегии устойчивого развития, направленные на достижение экономических, социальных и экологических целей.

В сфере бизнеса, компании должны внедрять принципы устойчивого развития в свою деятельность, снижать воздействие на окружающую среду, обеспечивать достойные условия труда и участвовать в социальных проектах.

В сфере образования, необходимо включать вопросы устойчивого развития в образовательные программы, чтобы формировать у молодежи экологическое сознание и ответственность.

И наконец, каждый человек может внести свой вклад в устойчивое развитие, ответственно относясь к потреблению, экономя ресурсы и участвуя в экологических акциях.

Устойчивое развитие заключается в сохранении и восстановлении, где это необходимо, достаточного природного капитала для поддержки политики качественного развития; включении экологических, культурных, социальных и экономических критериев в планирование и реализацию решений в области развития, как государственных, так и частных.

1. Дзыбова С.Г., Мамишева З.А., Чеботарева И.Ю. роль концепции устойчивого развития в правовой модернизации Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 5-1. С. 34.

Мартьянов И.Д., Егорова Д.В.

**Актуальные вопросы усыновления (удочерения) ребенка
иностранцами гражданами в условиях внешнеполитической напряженности**

*Средне-Волжский институт (ф) Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

Аннотация

Актуальность данного исследования обусловлена существующими проблемами в области усыновления (удочерения) детей, оставшихся без родительского попечения, иностранцами гражданами. Рассматривая наше время, когда Россия подвергается большим количеством санкций, необходимо рассмотреть актуальные проблемы и разработать эффективные механизмы, которые позволят улучшить процесс усыновления (удочерения) и обеспечить наилучшие условия для детей.

Ключевые слова: иностранные граждане, государство, ребенок, права ребенка, права, усыновление (удочерение) ребенка.

Abstract

The relevance of this study is due to the existing problems in the field of adoption of children left without parental care by foreign citizens. Considering our time, when Russia is subject to a large number of sanctions, it is necessary to consider current issues and develop effective mechanisms that will improve the adoption process and ensure the best conditions for children.

Keywords: foreign citizens, state, child, child's rights, rights.

Семейное законодательство Российской Федерации предоставляет возможность усыновления российских детей как гражданами России, так и иностранцами гражданами или лицами без гражданства, при этом отдавая предпочтение гражданам нашей страны. Однако, также существует практика международного усыновления, которая позволяет детям, оставшимся без родительского попечения, находить новые семьи за пределами страны [1, с. 1].

Международное усыновление (удочерение) представляет собой передачу детей гражданам другого государства. Количество усыновленных детей в России продолжает сокращаться после принятия Государственной Думой Федерального закона от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ, известного как «закон Димы Яковлева» [2]. Этот закон был направлен на защиту прав и свобод российских детей и ввел запрет на усыновление российских детей гражданами США. В результате данного законодательного акта, который стал ответом на ряд инцидентов, связанных с усыновлением, значительно

сократилось число международных усыновлений. Предоставляя статистику, можно наблюдать что, за последние семь лет всего усыновили 699 российских детей, в 2018-2019 годы – 529 детей, в 2020-2022 годах – 164 ребенка, в 2023 году было усыновлено шесть детей, в 2024 году этот процесс остановлен полностью. Больше всего детей усыновили граждане Италии – 67% от всех усыновленных детей, граждане Испании усыновили 8%, Франции, Аргентины и Германии – по 7% и 5% [3].

Статья 127 СК РФ закрепляет перечень лиц, имеющих право быть усыновителями, а также основания, препятствующие усыновлению ребенка. Так для иностранных усыновителей существуют строгие требования. Претенденты на усыновление должны быть без судимостей и не иметь заболеваний, которые могут помешать им выполнять родительские обязанности. Кроме того, они должны продемонстрировать стабильный и высокий уровень дохода, а также наличие достаточных финансовых средств. Не менее важным условием является наличие жилплощади, где ребенок сможет жить и развиваться. Следует отметить, что законодательство в международном усыновлении становится более ужесточенным, примером может служить следующее, так возможность усыновления детей открывается только после того, как пройдет двенадцать месяцев с момента внесения информации о детях-сиротах в федеральный банк данных [4]. Данное время необходимо для того, чтобы удостовериться в отсутствии российских усыновителей, опекунов или приемных родителей, которые могли бы взять на себя заботу о ребенке.

Согласно ч. 6. ст. 127 Семейного Кодекса, будущие опекуны проходят специализированное обучение, которое длится несколько месяцев. Программа подготовки и порядок ее проведения утверждаются органами исполнительной власти в каждом субъекте Российской Федерации. Финансирование данного обучения осуществляется за счет средств региональных бюджетов, что означает, что будущие родители и опекуны не несут финансовых затрат на оплату данного обучения. Их единственной обязанностью является добросовестное посещение занятий и стремление получить новые знания. [5] Помимо этого необходимо проводить качественную и полную психологическую оценку будущих усыновителей, нужно выявлять полный психологический портрет, а также качества необходимые для воспитания ребенка. Вместе с этим нужно внести изменения в четвертый абзац ч. 6 ст. 127 Семейного Кодекса РФ. Так необходимо ввести подготовку будущих усыновителей, исключительно, на территории Российской Федерации в течение двенадцати месяцев. Данное нововведение позволит качественно определить подготовленность будущих родителей и оценить необходимые качества в процессе их обучения.

Следующей проблемой усыновления детей, является большое количество нетрадиционных, однополых семей. Данные семьи не предрасположены к деторождению, в результате чего возникает частая практика усыновления [6, с. 162]. В рамках данной проблемы стоит обратиться к работе Марка Регнеруса, который выявил серьезные психологические проблемы у детей из однополых семей. Например, до 24% подростков из таких «семей» задумывались о самоубийстве, что значительно выше среднего уровня, который составляет около 5%. Кроме того, дети, воспитывающиеся в однополых семьях, чаще нуждаются в психотерапевтической помощи: 19% по сравнению с 8% среди их сверстников из традиционных семей. Также наблюдается высокий уровень расстройств сексуальной самоидентификации, при этом 60-70% таких детей не имеют четких стандартов поведения, связанных с их полом [7, с. 754].

Учитывая негативный опыт усыновления детей иностранными гражданами, законодатель ужесточил требования. Данное решение было обусловлено, безопасностью детей и защитой их нравственных ценностей. Так в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации», запрещается передавать детей из России иностранцам, состоящим в однополем браке, а также одиноким гражданам государств, в которых такие браки разрешены. Вместе с этим было введено новое ограничение, которое устанавливает запрет на усыновление детей тем

иностранным гражданам, которые сменили пол и в тех странах где это официально разрешено, в том числе легализована продажа лекарственных препаратов меняющие гормональный фонд человека.

Также важной проблемой является посредничество. Статья 126.1 Семейного кодекса Российской Федерации устанавливает запрет на посредническую деятельность в сфере усыновления детей. Однако деятельность органов опеки и попечительства, а также органов исполнительной власти, направленная на выполнение их обязанностей по выявлению и устройству детей, оставшихся без попечения родителей, не подпадает под это определение и не считается посреднической. Особенность заключается в том, что иностранные граждане иногда пренебрегают своими обязанностями в процессе усыновления.

Это часто наблюдается в случаях, когда частное лицо, выдавая себя за сопровождающего иностранных родителей, берет на себя ответственность за сбор и оформление необходимых документов на территории Российской Федерации. Это происходит в обход законодательных норм, которые запрещают посредничество в процессе усыновления.

Российское законодательство действительно содержит перечень документов, которые иностранные государственные органы и организации должны предоставить для получения разрешения на открытие представительства. Однако оно не устанавливает строгих ограничений на право открытия таких представительств и не включает статьи, предусматривающие санкции за незаконное усыновление, что в свою очередь создает правовую неопределенность.

Также одной из значительных проблем, связанных с усыновлением детей из России, является недостаточная возможность правоохранительных органов отслеживать состояние усыновленных детей после их выезда за пределы страны. Консульства не имеют доступа к полной информации о жизни детей в новых семьях, что затрудняет оценку их благополучия и условий проживания. Это создает сложности в понимании реальных взаимоотношений между членами семьи, а также в выявлении подлинной атмосферы, в которой растет ребенок.

В связи с этим, крайне важно разработать и внедрить законодательные инициативы, направленные на улучшение системы мониторинга и наблюдения за жизнью усыновленных детей за границей. Так необходимо заключать новые международные соглашения между другими странами, которые будут регулировать вопросы о благополучии детей в иностранных семьях. Также, по нашему мнению, необходимо создать определенные комиссии, которые будут входить в структуру консульства и заниматься контролем за усыновленными детьми, особенно в случаях, когда такие действия приводят к серьезным нарушениям права ребенка.

Одной из новых проблем следует выделить распространение коронавируса, которое оказало значительное воздействие на российскую практику в области международного усыновления. В условиях ухудшающейся эпидемиологической ситуации процессы были приостановлены что значительно усложнило для иностранных граждан возможность усыновления российских детей. Несмотря на то что иностранные граждане были готовы выполнить все необходимые шаги для завершения процедуры, российские суды в период пандемии часто откладывали судебные заседания по делам об усыновлении. Это происходило из-за невозможности въезда заявителей на территорию России, что в итоге приводило к тому, что заявления оставались без рассмотрения по существу [9, с. 40]

Подводя итог, отметим, что возникшие проблемы при рассмотрении дел об усыновлении российских детей, а также вопросы безопасности несовершеннолетних за пределами Российской Федерации, во многом обусловлены недостаточным правовым регулированием, неправильным толкованием законодательных норм, а также распространением нетрадиционных и не конструктивных ценностей. Кроме того, важно

учитывать и текущую геополитическую ситуацию в мире, которая также влияет на процесс усыновления. В результате таких факторов процедура усыновления в России требует уточнения и оптимизации. Это необходимо для повышения уровня безопасности усыновленных детей и обеспечения их благополучия. Важно разработать определенные правила, которые позволят избежать правовых коллизий.

1. Ахметова, А.Т., Мустафина, Л. Р. Усыновление (удочерение) детей по российскому семейному праву / А. Т. Ахметова, Л. Р. Мустафина // E-Sico. 2022. №4. С. 1-5.
2. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ // СЗ РФ. № 53 (часть I). Ст. 7597.
3. Львова-Белова допустила полное прекращение усыновления детей иностранцами // РБК Новости: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/society/03/06/2024/665e22229a7947527a5d83f7>
4. Об утверждении правил передачи детей на усыновление(удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства: Постановление правительства РФ от 29.03.2000 № 275 // СЗ РФ. 2000. № 15. Ст. 1590.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. № 1. Ст. 16.
6. Симонова, М. А. Проблема пропаганды ЛГБТ: Опыт России и США (Теоретико-правовой анализ) / М. А. Симонова // Аграрное и земельное право. 2023. № 3 (219). С. 162-166.
7. Regnerus M. How different are the adult children of parents who have same-sex relationships? / M. Regnerus // Social Science Research. 2012. № 41. P. 752-770.
8. О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2024 № 405-ФЗ // СЗ РФ. № 48. Ст. 7212.
9. Василькова, Е.А., Николаевна, Е. В. Проблемы правового регулирования усыновления российских детей иностранными гражданами / Е. А. Василькова, Е. В. Николаевна // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2023. № 2. С. 36-42.

Масюткина П.Е.

Обеспечительные меры в делах о привлечении к субсидиарной ответственности

*Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
(Россия, Краснодар)*

Аннотация

Обеспечительные меры играют ключевую роль в делах о привлечении к субсидиарной ответственности, позволяя предотвратить вывод активов и обеспечить реальное исполнение судебного акта. В условиях высокой динамики и конфликтности таких споров именно оперативность их принятия становится гарантией эффективности правосудия. В статье затронуты проблемы применения обеспечительных мер в делах о привлечении к субсидиарной ответственности.

Ключевые слова: обеспечительные меры, обеспечение, субсидиарная ответственность, банкротство, контролирующие лица.

Abstract

Security measures play a key role in cases of bringing to subsidiary liability, allowing to prevent the withdrawal of assets and ensure the real enforcement of a court order. In the conditions of high dynamics and conflict of such disputes, it is the speed of their adoption that becomes a guarantee of the effectiveness of justice. The article touches upon the problems of the application of security measures in cases of bringing to subsidiary liability.

Keywords: security measures, security, subsidiary liability, bankruptcy, controlling persons.

В современной судебной практике обеспечительные меры представляют собой важнейший механизм защиты прав и законных интересов участников арбитражного процесса. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 год, лишь около 40 % заявлений о принятии обеспечительных мер признаются обоснованными. Это указывает на наличие устойчивой проблемы, связанной с доказыванием необходимости их применения.

Особое значение обеспечительные меры приобретают в рамках дел о привлечении к субсидиарной ответственности. Такие споры нередко рассматриваются задолго до поступления активов в конкурсную массу, а потому возникает потребность в аресте имущества контролирующих лиц на сумму, соответствующую совокупным требованиям кредиторов, в том числе заявленным после закрытия реестра. В соответствии с пунктом 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве подобные меры могут охватывать как денежные средства, так и иное имущество, необходимое для потенциального удовлетворения требований всех кредиторов.

Эффективно функционирующая судебная система является основой для обеспечения правовой безопасности в государстве. Качество судебной системы зависит от того, насколько обязательными являются её решения для всех государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и должностных лиц. Судебные акты должны не только соответствовать закону и иметь надлежащие обоснования, но и обеспечивать фактическое исполнение. Только реальное выполнение судебных решений является гарантией защиты прав и интересов сторон, обратившихся в суд.

Если решения не исполняются, это приводит к нарушению стабильности гражданских отношений и подрыву доверия к судебной власти. В таком случае правосудие теряет свою суть, не выполняет свою основную функцию, что нарушает конституционные принципы судопроизводства. Для предотвращения таких негативных последствий в процессуальном законодательстве предусмотрены различные правовые механизмы. Судебный акт, перспектива исполнения которого заведомо невелика, по существу, представляет собой фикцию судебной защиты, что никак не согласуется с задачами судопроизводства.

Одним из ключевых инструментов является институт обеспечительных мер, который направлен на гарантирование исполнимости судебных решений и обеспечение права на судебную защиту.

Истец обращается в суд с целью получения решения, которое обеспечит исполнение его требований к ответчику. Однако невозможно гарантировать, что вынесенное судом решение будет обязательно исполнено. В связи с этим в некоторых случаях возникает необходимость применения дополнительных мер, которые могут обеспечить выполнение решения.

Однако обеспечение исполнения решения не является единственной целью применения обеспечительных мер. В ряде ситуаций они используются как средство давления на противоположную сторону. Обеспечительные меры помогают сторонам укрепить своё финансовое положение, защитить собственные активы и воздействовать на поведение другой стороны, создавая препятствия или даже полностью парализуя её хозяйственную деятельность. В то же время, как отмечал первый Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации В.Ф. Яковлев, необходимо проявлять осторожность при применении таких мер: «Обеспечительные меры – это, с одной стороны, очень эффективный способ защиты прав и интересов сторон, но, с другой стороны, – это и возможность злоупотребления процессуальными правами с целью нанесения серьезного экономического ущерба своим контрагентам».

Обеспечительные меры служат не только для гарантирования исполнения судебных решений, но и могут использоваться как средство давления на противоположную сторону, в том числе для предотвращения возможных убытков и

стабилизации активов. Это особенно актуально в делах о привлечении к субсидиарной ответственности, где вопрос об исполнении решения суда играет ключевую роль.

Субсидиарная ответственность, как разновидность гражданско-правовой ответственности, наступает в случае, если контролирующие лица организации, признанной банкротом, не исполнили обязательства перед кредиторами. По делу № А04-7886/2016 установлено, что данная ответственность направлена на возмещение ущерба имущественным правам кредиторов. Важным моментом является то, что субсидиарная ответственность регулируется как специальными положениями Закона о банкротстве, так и общими нормами гражданского законодательства, в частности Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 53 подчеркивается, что общие положения глав 25 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и компенсации ущерба должны применяться в тех частях, которые не противоречат специальным нормам о банкротстве.

Правовая природа субсидиарной ответственности была подробно раскрыта в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 № 20-П. Субсидиарная ответственность служит мера защиты прав кредиторов, направленная на восстановление их имущественного положения. Как отметили в Постановлении, эта ответственность является деликтной по своей природе, и её применение требует соблюдения всех условий гражданско-правовой ответственности, таких как наличие вреда, противоправность поведения причинителя ущерба, причинная связь и вина. Строгое соблюдение этих условий является особенно важным в сфере банкротства, поскольку пренебрежение ими может нарушить конституционные права граждан.

Таким образом, субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц является важным инструментом, направленным на возмещение ущерба кредиторам и восстановление их имущественного положения, что подтверждается не только судебной практикой, но и конкретными правовыми нормами, включая статьи 1064 и 1082 ГК РФ. Это создает важный контекст для применения обеспечительных мер, направленных на защиту прав кредиторов в таких делах, а также на эффективное исполнение судебных решений, что является залогом стабильности и справедливости в правовом процессе.

Как уже отмечалось ранее, субсидиарная ответственность представляет собой важный механизм, направленный на восстановление имущественного положения, в первую очередь – кредиторов. Цель института субсидиарной ответственности в деле о банкротстве юридического лица заключается в том, чтобы привлечь к ответственности лиц, фактически контролирующих его деятельность. Поскольку юридическое лицо само по себе является правовой фикцией и может приобретать права и нести обязанности только через свои органы, негативные последствия его неправомерных действий справедливо возлагаются на тех, кто фактически принимал соответствующие решения. Механизм субсидиарной ответственности позволяет восполнить этот правовой пробел, возлагая ответственность на контролирующих лиц за действия, совершённые от имени юридического лица, но в их интересах.

На практике суды, рассматривая заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, в большинстве случаев удовлетворяют ходатайства о применении обеспечительных мер. Особенно это касается ареста имущества контролирующих должника лиц. Подобный подход обусловлен правовой позицией Верховного Суда РФ, изложенной в Определении от 27 декабря 2018 г. № 305-ЭС17-4004(2) по делу № А40-80460/2015. В указанном определении был сформулирован стандарт доказывания, применимый при разрешении вопроса о принятии обеспечительных мер. Верховный Суд указал, что отказ возможен только в том случае, если предположения заявителя являются «надуманными, невероятными, лишёнными смысла, нелогичными, нереальными, противоречат обычно складывающимся в подобных ситуациях отношениям». Таким

образом, презумпция необходимости ареста имущества КДЛ становится доминирующей в судебной практике.

Данный подход обусловлен спецификой субсидиарной ответственности. Речь идёт о защите интересов конкурсных кредиторов, пострадавших в результате недобросовестного поведения лиц, контролировавших банкрота. В случае отказа в обеспечительных мерах существует высокий риск того, что потенциальное удовлетворение требований по итогам судебного разбирательства окажется невозможным из-за отсутствия имущества у ответчиков. Как показывает практика, суды исходят из того, что временное ограничение имущественных прав контролирующих лиц оправдано публичной целью восстановления справедливости и восполнения ущерба в конкурсной массе.

Особое внимание заслуживает вопрос о круге лиц, в отношении которых могут применяться обеспечительные меры. Согласно п. 5 ст. 61.16 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», арбитражный суд вправе наложить арест на имущество как непосредственно контролирующих должника лиц, так и на имущество иных лиц, в отношении которых контролирующее лицо выполняло функции, указанные в подп. 2 п. 4 ст. 61.10 указанного закона. Это положение расширяет сферу применения обеспечительных мер на аффилированных лиц, в том числе юридические лица, в которых КДЛ имеет контрольный пакет акций, или физические лица, действующие по его поручению. Так, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 17 июня 2024 г. по делу № А40-153804/2018 была признана допустимой обеспечительная мера в виде ареста имущества акционерного общества, владельцем контрольного пакета которого выступал контролирующее должника лицо.

Однако особенно спорной остаётся ситуация с наложением ареста на имущество родственников контролирующих должника лиц. С одной стороны, нередко такие лица используются как номинальные собственники для вывода активов. С другой стороны, вмешательство в их имущественные права без доказательств реальной вовлечённости в спорную ситуацию создаёт угрозу нарушения принципа индивидуализации ответственности. В этой связи интерес представляет Определение Верховного Суда РФ от 18 июля 2024 г. № 305-ЭС23-27424(1-13) по делу № А40-67702/2021, в котором была высказана позиция о недопустимости применения «коллективной ответственности» исключительно по признаку родства. Верховный Суд указал, что обеспечительные меры в отношении родственников контролирующих должника лиц могут применяться только в случае, если они привлечены в качестве соответчиков в рамках обособленного спора. Иначе говоря, одного факта родства и даже передачи имущества по сделке недостаточно – необходимо наличие процессуального статуса и доказанность соответствующих фактов.

Тем не менее, судебная практика остаётся неоднородной. Так, несмотря на формирование подхода к осторожному применению обеспечительных мер, арест имущества родственников контролирующих должника лиц по-прежнему возможен, если имеются признаки номинальности владения, даже без процессуального привлечения к делу. Вместе с тем наблюдается устойчивая тенденция к выстраиванию более взвешенного и правомерного механизма защиты прав третьих лиц, не являющихся участниками обособленного спора.

Интересно также отметить, что обеспечительные меры при привлечении к субсидиарной ответственности применяются не только в виде ареста имущества, но и в форме запрета на выезд из РФ или осуществление регистрационных действий. Однако подобные меры встречаются реже и оцениваются судами более критически. Например, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 3 июня 2024 г. по делу № А21-8724/2020 суд отказал в принятии обеспечительной меры в виде запрета выезда из РФ, несмотря на наличие судебного акта о привлечении лица к субсидиарной ответственности. Такой подход подтверждает, что обеспечительные меры должны быть соразмерны предполагаемому риску и не нарушать конституционные гарантии.

Важным является и то, что само по себе наличие судебного акта первой инстанции об отказе в привлечении к субсидиарной ответственности не исключает возможность принятия обеспечительных мер. Например, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 6 февраля 2024 г. по делу № А56-67564/2020 подчёркивается, что до вступления решения в законную силу сохраняется риск отчуждения имущества, что оправдывает сохранение действующих ограничений. Иначе говоря, арест имущества может сохраняться до окончательного разрешения спора, даже несмотря на промежуточные неблагоприятные для заявителя решения.

Тем не менее в правоприменительной практике присутствуют примеры отказа в применении обеспечительных мер по причине отсутствия доказательств недобросовестности со стороны контролирующих должника лиц. Так, в Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 5 июля 2022 г. по делу № А33-13851/2015 суд указал на необходимость представления конкретных данных, свидетельствующих о попытках вывести имущество или воспрепятствовать исполнению судебного акта. Аналогичная позиция содержится в Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 16 апреля 2024 г. по делу № А41-69846/2021. Таким образом, наличие лишь самого заявления о привлечении к субсидиарной ответственности не может рассматриваться как безусловное основание для ограничения имущественных прав.

Отдельного внимания заслуживает ситуация, когда обеспечительные меры уже были приняты в рамках иного обособленного спора. В такой ситуации возможен отказ в повторном аресте имущества, если цели обеспечения уже достигнуты. На это указывает, например, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10 февраля 2023 г. по делу № А51-19490/2018. Такой подход способствует недопущению дублирования ограничений и обеспечивает процессуальную экономию.

Из анализа судебной практики можно сделать вывод, что в рамках споров о привлечении к субсидиарной ответственности суды принимают обеспечительные меры часто без установления недобросовестности ответчиков, просто по факту подачи заявления о привлечении данных ответчиков к субсидиарной ответственности (Постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 17.11.2020 № Ф06-22284/2017 по делу № А55-16283/2016, от 07.02.2020 № Ф06-46907/2019 по делу № А55-13525/2017; Постановления Арбитражного суда Московского округа от 02.11.2020 № Ф05-23143/2018 по делу № А40-48663/2017, от 29.10.2020 № Ф05555/2018 по делу № А40-145500/2017).

Суды в своей практике часто сталкиваются с вопросом о применении обеспечительных мер, когда возникает подозрение в преднамеренном банкротстве. В таких случаях важным аспектом является доказательство умысла ответчика на доведение компании до банкротства с целью уклонения от долговых обязательств.

Примером служит решение Арбитражного суда Поволжского округа по делу № А57-10632/2019, где суд удовлетворил заявление о наложении ареста на имущество ответчика, который, по мнению заявителя, умышленно сокрыл активы компании. В данном случае были представлены доказательства, подтверждающие, что активы компании были переведены на счета, подконтрольные ответчику, что подтвердило наличие умысла на сокрытие имущества.

На мой взгляд, практика применения обеспечительных мер в делах о привлечении к субсидиарной ответственности с каждым годом становится более ориентированной на реальную угрозу невозможности исполнения судебных актов. Однако, законодательство в

этой области все еще продолжает совершенствоваться, суды вырабатывают более чёткие подходы к рассмотрению таких заилений. Дальнейшее развитие правоприменительной практики и четкое законодательное регулирование будут способствовать укреплению доверия к судебной системе и обеспечению эффективной защиты прав кредиторов в процессе банкротства.

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ.
4. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ
5. Р.К.Лотфулин «Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве»
6. Вестник ВАС РФ. 2004. N 4. С. 11.

Минасян С.К.

Административная ответственность в области экологических правонарушений

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

Аннотация

В предоставленной статье авторами рассматриваются практические вопросы, связанные с административной ответственностью в области экологической безопасности. Исследователями было проанализировано законодательство Российской Федерации, а также правоприменительная практика и научные работы. Установлены противоречия и недостатки в правоприменительной практике. Авторы выявили ряд актуальных проблем, а также предложили внести изменения в нормы КоАП РФ с целью сокращения количества экологических правонарушений.

Ключевые слова: административная ответственность, экология, изменение законодательства, правонарушение, окружающая среда.

Abstract

In this article, the authors consider practical issues related to administrative responsibility in the field of environmental safety. The researchers analyzed the legislation of the Russian Federation, as well as law enforcement practice and scientific work. Contradictions and shortcomings in law enforcement practice have been identified. The authors identified a number of urgent problems, and also proposed amendments to the norms of the Administrative Code of the Russian Federation in order to reduce the number of environmental offenses.

Keywords: administrative responsibility, ecology, changes in legislation, offense, environment.

В настоящее время проблемы в сфере экологии и охраны окружающей среды занимают лидирующие места в повестке многих государств мира в силу изменения климата, а, следовательно, и повышения уровня мирового океана. Перечисленные аспекты являются следствием вмешательства человека в окружающую среду.

Ежегодно количество экологических правонарушений неумолимо растет. Например, в 2004 году было совершено 14450 правонарушений, в 2010 году уже более 27 тысяч, а в 2019 году 68 369 нарушений законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования, при этом к ответственности удалось привлечь лишь 53 099 правонарушителей [1]. Можно предположить, что одной из причин такого большого числа экологических правонарушений является несовершенство имеющейся нормативно-

правовой базы в части привлечения к административной ответственности за их совершение. Сложно переоценить актуальность и значимость рассматриваемой проблематики для общества, так как свое отражение на практике непрерывное загрязнение окружающей среды, несомненно, оказывает огромное влияние на ухудшение физического здоровья людей, уменьшается продолжительность жизни населения, повышается уровень заболеваемости порой неизлечимыми болезнями.

На современном этапе отечественное законодательство не имеет четко закреплённого понятия «экологическое правонарушение». По нашему мнению, наиболее точным определением рассматриваемого понятия следует считать предложенное А.А. Демичевым и О.С. Грачевой. Указанные авторы понимают под экологическим правонарушением виновное, противоправное деяние, совершенное физическим или юридическим лицом, посягающее на общественные отношения в сфере природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности и причиняющее вред окружающей среде и (или) здоровью человека, либо создающее угрозу причинения такого вреда. [2]

Экологическое правонарушение состоит из традиционных элементов: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Под объектом настоящего вида правонарушений понимаются общественные отношения, формируемые в сфере охраны окружающей среды, экологической безопасности и природопользования. Предметом же экологического правонарушения преимущественно выступают компоненты окружающей среды.

Объективная сторона деяния состоит из следующих элементов: противоправное деяние, наступившие общественно опасные последствия и причинно-следственная связь. Следует отметить, что ряд данных деяний могут быть совершены не только путем совершения определенных действий, но и в результате бездействия.

Законом устанавливается административная ответственность за правонарушения, связанные с невыполнением закреплённых законодательством требований, направленных на предупреждение и ликвидацию разливов нефти и нефтепродуктов, непредставлением, несвоевременным представлением, представлением не в полном объёме или представлением заведомо недостоверных сведений о мероприятиях по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов, невыполнением в установленный срок предписаний федеральных органов, осуществляющих государственный экологический надзор, об устранении нарушений законодательства.

Для определенных категорий экологических правонарушений присущи трудности в установлении причинно-следственной связи, не всегда можно четко установить, что вред окружающей среде и (или) здоровью человека причинен именно в результате данных конкретных действий (бездействий).

Согласно главе 8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, субъектами экологического правонарушения являются физические и юридические лица, совершившие правонарушения, посягающие на установленный порядок охраны окружающей среды или природопользования на территории Российской Федерации или территории, находящейся под ее юрисдикцией. В то же время в природоохранительной практике может встречаться и безвиновная (абсолютная) ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности.

Анализируя статистику Росгидромета о состоянии загрязнения окружающей среды в России за 2019 год, следует отметить наличие на определенных территориях сохранение уровня загрязнения выше нормы, обусловленное поступлением загрязняющих веществ в окружающую среду от объектов промышленности и энергетики, строительства и жилищно-коммунального хозяйства, транспорта, а также в ходе обращения с твердыми бытовыми отходами [5].

Особенно остро вопросы негативного влияния на природу стоят в некоторых российских регионах, на территории которых преимущественно расположены крупные

промышленные предприятия. Такими регионами являются Красноярский край, где среди отраслей преобладает металлургическая; угледобывающая Кемеровская область и нефтегазовый Ханты-Мансийский автономный округ; в числе лидеров также Свердловская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Иркутская область, республика Башкортостан, Челябинская область, Оренбургская область и Краснодарский край.

Несовершенство существующей экономико-правовой модели предотвращения загрязнений хозяйствующими субъектами природы путем различных выбросов в атмосферу и сбросами в водные объекты влечет, на наш взгляд, также катастрофические последствия для здоровья граждан и всей окружающей среды в целом. Переход предприятий на современные технологии очистки путем внедрения мощных фильтров возможен при желании и инициативе собственников соблюдать экологическое законодательство.

Ярким примером последствий нарушения законодательства, а также неисполнения предписаний надзорных органов (в частности, о замене резервуаров для хранения топлива) послужила ситуация, произошедшая в июне 2020 года на предприятии АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания», принадлежащая ПАО «Норникель». Так, согласно материалам дела № А33-27273/2020 установлено, что ранее контролирующими органами неоднократно выносились предписания о необходимом обновлении используемых резервуаров в связи с их изношенностью [6]. Экологическая катастрофа случилась в связи с разгерметизацией резервуаров, вследствие которой более двадцати одной тысячи нефтепродуктов попали в реки Далдыкан, Амбарная Пясины и озеро Пясино. Это нанесло колоссальный урон всей экосистеме не только Красноярского края, но и Арктики. Росприроднадзор оценил сумму ущерба в 147, 78 миллиардов рублей. Арбитражный суд Красноярского края частично удовлетворил иски требования надзорного ведомства, взыскав рекордную для российской судебной практики компенсацию в 146, 177 миллиардов рублей, что составило 98,92% от суммы, заявленной в иске. Думается, что «арктический Чернобыль» послужит уроком не только для нерадивых собственников промышленных предприятий, но и для представителей власти в части систематизации законодательства и совершенствования системы надзора с целью недопущения подобного в будущем.

Нельзя не согласиться с позицией Е.Ю. Гаевской, утверждающей, что существующие сейчас штрафные санкции крайне малы, их роль в восстановлении нарушенного противоправной деятельностью экологического баланса сводится к минимуму [7]. Пример с дочерней компанией ПАО «Норникель» наглядно это демонстрирует, и четко дает понять, что нужны новые административно-правовые механизмы для борьбы с правонарушителями. Предлагаем увеличить размер штрафа до суммы годового оборота компании, а в случае неисполнения законных требований государства в последующем – приостанавливать деятельность хозяйствующего субъекта или накладывать арест на его банковские счета до момента приведения дальнейшего функционирования предприятия в рамки правового поля. Считаем, что подобные действия не отразятся на деловом климате в стране и не повысят процент ликвидации законопослушных организаций.

Российская Федерация играет одну из основополагающих ролей в поддержании экологической стабильности мира в силу своей огромной территории. В Конституции РФ закреплен ряд важных экологических положений, касающихся экологической безопасности. Так, в статье 42 закреплено право на благоприятную окружающую среду,

достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением. В свою очередь, статья 58 обязывает всех сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам [8]. Данные нормы отражают не только политику государства, но и волю народа. В связи с этим, считаем, что предложенные меры по ужесточению административной ответственности позволят если не искоренить, то сократить количество экологических правонарушений.

1. Судебная статистика // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1>.
2. Демичев А.А., Грачева О.С. Экологическое право: Учебник: Прометей. 2017.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства. 1996. № 5. Ст. 410.
5. Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.meteorf.ru/product/infomaterials/90/>
6. Арбитражный суд Красноярского края от 12 февраля 2021 года Дело № А33-27273/2020 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4490905b-aec9-472e-a30a-c384e1679527/bfba6895-1959-479a-a858-b1ffffa60b7c/A33-27273-2020_20210212_Reshenie.pdf?isAddStamp=True
7. Гаевская Е.Ю. Уголовное право как средство обеспечения экологической безопасности // Российский юридический журнал. 2015. № 1.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
9. «РосБизнесКонсалтинг»(РБК)/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/26/08/2020/5f44d7c39a794747ab76b9b7>
10. Официальный сайт Федеральной служб по надзору в сфере природопользования (Роспотребнадзор) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rpn.gov.ru/news/rosprionadzor_proizvel_raschet_ushcherba_ekologii_nanesennyu_avariey_v_norilске/

Нарбаев О.Б., Саймидинов Ш.Р., Эргешов М.Т.
Теоретические и практические аспекты моделирования
в судебно-экспертной деятельности

ОшГУ
(Кыргызстан, Ош)

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию теоретических основ и практических возможностей применения методов моделирования в судебно-экспертной деятельности. Рассматриваются различные виды моделей, их функциональное назначение и методологические подходы к их построению в контексте решения экспертных задач. Особое внимание уделено цифровому моделированию, включая 3D-реконструкции, как инструменту повышения достоверности и наглядности экспертных заключений. Обосновывается значимость внедрения современных моделей для совершенствования доказательственной базы и оптимизации процесса судебного доказывания.

Ключевые слова: судебная экспертиза, моделирование, 3D-моделирование, реконструкция, криминалистика, экспертное исследование, доказательства.

Abstract

This article explores the theoretical foundations and practical applications of modeling methods in forensic expert activity. Various types of models are examined, along with their functional purposes and methodological approaches to their construction in the context of

solving expert tasks. Special attention is given to digital modeling, including 3D reconstructions, as a tool for enhancing the accuracy and clarity of expert opinions. The article substantiates the importance of introducing modern modeling techniques to improve the evidentiary base and optimize the process of judicial proof.

Keywords: forensic examination, modeling, 3D modeling, reconstruction, criminalistics, expert research, evidence.

Развитие современной науки и техники оказывает преобразующее влияние на все сферы юридической деятельности, и судебно-экспертная практика не является исключением. В условиях постоянно усложняющихся преступлений и гражданских споров, требующих междисциплинарного подхода и высокой степени достоверности выводов, традиционные методы экспертного исследования зачастую оказываются недостаточными. В этом контексте особую актуальность приобретает применение методов моделирования, которые позволяют не только глубоко проанализировать исходные данные, но и наглядно представить динамику событий, взаимодействие объектов и субъектов, а также верифицировать различные гипотезы. Моделирование, будучи универсальным научным методом познания, приобретает в судебной экспертизе специфические черты, связанные с процессуальным характером доказывания и необходимостью строгого соответствия принципам научности и объективности. Целью настоящего исследования является комплексный анализ теоретических основ и выявление практических аспектов применения моделирования в судебно-экспертной деятельности, что позволит обозначить перспективы развития данной методологии и сформулировать рекомендации по ее эффективному внедрению в правоприменительную практику.

Моделирование как общенаучный метод познания представляет собой процесс создания и исследования модели – условного образа объекта, процесса или явления, позволяющего получить о нем новую информацию. В контексте судебной экспертизы модель выступает в качестве инструмента для изучения сложных систем и событий, которые либо недоступны для непосредственного наблюдения (например, события прошлого), либо слишком сложны для полного понимания без упрощения и систематизации. Сущность моделирования в судебно-экспертной деятельности заключается в построении заместителя исследуемого объекта (явления, процесса), который отражает его существенные характеристики, свойства и отношения, и который может быть исследован экспертом для получения информации, недоступной или труднодоступной при прямом изучении оригинала. Полученная информация о модели затем экстраполируется на оригинал с учетом масштаба, допущений и ограничений модели [1].

Виды моделей, используемых в судебной экспертизе, могут быть классифицированы по различным основаниям [2]:

- Мысленные (идеальные) модели представляют собой концептуальные схемы, гипотезы и алгоритмы рассуждений, которые формируют основу любого экспертного исследования и служат внутренними конструкциями сознания эксперта; материальные (физические) модели – это макеты, муляжи и экспериментальные установки, воспроизводящие объекты или фрагменты места происшествия в натуральную величину или в определенном масштабе, например, реконструкция дорожно-транспортного происшествия на полигоне; а информационные (цифровые) модели – это математические, компьютерные, имитационные модели, 3D-реконструкции и виртуальные реальности, которые являются наиболее динамично развивающимися и перспективными для судебной экспертизы;
- По цели моделирования различают описательные модели, которые используют для систематизации и наглядного представления

информации об объекте, объяснительные модели, предназначенные для установления причинно-следственных связей и объяснения механизмов формирования следов или развития событий, прогностические модели, позволяющие предсказать возможное развитие событий или последствия определенных действий, а также реконструктивные модели, направленные на воссоздание хода событий или состояния объекта в прошлом;

Внедрение методов моделирования в практическую деятельность судебных экспертов значительно расширяет их исследовательский инструментарий и повышает качество экспертных заключений. Практическое применение моделей проявляется в различных видах экспертиз, демонстрируя свою универсальность и эффективность. В **криминалистических экспертизах**, особенно при исследовании места происшествия, 3D-моделирование становится незаменимым инструментом. Создание объемных интерактивных моделей позволяет не только зафиксировать пространственное положение объектов и следов, но и динамично представить различные версии развития событий. Например, при расследовании убийств или ДТП, детальные 3D-реконструкции, основанные на данных лазерного сканирования или фотограмметрии, дают возможность экспертам и следователям в реальном времени "пройти" по месту происшествия, оценить углы поражения, траектории движения, взаиморасположение участников, что существенно повышает наглядность и убедительность экспертного заключения для суда. Моделирование механизмов слеодообразования, будь то следы обуви, транспортных средств или орудий взлома, позволяет обосновать версии их возникновения и принадлежности.

В **судебно-медицинских экспертизах** моделирование находит применение при реконструкции травм, определении механизма их причинения и последовательности нанесения. Например, использование компьютерных моделей человеческого тела для анализа воздействия различных травмирующих факторов позволяет с высокой степенью точности определить характер повреждений, их локализацию и причинную связь с конкретными событиями. Это особенно важно при исследовании сложных политравм или при установлении давности и порядка причинения телесных повреждений. Важным аспектом является также применение **математического и статистического моделирования** в различных видах экспертиз, например, при анализе больших массивов данных в экономических, компьютерно-технических или почерковедческих экспертизах. Это позволяет выявлять скрытые закономерности, определять вероятность определенных событий или свойств, что повышает объективность и обоснованность экспертных выводов [3].

Практическая реализация моделирования требует не только наличия соответствующего программного обеспечения и оборудования, но и высокой квалификации эксперта, его глубоких знаний в предметной области, а также понимания методологических принципов моделирования. Соблюдение этих условий позволяет использовать моделирование не просто как демонстрационный инструмент, но как полноценный метод научного исследования в рамках судебной экспертизы.

Применение методов моделирования в судебно-экспертной деятельности представляет собой одно из наиболее перспективных направлений развития современной криминалистики и экспертологии. Комплексный подход к созданию и использованию моделей, от мысленных конструкций до передовых цифровых реконструкций, позволяет значительно повысить достоверность, наглядность и обоснованность экспертных заключений. Моделирование не только способствует более глубокому проникновению в сущность исследуемых явлений, но и оптимизирует процесс судебного доказывания, делая его более эффективным и убедительным для всех участников процесса [4]. Несмотря на ряд вызовов, связанных с необходимостью стандартизации методик,

разработкой специализированного программного обеспечения и подготовкой высококвалифицированных кадров, потенциал моделирования в судебной экспертизе огромен. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на развитие теоретических основ, создание универсальных методик и активное внедрение инновационных технологий, что в конечном итоге будет способствовать укреплению принципов законности и справедливости в правосудии.

1. Аверьянова, Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории / Т. В. Аверьянова. – Москва: Норма, 2017. – 480 с.
2. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы / Р. С. Белкин. – Москва: Юридическая литература, 1988. – 304 с.
3. Варданян, А. В. Теоретические и прикладные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве / А. В. Варданян. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 288 с.
4. Зинин, А. М. Судебная портретная экспертиза: учебник / А. М. Зинин, С. Н. Слепнева. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 192 с.

Нестеренко Д.Г.

**Актуальные вопросы прокурорского надзора
за соблюдением Конституции РФ и исполнения законов**

*Луганский юридический институт (ф) Университет прокуратуры РФ
(Россия, Луганск)*

Научный руководитель: Побережная И.А.

Аннотация

Статья посвящена актуальным вопросам прокурорского надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, который является ключевым инструментом обеспечения верховенства права и защиты конституционных ценностей. В условиях динамичного развития правовой системы, цифровизации и усложнения общественных отношений особую значимость приобретает поиск эффективных механизмов реализации надзорных функций прокуратуры. На примере прокурорской проверки образовательных организаций Луганской Народной Республики анализируются практические аспекты надзора за исполнением законодательства об образовании, выявляются типичные нарушения и предлагаются меры по их устранению.

Ключевые слова: прокуратура, Конституция Российской Федерации, прокурорский надзор, цифровизация, профилактика нарушений.

Abstract

The article is devoted to current issues of prosecutorial supervision of compliance with the Constitution of the Russian Federation and enforcement of laws, which is a key instrument for ensuring the rule of law and protecting constitutional values. In the context of the dynamic development of the legal system, digitalisation and the increasing complexity of social relations, the search for effective mechanisms for the implementation of the supervisory functions of the prosecutor's office is becoming particularly important. The author examines contemporary challenges, including the need to adapt traditional methods of supervision to digital realities, the introduction of artificial intelligence, and problems of compliance with the constitutional rights of citizens in socially significant areas. Using the example of the prosecutor's inspection of educational organisations in the Lugansk People's Republic, the practical aspects of supervising the implementation of education legislation are analysed, typical violations are identified, and measures to eliminate them are proposed.

Keywords: prosecutor's office, Constitution of the Russian Federation, prosecutorial supervision, digitalisation, prevention of violations.

Конституция Российской Федерации является основным законом государства, обладающим высшей юридической силой и определяющим фундаментальные принципы организации, функционирования государственной власти, а также закрепляющим права, свободы и обязанности человека и гражданина.

В свою очередь прокурорский надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнения закона представляет собой одну из ключевых функций прокуратуры, закреплённую в статье 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [1]. Данный вид надзора является фундаментальным инструментом обеспечения верховенства права, защиты конституционных ценностей и законных интересов граждан, общества и государства.

В условиях динамично развивающейся правовой системы, глобальной цифровизации и усложнения общественных отношений актуальность вопросов, связанных с эффективностью прокурорского надзора, возрастает, что требует глубокого научного осмысления и поиска оптимальных механизмов его реализации.

Конституционный статус прокуратуры определяет ее как единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов [2]. Данное положение закреплено непосредственно в ст. 129 Конституции России.

Вместе с тем, несмотря на законодательное закрепление полномочий прокурора, на практике возникает ряд проблем, связанных с определением пределов вмешательства прокуратуры в деятельность других государственных органов, а также с обеспечением баланса между прокурорским надзором и самостоятельностью поднадзорных субъектов. В частности, дискуссионным остается вопрос о соотношении прокурорского реагирования и судебного контроля, особенно в сфере оспаривания нормативных правовых актов.

Современные вызовы, связанные с цифровизацией государственного управления и ростом киберпреступности, требуют от прокуратуры активного внедрения новых технологий в традиционные методы надзора. Одним из ключевых направлений модернизации является создание единой защищённой цифровой платформы, обеспечивающей взаимодействие между прокуратурой всех уровней и другими государственными органами. Такая платформа должна обладать высокой устойчивостью к кибератакам, поскольку её основная задача – не только оперативный обмен информацией, но и противодействие цифровым преступлениям. Параллельно развивается система электронного документооборота, позволяющая прокурорам оперативно передавать материалы уголовных дел или проверочные документы между органами предварительного расследования, что значительно ускоряет процедуры и снижает риски потери или искажения данных [3, 5]. Важным элементом цифровизации становится автоматизированный анализ поступающих материалов, благодаря которому система способна выявлять отклонения от установленных стандартов и оперативно информировать об этом прокуроров. Это не только сокращает временные затраты на рутинную проверку документов, но и повышает точность выявления нарушений. Дополнительным инструментом оптимизации надзорной деятельности выступают методы кластерного анализа, позволяющие выявлять схожие правонарушения, обобщать практику и определять системные проблемы в работе ведомств или на уровне отдельных регионов. Такой подход способствует более эффективному планированию прокурорских проверок и выработке единых правоприменительных подходов.

Перспективным направлением развития является внедрение технологий искусственного интеллекта, запланированное Генпрокуратурой России к 2025 году [4]. Речь идёт о так называемом «мягком ИИ» («soft AI»), способном решать узкоспециализированные задачи, в том числе анализировать большие объёмы данных («big data») для выявления скрытых закономерностей и прогнозирования потенциальных нарушений закона. Однако успешная интеграция этих технологий невозможна без

соответствующего научного, методического и информационно-аналитического сопровождения. Это требует постоянного обновления учебных программ для прокурорских работников, развития специализированных аналитических центров и укрепления взаимодействия с IT-экспертами [3].

Ещё одной актуальной темой является прокурорский надзор за соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина. В соответствии со ст. 2 Конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [2].

Несмотря на провозглашённый приоритет защиты прав личности, на практике сохраняются случаи несвоевременного и неэффективного реагирования прокуратуры на их нарушения, особенно в социально значимых сферах, таких как здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство. Так, к примеру, прокуратура Луганской Народной Республики провела проверку соблюдения требований законодательства об образовании в подведомственных образовательных организациях, по результатам которой были выявлены системные нарушения, связанные с разработкой и утверждением образовательных программ. Данный пример наглядно демонстрирует механизм реализации прокурорского надзора за исполнением законов в социально значимой сфере, затрагивающей права граждан на доступное и качественное образование. В ходе проверки установлено, что в ряде образовательных учреждений допускались нарушения порядка разработки основных образовательных программ, что прямо противоречит требованиям законодательства, регулирующего образовательную деятельность. Особое внимание в ходе прокурорской проверки уделялось соответствию образовательных программ федеральным государственным образовательным стандартам, поскольку именно ФГОСы определяют обязательные требования к структуре, содержанию и результатам освоения образовательных программ. Выявленные нарушения свидетельствуют о недостаточном контроле со стороны администраций образовательных организаций за соблюдением нормативных требований, что может негативно отражаться на качестве образовательного процесса. Прокурорская проверка также охватила вопросы своевременности утверждения программ и их соответствия локальным нормативным актам образовательных учреждений, что подчёркивает комплексный характер надзорных мероприятий.

По итогам проверки прокуратура приняла меры прокурорского реагирования, направленные на устранение нарушений и недопущение их в дальнейшем. В частности, внесены представления об устранении выявленных недостатков, что является стандартным инструментом прокурорского надзора, позволяющим не только фиксировать нарушения, но и обеспечивать их исправление в установленные сроки. Кроме того, результаты проверки свидетельствуют о необходимости усиления методического сопровождения образовательных организаций со стороны профильных министерств и ведомств, поскольку часть нарушений может быть связана с недостаточным уровнем информированности педагогических коллективов о действующих нормативных требованиях [6].

Выявление нарушений на этапе разработки образовательных программ позволяет предотвратить их негативные последствия на стадии реализации, тем самым защищая интересы как обучающихся, так и педагогических работников. Данный пример также подчёркивает профилактическую функцию прокуратуры, поскольку систематизация типичных нарушений даёт возможность выработать меры по их предупреждению в других образовательных организациях. Реализация таких надзорных полномочий прокуратуры способствует укреплению законности в образовательной сфере и обеспечению единых стандартов качества образования на всей территории Российской Федерации.

Таким образом, современные вызовы, стоящие перед прокурорским надзором за соблюдением Конституции и исполнением законов, требуют комплексного подхода,

включающего как совершенствование законодательной базы, так и развитие практических механизмов реагирования. Необходимо дальнейшее теоретическое исследование роли прокуратуры в условиях трансформации правовой системы, а также поиск оптимальных форм её деятельности, направленных на укрепление законности и конституционной стабильности в Российской Федерации.

1. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
2. Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ, 14 марта 2020 года №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №6-ФКЗ, от 4 октября 2022 №7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №8-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 710. Ст. 4398.
3. В.В. Яцуненко ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ // Актуальные проблемы российского права Организация правоохранительной деятельности. – 2021. – №Т.16 №11 (132). – С. 188-190.
4. Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 N 627 (ред. от 27.05.2024) «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года») // СПС КонсультантПлюс.
5. Оптимизация прокурорского надзора в условиях цифровизации уголовного процесса // Научно-издательский центр «Аспект». Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <https://na-journal.ru/4-2024-pravo/11125-optimizaciya-prokurorskogo-nadzora-v-usloviyah-cifrovizacii-ugolovnogo-processa> (дата обращения: 03.06.2025).
6. В образовательных организациях ЛНР выявлены нарушения требований по разработке образовательных программ // Министерство образования и науки Луганской Народной Республики URL: <https://edu.lpr-reg.ru/news/14468-v-obrazovatelnyh-organizacijah-lnr-vyyavleny-narusheniya-trebovaniy-po-razrabotke-obrazovatelnyh-programm.html> (дата обращения: 03.06.2025).

Окользин В.С.

Особенности участия несовершеннолетнего в гражданском процессе

*(ф) Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Стерлитамак)*

Аннотация

Статья посвящена особенностям участия несовершеннолетних в гражданском процессе. Автор подчеркивает важность изучения гражданского процессуального статуса несовершеннолетних как особой категории участников, обусловленного их возрастом, ограниченной дееспособностью и необходимостью участия законных представителей. Отмечается недостаточная разработанность данного вопроса в гражданском процессуальном праве по сравнению с уголовным.

Ключевые слова: гражданский процесс, несовершеннолетний, дееспособность, правоспособность, законный представитель.

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of the participation of minors in civil proceedings. The author emphasizes the importance of studying the civil procedural status of minors as a special category of participants, due to their age, limited legal capacity and the need for the participation of legal representatives. There is a lack of elaboration of this issue in civil procedural law in comparison with criminal law.

Keywords: civil procedure, minor, legal capacity, legal representative.

Конституция Российской Федерации закрепляет человека, его права и свободы как высшую ценность. Государство обязано признавать, соблюдать и защищать эти права. Статья 46 Конституции гарантирует каждому, включая детей, судебную защиту.

Соответственно, общие нормы гражданского процесса распространяются и на несовершеннолетних, им предоставляется возможность защищать свои права и интересы в суде [2, с. 181].

Российское законодательство не дает четкого определения самого термина «несовершеннолетний». Отсутствие четкого определения создает определенные сложности в правоприменительной практике. Более точная формулировка могла бы способствовать единообразному толкованию и применению норм права, касающихся несовершеннолетних.

В соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях прав ребенка», ребенком считается лицо до 18 лет. Достижение совершеннолетия связано с правосубъектностью, которая включает правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Дееспособность – это способность лица своими действиями приобретать и осуществлять права и обязанности. Деликтоспособность – способность нести ответственность за правонарушения - является частью дееспособности и возникает только с определенного возраста.

Гражданский кодекс РФ выделяет три возрастные категории: до 6 лет, от 6 до 14 лет и от 14 до 18 лет, каждая из которых характеризуется определенным объемом прав и обязанностей.

Правоспособность у несовершеннолетних возникает с рождения, а дееспособность, согласно Гражданскому кодексу РФ, зависит от возраста. Дети до 6 лет полностью недееспособны, а с 6 лет приобретают ограниченную дееспособность. Кроме возраста, на дееспособность влияет и психическое состояние, которое зачастую также связано с возрастом.

Для полноценного участия в гражданских правоотношениях лицо должно быть способно адекватно выражать свою волю, понимать суть своих действий и их последствия. Поэтому ограничение или лишение дееспособности по причине возраста или психического состояния служит защите прав и интересов самого лица. Ограничение дееспособности направлено на защиту несовершеннолетнего, поскольку он может не осознавать полностью последствий своих действий. По мере взросления и развития объем дееспособности расширяется, пока не наступит полная дееспособность в 18 лет [3, с. 78].

Участие несовершеннолетних в гражданском процессе затруднено в связи с отсутствием в ГПК РФ четкого определения их процессуального статуса. Хотя ребенок является центральной фигурой в спорах о взыскании алиментов, определении места жительства или лишении родительских прав, он не может самостоятельно обратиться в суд. Законодательство предусматривает возможность самостоятельного обращения в суд только для эмансипированных несовершеннолетних или в случае нарушения родителями своих обязанностей, но это не решает всех проблем. Как отмечают теоретики и практики, несовершеннолетний, даже в делах, непосредственно касающихся его интересов, формально не признается истцом, что указывает на необходимость законодательного закрепления его процессуального статуса [1, с. 210].

Отсутствие в законодательстве четких правил привлечения законных представителей несовершеннолетних создает проблемы в определении границ их полномочий и самостоятельности детей в гражданском процессе. При отсутствии требования об обязательном участии представителей, несовершеннолетний, чьи права затрагиваются, должен выступать стороной в процессе. Однако на практике законные представители могут оказывать давление на ребенка, особенно если их интересы расходятся. Суду важно выяснить, насколько мнение ребенка является самостоятельным и осознанным.

Существующая процедура выяснения мнения ребенка, основанная на ст. 179 ГПК РФ, несовершенно, поскольку отсутствует четкий, установленный законом порядок. Статья 57 СК РФ предусматривает право ребенка выражать свое мнение, учитывая его возраст: до 10 лет ребенок заслушивается, а после 10 лет – его согласие обязательно для принятия решения по ряду вопросов (ст. 59, 72, 132, 134, 136, 143, 145 СК РФ).

Однако на практике не всегда ясно, когда выяснение мнения ребенка обязательно. Органы опеки могут воспрепятствовать участию ребенка в судебном заседании, ссылаясь на потенциальный вред для него. Судебная обстановка может быть стрессовой для ребенка, затрудняя формулирование им своего мнения. Возраст не всегда гарантирует способность ребенка адекватно оценить ситуацию и выразить свою волю. Переходный возраст, психологические особенности, социальная адаптация – все это может исказить мнение ребенка.

В таких случаях опрос ребенка целесообразно проводить в привычной для него обстановке, с участием органов опеки и, желательно, педагога-психолога, учитывающего особенности детской психики. Предлагается внести в ГПК РФ положение об опросе несовершеннолетнего вне зала суда, в комфортной для него обстановке, с учетом его возраста и психологических особенностей, с привлечением педагога-психолога и представителей органов опеки. Такая процедура позволит обеспечить ребенку возможность выразить свое мнение в наименее стрессовой обстановке и максимально учесть его интересы [4, с. 185].

В целом, необходимо совершенствование законодательства и практики его применения для обеспечения эффективной защиты прав и интересов несовершеннолетних в гражданском процессе. Важно найти баланс между защитой несовершеннолетнего от негативного воздействия судебного процесса и обеспечением его права быть услышанным. Опрос ребенка, даже в сложных ситуациях, важен для учета его мнения, но требует создания специальных условий.

Законные представители играют ключевую роль, но их интересы не всегда совпадают с интересами ребенка. Необходимо разработать механизмы, позволяющие суду объективно оценить ситуацию и принять решение, максимально учитывающее интересы несовершеннолетнего.

Судьи, адвокаты и другие участники процесса должны обладать специальными знаниями в области детской психологии и педагогики, чтобы эффективно взаимодействовать с детьми и правильно оценивать их показания.

Несовершеннолетние и их законные представители должны иметь доступ к квалифицированной правовой помощи, адаптированной к их возрасту и потребностям.

Таким образом, необходимо комплексное совершенствование законодательства и правоприменительной практики, направленное на обеспечение эффективной защиты прав и интересов несовершеннолетних в гражданском процессе.

1. Битюкова М.Д. Проблемы реализации участия несовершеннолетних в гражданском процессе / М.Д. Битюкова // Общество и наука: векторы развития: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 26 июня 2024 года. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2024. С. 209-212.
2. Верещагина М.С. Некоторые проблемы участия несовершеннолетних в гражданском процессе / М.С. Верещагина, А.В. Чекмарева // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 12(88). С. 180-184.
3. Маслов Д.Д. Особенности участия несовершеннолетних в гражданском процессе / Д.Д. Маслов // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 87-7. С. 77-79.
4. Пастухова С.С. Некоторые проблемы участия несовершеннолетних в гражданском процессе / С.С. Пастухова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 3(152). С. 181-186.

Перепелкин В.Ю., Ерофеева В.В.

Особенности условий правомерности и их нарушение при необходимой обороне

*Средне-Волжский институт (ф) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению содержания условий правомерности необходимой обороны в уголовном праве, а также возможные случаи их нарушения. В настоящее время уделяется внимание случаям, связанным с превышением пределов обороны, а также вопросам квалификации действий обороняющегося лица. Исследование сопровождается анализом судебной практики и предложениями по унификации критериев оценки оборонительных действий.

Ключевые слова: необходимая оборона, правомерность, превышение пределов обороны, уголовное право, правоприменительная практика, квалификация действий.

Abstract

The article is devoted to the consideration of the content of the conditions for the legality of necessary defense in criminal law, as well as possible cases of their violation. Currently, attention is being paid to cases involving exceeding the limits of defense, as well as to the qualification of the actions of the defender. The study is accompanied by an analysis of judicial practice and proposals for the unification of criteria for evaluating defensive actions.

Keywords: necessary defense, legality, exceeding the limits of defense, criminal law, law enforcement practice, qualification of actions.

Необходимая оборона как явление существовала на всех этапах развития государственности и законодательства. Более того, она заложена инстинктивно в каждом человеке, который стремится защитить себя от преступных посягательств.

Необходимая оборона является реакцией на посягательство, поэтому в ее характеристику входят два действия: общественно опасное посягательство и противоположное ему по своей направленности - оборона от него. В связи с этим условия правомерности необходимой обороны подразделяют на две группы: относящиеся к посягательству; относящиеся к действиям обороняющегося.

Условиями, относящимися к посягательству, признают его общественную опасность, реальность и наличность. Посягательство всегда характеризуется общественной опасностью, Малозначительное деяние не будет признаваться основанием для необходимой обороны, поскольку оно лишено общественной опасности (например кража лицом нескольких яблок из чужого сада).

В рамках данного аспекта в законе выделяются два вида посягательства. Первый вид – это посягательство, которое сопряжено с насилием, являющимся опасным для жизни обороняющегося или другого лица, а также с реальной угрозой применения подобного рода насилия. Следует добавить, что при защите от опасного для жизни посягательства обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред нападающему.

Так, например, по определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации было вынесено решение по делу, где речь шла о самообороне. Гражданка Т. поспорилась на кухне со своим пьяным сожителем Р. Когда она резала хлеб, он развернул ее к себе и начал душить. Т. ударила нападавшего кухонным ножом в грудь слева, повредив сердце и легкое. Первая инстанция квалифицировала действия гражданки Т. как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и назначила ей два года лишения свободы (п. «з» ч. 2 ст. 111 УК). Волгоградский областной суд посчитал, что Т. превысила пределы необходимой обороны,

но ВС с решениями нижестоящих судов не согласился. Жертва имеет право любым способом защищаться от насилия, опасного для ее жизни или жизни другого лица, напоминает коллегия. Важно, что гражданка Т. нанесла единственный удар ножом именно в момент, опасный для жизни, поэтому Верховный Суд посчитал, что её действия нельзя признать преступлением. За ней признали право на реабилитацию [4].

Реальность посягательства означает, что оно происходит в объективной действительности, а не в воображении человека. Этот признак позволяет отграничить необходимую оборону от мнимой, когда имеет место фактическая ошибка лица. При мнимой обороне заблуждение может быть связано с неправильной оценкой поведения человека как общественно опасного, с личностью лица (совершает общественно опасное посягательство один человек, а вред причиняют другому, которого ошибочно воспринимают в качестве посягающего).

Нет реального общественно опасного посягательства и в случае провокации обороны, то есть при искусственном создании ситуации, которую лицо использует как повод для расправы над другим человеком.

В апелляционных жалобах осужденный А. и его адвокат оспаривали приговор и просили его изменить, ссылаясь на то, что суд не принял во внимание их доводы о необходимой обороне, а также то, что Ж., К. и М., являясь инициаторами ссоры, избивали А., в том числе и палкой. Защищаясь, А. отмахивался ножом, не имея умысла на причинение кому-либо смерти. Судебная коллегия нашла эти жалобы не подлежащими удовлетворению. О наличии у А. прямого умысла на убийство К. свидетельствуют фактические обстоятельства содеянного осужденным, в том числе способ и орудие совершения преступления, количество, характер и локализация телесных повреждений, причиненных потерпевшему [5].

Мотивируя вывод о виновности осужденного в покушении на убийство К. и причинении вреда здоровью Ж., суд обоснованно принял в качестве доказательств показания потерпевших Ж. и К. о том, что инициатором ссоры явился сам осужденный, ударив К. кулаком по лицу, после чего наносил ему удары ножом. Когда Ж. пытался воспрепятствовать А., тот ударил Ж. ножом. Указанные потерпевшими обстоятельства причинения им телесных повреждений подтверждены показаниями свидетелей и заключениями экспертов о наличии телесных повреждений у потерпевших и осужденного. Между тем согласно положениям статьи 37 УК РФ, не признается находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, которое спровоцировало потерпевшего, чтобы использовать его ответные действия как повод для совершения противоправного деяния, в том числе и направленного на лишение потерпевшего жизни. Поэтому содеянное А. подлежит квалификации на общих основаниях [5].

Наличность посягательства – его пределы во времени: посягательство должно уже начаться и еще не завершиться.

Условия, характеризующие действия по обороне: защищать можно охраняемые уголовным законом интересы; защита должна быть своевременной; защита осуществляется путем причинения вреда посягающему; нельзя допускать превышения пределов необходимой обороны.

Причиненный вред не должен быть чрезмерным, явно не соответствующим характеру и степени общественной опасности посягательства, иначе он свидетельствует о превышении пределов необходимой обороны.

Говоря о нарушении условий и превышении пределов необходимой обороны отметим, что в 2003 году ст. 37 УК РФ была введена норма, разрешающая причинение любого вреда посягающему в случае, когда посягательство является неожиданным, в связи с чем обороняющийся не имел реальной возможности объективно оценить сложившуюся ситуацию, степень и характер опасности нападения.

Обратимся непосредственно к анализу понятия «превышение пределов необходимой обороны». Пленум Верховного Суда РФ в своём постановлении от 27

сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» указал: «Под превышением пределов необходимой обороны понимают такие действия лица, когда оно прибегнуло к защите от посягательства, не сопряжённого с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, и избрало такие средства и способы, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинило посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть» [2].

К сожалению, по настоящее время законодательно не закреплены признаки явного несоответствия защиты характеру и степени опасности посягательства. Так, учёные-правоведы к превышению пределов необходимой обороны относят и несвоевременную оборону, осуществлённую либо преждевременно, либо поздно. Однако более частыми являются «случаи превышения пределов необходимой обороны при явном несоответствии интенсивности защиты интенсивности посягательства».

На мой взгляд правильным «признание превышения пределов необходимой обороны в случае явного несоответствия характера посягательства средствам и способам защиты, когда нападающему, обороняющемуся, а также другим лицам было очевидно, что обороняющийся имел возможность отразить нападение, причинив меньший вред нападающему, либо вовсе без такового, осознавал такую возможность, однако намеренно выбрал более опасные средства и методы защиты, соответственно, без необходимости причинил вред посягающему лицу».

В случае превышения пределов необходимой обороны, действия обороняющегося признаются общественно опасными и должны квалифицироваться по соответствующим статьям УК РФ – ст. 108 (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны) и ст. 114 (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении необходимой обороны) УК РФ [1].

И если говорить о составе преступления, в частности об его сторонах, то можно сказать, что объективная сторона ч. 1 ст. 108 УК РФ выражается в убийстве нападавшего при превышении пределов необходимой обороны со стороны оборонявшегося. Он прибегнул к защите охраняемых законом прав средствами и методами, которые явно несоразмерны и не являются необходимыми, то есть данные методы не были вызваны реальной обстановкой при нападении, в связи с чем обороняющийся без необходимости причинил потерпевшему (в данном случае нападавшему) смерть. Важным также является субъективное осознание обороняющимся явного несоответствия применяемых им методов и средств защиты против посягательства.

С субъективной стороны убийство (ч. 1 ст. 108 УК РФ) совершается умышленно, однако чаще умысел бывает косвенным. Обороняющийся осознает, что превышает пределы защиты, предвидит реальную возможность наступления последствий в виде смерти, однако наступления данного результата он не желает. Его целью является защита охраняемых законом интересов от преступного посягательства, однако лицо сознательно выбирает то, что в конечном итоге приведет к наступлению последствий в виде смерти нападающего. Исходя из косвенного умысла данного преступления, у данного состава не может быть стадии покушения, тем более стадии приготовления, так как нападение для обороняющегося должно быть всегда неожиданным, в связи с чем и он защищается в условиях необходимой обороны.

Таким образом, необходимая оборона в настоящее время является важнейшим институтом уголовного права, но в то же время институтом, который слабо урегулирован

законодательством. Представляется обоснованной необходимость наиболее широкой конкретизации признаков явного несоответствия защиты характеру и степени общественной опасности посягательства, поскольку не редкими являются случаи превышения обороняющимся пределов необходимой обороны вследствие недостаточно четкого их понимания.

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Зимица Е.А., Семенов С.А. УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ / Е.А. Зимица, С.А. Семенов // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» №3/2022.
4. Никуленко А.В, Смирнов М.А. Необходимая оборона и превышение её пределов: возможности законодательного совершенствования / А.В. Никуленко, М.А. Смирнов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87).
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.09.2021 – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.03.2017 – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Раимбердиев Р.Р., Жээнбекова Ж.С., Кадыралиев К.У.
Проблемные аспекты правового регулирования
и осуществления следственных действий

ОшГУ
(Кыргызстан, Ош)

Аннотация

Статья анализирует проблемные аспекты правового регулирования и осуществления следственных действий в уголовном судопроизводстве. Рассматривается противоречие между детализацией норм и необходимостью гибкости, особенно применительно к киберпреступлениям. Особое внимание уделено обеспечению прав участников процесса, а также сложностям применения технических средств и привлечения специалистов из-за пробелов в регламентации. Затронуты вопросы эффективности судебного контроля и прокурорского надзора. По итогам исследования предложены пути совершенствования законодательства и практики для повышения законности и справедливости доказывания.

Ключевые слова: следственные действия, правовое регулирование, уголовный процесс, проблемные аспекты, доказывание, права участников.

Abstract

This article analyzes the problematic aspects of the legal regulation and practical implementation of investigative actions in criminal proceedings. It examines the contradiction between the detailed nature of norms and the need for flexibility, especially in the context of cybercrimes. Particular attention is paid to ensuring the rights of participants in the process, as well as the difficulties in using technical means and involving specialists due to regulatory gaps. The effectiveness of judicial oversight and prosecutorial supervision is also addressed. Based on the research, ways to improve legislation and legal practice are proposed to enhance the legality and fairness of evidence gathering.

Keywords: investigative actions, legal regulation, criminal procedure, problematic aspects, evidence, participants' rights.

Процесс доказывания по уголовным делам является фундаментом правосудия, а следственные действия выступают его ключевым инструментом. Их правовое регулирование и практика осуществления имеют первостепенное значение для обеспечения законности, обоснованности и справедливости принимаемых решений. Однако, несмотря на кажущуюся разработанность уголовно-процессуального законодательства, в этой сфере по-прежнему существует ряд проблемных аспектов, требующих всестороннего научного осмысления и практического решения. Данная статья призвана выявить и проанализировать наиболее острые из них, предложить пути совершенствования правового регулирования и оптимизации практики проведения следственных действий.

Одной из фундаментальных проблем является поиск оптимального баланса между необходимой детализацией правовой регламентации следственных действий и потребностью в оперативной гибкости их осуществления. С одной стороны, подробное описание порядка производства каждого действия призвано обеспечить соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства, исключить произвол и злоупотребления. С другой стороны, излишняя казуистика нередко сковывает инициативу следователя, не позволяет адекватно реагировать на быстро меняющуюся обстановку преступления, особенно в условиях появления новых видов криминальной деятельности. Так, например, порядок производства таких действий, как осмотр места происшествия, выемка, обыск, регламентирован достаточно подробно. Однако в условиях цифровизации и расширения киберпреступности возникают вопросы о применимости существующих норм к электронным носителям информации, облачным хранилищам данных и сетевым ресурсам. Отсутствие четких процессуальных рамок для работы с цифровыми доказательствами ведет к их уязвимости с точки зрения допустимости, а также создает риски для конфиденциальности информации. Требуется не просто адаптация существующих норм, но и, возможно, разработка новых процессуальных форм, учитывающих специфику цифровой среды [1].

Несмотря на провозглашенные Конституцией гарантии прав личности, на практике при производстве следственных действий порой возникают серьезные нарушения. Это касается, в частности, права на защиту, права на неприкосновенность частной жизни, права на уважение чести и достоинства.

Вопросы, связанные с участием защитника при производстве следственных действий, остаются дискуссионными. Несмотря на закрепленное право подозреваемого/обвиняемого на помощь адвоката с момента задержания, фактическая возможность реализации этого права на ранних стадиях, особенно в условиях проведения неотложных следственных действий, часто ограничена. Недостаточность правовых механизмов, гарантирующих немедленное уведомление адвоката и его присутствие при всех значимых действиях, ведет к оспариванию допустимости полученных доказательств. Отдельной проблемой является соблюдение конфиденциальности информации и неприкосновенности частной жизни при проведении обысков, выемок, личных досмотров. Несмотря на наличие процессуальных гарантий, в практике нередко случаи превышения полномочий, изъятия предметов, не имеющих отношения к делу, распространения личной информации. Здесь встает вопрос не только о правовой регламентации, но и о качестве ведомственного контроля и эффективности прокурорского надзора [2].

Современная криминалистика активно использует достижения науки и техники. Однако правовая регламентация применения технических средств и привлечения специалистов (экспертов) при производстве следственных действий не всегда соответствует реалиям. Часто возникает вопрос о допустимости доказательств, полученных с использованием непроверенных или несертифицированных технических средств, а также о процессуальном статусе результатов их применения. Недостаточно четко урегулирован порядок фиксации хода и результатов применения таких средств, что

может стать основанием для оспаривания их доказательственной силы. Аналогичные сложности возникают с привлечением специалистов. Несмотря на то, что УПК КР предусматривает возможность привлечения специалиста для оказания содействия, его процессуальный статус и, главное, процессуальное оформление его участия и использования его знаний, не всегда достаточно прозрачны. Это может привести к тому, что ценная информация, полученная с помощью специалиста, не будет признана допустимым доказательством. Необходимо более четкое разграничение понятий "специалист" и "эксперт", а также более детальная регламентация порядка получения и фиксации сведений, полученных с участием специалиста [3]. Судебный контроль и прокурорский надзор являются важнейшими механизмами обеспечения законности при производстве следственных действий. Однако и здесь существуют проблемные зоны. Судебный контроль, в частности, в форме получения разрешения суда на производство обыска, выемки, контроля и записи переговоров, является важной гарантией. Но его эффективность во многом зависит от глубины изучения представленных материалов и строгости проверки обоснованности ходатайства. Формальный подход к выдаче разрешений может нивелировать смысл судебного контроля. Прокурорский надзор также имеет свои трудности. Зачастую прокурор, осуществляющий надзор за следствием, загружен множеством функций, что не позволяет ему в полной мере осуществлять глубокий и всесторонний контроль за каждым следственным действием. Кроме того, процессуальное положение прокурора после реформы 2017 года изменилось, что также сказалось на его полномочиях по непосредственному руководству и контролю за следствием. Проведенный анализ проблемных аспектов правового регулирования и осуществления следственных действий позволяет сделать ряд принципиальных выводов, имеющих важное теоретическое и практическое значение для совершенствования отечественного уголовного судопроизводства [4]:

Во-первых, современная правовая регламентация следственных действий, несмотря на свою детальность, не всегда адекватно отвечает вызовам времени, особенно в условиях стремительного развития информационных технологий и появления новых форм преступности (в частности, киберпреступлений). Существует явный дисбаланс между статичностью законодательных норм и динамичностью криминальной среды, что требует постоянной актуализации процессуального инструментария.

Во-вторых, критически важным остается вопрос обеспечения конституционных прав участников уголовного судопроизводства при проведении следственных действий. Несмотря на законодательно закрепленные гарантии, на практике возникают сложности с реализацией права на защиту, неприкосновенности частной жизни, соблюдением процедур получения и фиксации доказательств. Это подрывает доверие к правосудию и ставит под сомнение допустимость полученных сведений.

В-третьих, недостаточная процессуальная урегулированность вопросов применения современных технических средств и привлечения специалистов создает существенные риски для доказательственной базы. Отсутствие четких правил использования инновационных технологий и регламентации статуса лиц, обладающих специальными знаниями, может привести к оспариванию допустимости и достоверности доказательств, полученных с их помощью.

В-четвертых, механизмы судебного контроля и прокурорского надзора, хотя и являются важными гарантиями законности, нуждаются в повышении своей эффективности. Формальный подход к разрешению ходатайств или недостаточная глубина надзорных мероприятий снижают их превентивную и корректирующую роль, допуская нарушения на стадии предварительного расследования. Таким образом, для повышения законности, обоснованности и справедливости в доказывании по уголовным делам необходим комплексный и системный подход к реформированию. Это включает не только точечные изменения в уголовно-процессуальное законодательство, но и

совершенствование правоприменительной практики, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, укрепление ведомственного и внешнего контроля. Только при таком подходе можно обеспечить эффективное функционирование системы уголовного судопроизводства, соответствующее принципам правового государства.

1. Безлепкин, Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах / Б. Т. Безлепкин. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2022. – 272 с.
2. Гриненко, А. В. Уголовный процесс : учебник для вузов / А. В. Гриненко. – Москва : Юрайт, 2023. – 365 с.
3. Рыжаков, А. П. Следственные действия : учебник для вузов / А. П. Рыжаков. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юстиция, 2023. – 416 с.
4. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник для вузов / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : КНОРУС, 2022. – 704 с.

Рахматулин А.В.

Теоретические аспекты содержания права собственности

*Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)*

Научный руководитель: Осадченко Э.О.

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению теоретических аспектов права собственности, также анализируется взаимодействие правовой и экономической системы, которые реализуются в индивидуальном поведении субъектов экономики. Также данная статья затрагивает понимание права собственности в объективном и субъективном смысле и определяет его основную характеристику на основании действующего законодательства.

Ключевые слова: право собственности, институт права, гражданское право.

Abstract

This article is devoted to the consideration of the theory of property rights, analyzes the interaction of the legal and economic systems, which are realized in the individual behavior of economic entities. This article also touches on the understanding of property rights in the objective and subjective sense and defines its main characteristics on the basis of current legislation.

Keywords: property rights, institution of law, civil law.

Институт права собственности регламентирует основания возникновения, изменения и прекращения права собственности, содержание права собственности, правовой режим объектов права собственности и т.д. Основы права собственности, как и основы механизма гражданско-правовой защиты данного права в настоящее время не лишены недостатков, обусловленных несовершенством действующего гражданского законодательства. Это объясняет актуальность исследования права собственности и механизма его гражданско-правовой защиты. В рамках статьи проанализировано понятие права собственности как объекта гражданско-правовой защиты.

В Гражданском Кодексе Российской Федерации, а именно в ст. 209 определены основные аспекты содержания права собственности. Проблемы права собственности являются одной из основных проблем для гражданского права. Если рассматривать право собственности, как теоретический институт – это комплексный институт права,

включающий правовые нормы, закрепляющие, регулирующие и охраняющие состояние принадлежности материальных благ конкретным лицам.

Защита права собственности рассматривается в современной теории права как один из важнейших элементов всего правозащитного механизма, позволяющий субъекту законно владеть, пользоваться и распоряжаться имеющимся у него объектом имущества, связанными с этим объектом имущественными правами в целях удовлетворения своих базовых потребностей, получения прибыли при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности.

А.Д. Лебедева говорит о том, что в наиболее общем виде право собственности следует понимать как «...юридическое регулирование процессов присвоения и использования субъектами материальных благ».

Право собственности является вещным правом, которое представляет владельцу права собственности права на распоряжение, владение и пользование имуществом, которое ему принадлежит.

Переход права собственности не всегда связан с регистрационными действиями, о чем говорит специализированная судебная практика. Данная формулировка позволяет сделать вывод о том, что существует ряд иных случаев, в которых момент перехода права собственности на недвижимое имущество не связан с регистрационными действиями. В частности, в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» указано, что иной момент возникновения права установлен, в частности, для приобретения права собственности на недвижимое имущество в случае полной выплаты членом потребительского кооператива, в порядке наследования и реорганизации юридического лица. Существуют и иные спорные ситуации, в которых правоприменитель руководствуется другими положениями закона. Также в судебной практике Верховного суда РФ имеются дела, в которых при формальном соблюдении пункта 2 статьи 223 ГК РФ и правовых норм, связанных с возникновением права собственности на недвижимость, могут быть затронуты законные интересы иных лиц. Данная практика подтверждает утверждение о том, что не всегда переход права собственности осуществляется после государственной регистрации.

Если рассматривать общее содержание права собственности, то можно его охарактеризовать следующим образом:

1. Владение или право владения. Характеризуется как возможность, основанная на законных правах, фактически обладать вещью, держать ее у себя и использовать в своих нуждах и интересах. А.К. Алибалаев полагает, что владение представляет собой возможность фактически обладать имуществом, пользование – возможность использования имущества путем извлечения из него полезных свойств, а распоряжение – возможность определения юридической судьбы имущества путем изменения его принадлежности, состояния или назначения.
2. Пользование или право пользования. Характеризуется правом использования на законных основаниях вещь, которая принадлежит владельцу. Право пользования есть, как в личных целях, как и для предпринимательской деятельности.
3. Распоряжение или право распоряжения. Данное правомочие означает, владелец собственности имеет право определять дальнейшую судьбу имущества, которое ему принадлежит. То есть имеет право продавать его, сдавать в аренду или передавать в залог.

Право собственности является основным институтом гражданского права, а также самым проблематичным в правовой регламентации. Термину «собственность» свойственны два значения: обозначение какого-либо имущества; отражение факта

принадлежности какого-либо имущества субъекту собственности. Полагается, что эти два значения тесно связаны между собой. Каждый из значений определяет данный институт, как важнейший для общества и экономики в целом.

Основное значение права собственности в субъективном смысле авторы рассматривают, как меру возможного поведения собственника.

А вот, если рассматривать право собственности в объективном смысле, то тут оно представляет собой совокупность правовых норм, которые закрепляют, регулируют и охраняют принадлежность объектов этого права определенным лицам.

С субъективной стороны также можно рассматривать законодательное закрепление основ права собственности в нашем обществе. Если рассматривать более подробно, то в субъективном смысле право собственности можно определить из следующих принципов:

1. Общая полнота прав собственника по отношению к имуществу.
2. Определение только отдельных будущих способов реализации права собственности;
3. Разрешение на совершение действий собственника относительно вещи, кроме тех, которые прямо запрещены действующим законодательством Российской Федерации или те, которые затрагивают прав и охраняемые законом интересы третьих лиц.

Если делать вывод из всего вышесказанного, то право собственности представляет собой юридическое закрепление социально-экономических отношений, вовлекая тем самым экономическую категорию «собственность» в правовое поле.

1. Алибалаев А.К. Общие положения о праве собственности // Научные исследования. 2017. № 6 (17). С. 50-52.
2. Гафарова, Ж. А. Теоретические основы института права собственности / Ж. А. Гафарова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 41 (383). – С. 217-219. – URL: <https://moluch.ru/archive/383/84475/> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Гиричева В.В. "Понятие права собственности и механизм его гражданско-правовой защиты" Международный журнал гуманитарных и естественных наук, no. 5-2, 2018, pp. 245-249.
4. Лебедева А.Д. Собственность в гражданском праве – это благо или бремя? // Духовная сфера общества. 2014. № 11. С. 109-114.

Сейитбек кызы К., Акматбекова А.Т., Садыков А.Б.
Преступные посягательства должностных лиц
на предпринимательскую деятельность: классификация и особенности

ОшГУ
(Кыргызстан, Ош)

Аннотация

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме преступных посягательств должностных лиц на предпринимательскую деятельность. В работе анализируются виды и формы таких посягательств, их криминологические и уголовно-правовые особенности. Особое внимание уделяется вопросам классификации данных преступлений и их квалификации. Выводы статьи могут быть использованы для совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере защиты прав предпринимателей.

Ключевые слова: должностные преступления, предпринимательская деятельность, коррупция, злоупотребление полномочиями, превышение должностных полномочий, коммерческий подкуп.

Abstract

This article is devoted to the pressing issue of criminal encroachments by officials on entrepreneurial activity. The paper analyzes the types and forms of such offenses, as well as their criminological and criminal law characteristics. Special attention is given to the classification

and legal qualification of these crimes. The findings of the article may be used to improve legislation and law enforcement practices in the field of protecting entrepreneurs' rights.

Keywords: official crimes, entrepreneurial activity, corruption, abuse of authority, exceeding official powers, commercial bribery.

Развитие рыночной экономики и поддержка предпринимательства являются приоритетными направлениями государственной политики. Однако эффективность предпринимательской деятельности во многом зависит от стабильности правового поля и защищенности субъектов бизнеса от неправомερных посягательств. В этом контексте особую тревогу вызывают преступные деяния, совершаемые должностными лицами, обладающими властными полномочиями, в отношении предпринимателей. Данные посягательства не только наносят значительный экономический ущерб, но и подрывают доверие к государственным институтам, препятствуют формированию благоприятного инвестиционного климата, способствуют развитию теневой экономики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого теоретического осмысления данной проблемы, выработки эффективных мер по противодействию указанным преступлениям, а также совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Феномен преступных посягательств, совершаемых должностными лицами в отношении субъектов предпринимательской деятельности, представляет собой одну из наиболее острых и дестабилизирующих проблем современного российского общества. По своей сути, эти деяния являются проявлением системной коррупции и злоупотребления властными полномочиями, подрывающими основы правового государства и принципы свободной рыночной экономики. Неправомерное вмешательство в хозяйственную деятельность, создание искусственных административных барьеров, незаконное изъятие активов или принуждение к передаче имущественных прав не только наносят прямой экономический ущерб, исчисляемый миллиардами сомов, но и формируют атмосферу правовой незащищенности, отталкивая потенциальных инвесторов и тормозя развитие малого и среднего бизнеса [1].

Криминологический анализ данного вида преступности позволяет выделить ряд характерных особенностей. Должностное лицо, совершающее подобные преступления, как правило, обладает высоким уровнем образования, значительным административным ресурсом и доступом к конфиденциальной информации. Мотивация его действий зачастую носит корыстный характер, однако могут присутствовать и иные побуждения, такие как карьеризм, стремление к укреплению личного влияния или создание условий для недобросовестной конкуренции. Предприниматель, оказывающийся в положении жертвы, напротив, нередко лишен адекватных механизмов правовой защиты, сталкиваясь с асимметрией власти и информации. Такая уязвимость обусловлена зависимостью бизнеса от решений государственных органов, сложностью доказывания коррупционных схем и, к сожалению, нередко страхом перед возможными репрессиями. Комплекс этих факторов, вкупе с недостаточной прозрачностью процедур государственного регулирования и контроля, а также отсутствием эффективных механизмов общественного надзора, создает благоприятную почву для развития и процветания должностной преступности в предпринимательской сфере.

Систематизация преступных посягательств должностных лиц на предпринимательскую деятельность требует комплексного уголовно-правового подхода, позволяющего не только выделить основные группы деяний, но и определить их специфику для целей квалификации и противодействия. Представляется целесообразным классифицировать данные преступления исходя из нескольких взаимодополняющих критериев [2]:

Во-первых, центральное место занимает классификация по объекту преступного посягательства. Ключевыми в этом отношении выступают преступления против

государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, где основным объектом выступает авторитет и нормальное функционирование публичной власти, а предпринимательская деятельность страдает как побочный или дополнительный объект. Примером могут служить злоупотребление или превышение должностных полномочий, а также получение взятки, когда должностное лицо использует свои властные рычаги для создания преференций или, наоборот, препятствий в бизнесе. Однако не менее значимыми являются преступления против собственности и преступления в сфере экономической деятельности, где посягательство на предпринимательские права и законные интересы является непосредственной целью. В данном случае должностное лицо может выступать в качестве специального субъекта, использующего служебное положение для совершения мошенничества, вымогательства или воспрепятствования законной предпринимательской деятельности.

Во-вторых, существенным критерием выступает характер должностных полномочий, используемых при совершении преступления. Это может быть как прямое использование властных полномочий (например, выдача или отказ в выдаче разрешений, проведение проверок, наложение санкций), так и использование служебного положения для оказания незаконного влияния на других лиц или для совершения действий, внешне не связанных напрямую с официальными функциями, но ставших возможными благодаря занимаемой должности.

В-третьих, дифференциация возможна по способу совершения преступления. Здесь выделяются деяния, совершенные с использованием служебного положения, путем обмана или злоупотребления доверием, а также с применением насилия или угрозы его применения. Последний способ чаще встречается в контексте вымогательства или принуждения к совершению сделок, когда должностное лицо, обладающее административным ресурсом, фактически шантажирует предпринимателя [3].

Наконец, особую группу образуют так называемые сквозные составы, которые формально могут быть отнесены к различным главам Уголовного кодекса Кыргызской Республики, но по своей сути всегда направлены на подрыв законной предпринимательской деятельности. К ним относятся уже упомянутые злоупотребление должностными полномочиями (статья 285 УК КР), превышение должностных полномочий (статья 286 УК КР), получение взятки (статья 290 УК КР), но также и воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (статья 169 УК КР), различные виды мошенничества (статья 159 УК КР), особенно в контексте государственно-частного партнерства или получения субсидий, а также вымогательство (статья 163 УК КР). Указанные составы, совершаемые должностными лицами, образуют собой опасный симбиоз, требующий глубокого анализа и выработки специфических подходов к их квалификации и предупреждению [4].

Проведенное исследование позволило выявить ключевые аспекты проблемы преступных посягательств должностных лиц на предпринимательскую деятельность, подчеркнуть их деструктивное влияние на экономику и правовую систему государства. Предложенная классификация данных деяний, основанная на уголовно-правовых критериях, позволяет систематизировать разнообразные формы посягательств и выработать адресные меры противодействия. Очевидно, что эффективная борьба с данным видом преступности требует комплексного подхода, включающего не только ужесточение уголовной ответственности и совершенствование правоприменительной практики, но и повышение прозрачности деятельности государственных органов, усиление общественного контроля и внедрение передовых антикоррупционных технологий. Дальнейшие научные изыскания в этой области должны быть направлены на более детальное изучение криминологических аспектов проблемы, анализ причин и условий совершения таких преступлений, а также разработку новых превентивных мер.

Основные выводы, полученные в рамках исследования, свидетельствуют о том, что в статье проведена систематизация видов преступлений, совершаемых должностными

лицами в отношении предпринимательской деятельности, что позволяет более точно определять их правовые характеристики и особенности. Анализ особенностей преступных посягательств показывает необходимость разработки специальных мер и механизмов защиты предпринимателей от злоупотреблений со стороны должностных лиц. Проведенные исследования подчеркивают актуальность совершенствования законодательства и практики борьбы с преступлениями в сфере экономической деятельности для создания благоприятных условий для развития предпринимательства.

1. Борков, В. Н. Должностные преступления: вопросы квалификации и наказания: монография / В. Н. Борков. – Омск: Омская акад. МВД России, 2013. – 268 с.
2. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. – 643 с.
3. Егорова, Н. Г. Должностные преступления: учебное пособие для вузов / Н. Г. Егорова. – Москва: Юстицинформ, 2016. – 320 с.
4. Кабанов, П. А. Коррупция и борьба с ней: учебное пособие / П. А. Кабанов. – Москва: Флинта: МПСИ, 2017. – 268 с.

Сивоконева П.С.

Перспективы развития информационного права в России

*Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)*

Аннотация

Перспективы развития информационного права напрямую связаны с уровнем правовой культуры граждан в цифровом пространстве. Одним из вызовов в ближайшее время выступает недостаточность умений и компетенции, а также низкий уровень правовой культуры граждан в цифровой среде. В данной статье обосновывается необходимость повышения цифровой грамотности среди населения, приводится опыт зарубежных стран, выдвигаются предложения по разрешению проблем, связанных с трансформацией и деформацией правовой культуры цифровых граждан.

Ключевые слова: цифровое гражданство, цифровой гражданин, правовая культура цифровых граждан, цифровизация, информационное право.

Abstract

The prospects for the development of information law are directly related to the level of legal culture of citizens in the digital space. One of the challenges in the near future is the lack of skills and competence, as well as the low level of legal culture of citizens in the digital environment. This article substantiates the need to improve digital literacy among the population, provides the experience of foreign countries, and puts forward proposals for resolving problems associated with the transformation and deformation of the legal culture of digital citizens.

Keywords: digital citizenship, digital citizen, legal culture of digital citizens, digitalization, information law.

Государством предпринимаются активные попытки для создания в России информационного общества [1]. Однако принятия только нормативных актов недостаточно, для этого нужно совершенствовать образовательную систему разных уровней, в том числе и ориентированную на обучение людей, разного возраста. В этом направлении сегодня делается немало и в первую очередь совершенствуется терминологический аппарата информационного права. Обращение к законодательным документам иллюстрирует тот факт, что уже сегодня получили закрепления ранее

неизвестные понятия, в числе которых «информационное пространство», «информационная безопасность», «облачные вычисления» и другие.

Информационное право в России является относительно молодой отраслью права, но, невзирая на это, именно в ней начинают формироваться новые категории, последовательно отражаясь сначала в законодательстве, а затем в профессиональной или повседневной жизнедеятельности. Отметим, что в законодательство постоянно внедряются разные категории, но есть и те, которые используясь в обыденной речи до настоящего времени не получили своей конкретизации. Речь идет, к примеру, о таких категориях, как «спам», «киберпреступление» и т.п.

Информационное законодательство, под которым в работе понимаются законы, нормативные правовые акты, документы правительственного характера, в совокупности, регулирующие правоотношения, складывающиеся в области информации и информационных технологий, развивалось стремительными темпами, обусловленных развитием информации, в целом. При этом, несмотря на активное развитие информационного законодательства, сегодня его нельзя назвать совершенным. В качестве отрицательной тенденции отмечается постоянное усложнение законодательства и частое внесение изменений в существующее нормативно-правовое поле.

Одним из перспективных направлений информационного права в России следует считать развитие информационного сектора в направлении цифровой экономики. Это направление, в условиях санкционного давления со стороны западных стран, только актуализируется, способствуя повышению конкурентоспособности государства, увеличению производительности труда, подготовки новых кадров. Озвученное позволяет прогнозировать повышенное внимание законодателя к институту информационной безопасности; интернет-права; институту рассмотрения информационных споров [2].

Сегодня можно наблюдать, как научные проекты интегрируются в ведущие предприятия [3]. Происходит смешение науки и цифровизации. Сказанное обуславливает важную перспективную тенденцию информационного права, которое развивается в числе прочего и за счёт притока талантов и творческого человеческого потенциала.

Перспективным направлением информационного права видится трансформация от всеобщей компьютеризации к цифровому праву. Полный переход на цифру в ближайшей перспективе станет одним из главных катализаторов более стремительного развития информационного права. В первую очередь это имеет отношение к правосудию, деятельности правового характера (нотариусов, юрисконсультов, юристов, работающих в разных сферах). В итоге будет сформировано полноценное цифровое право, как подотрасль информационного права.

Интерес представляет опыт зарубежных стран в рамках повышения грамотности среди населения. Решение этой проблемы в условиях развития информационных технологий принципиально важно. Не случайно Европейской комиссией была предложена структура цифровой компетентности граждан, выступающая в качестве эталона для стран ЕС. Специалисты считают, что «если навыки владения информационными технологиями у разных возрастных категорий граждан разные, то это усиливает неравенство между социальными группами» [4]. Эксперты в области информационного права зарубежных стран придерживаются мнения, что «инициативы эффективной цифровой инклюзии должны начинаться и завершаться видимыми результатами» [5].

Учитывая, что все информатизируется, навыки в области информационных технологий для граждан важны. Именно они (навыки) являются теми факторами, которые позволяют определить может ли человек преобразовать использование web-ресурсов в реальную выгоду для себя. В зарубежных странах развитие компетентностей в области цифровых технологий закладываются в национальные цифровые стратегии, которые впоследствии определяются как приоритетные. В некоторых регионах частные компании могут предлагать свои дорожные карты цифровой трансформации, в которых создают, к

примеру, инфраструктуру, охватывающую разные направления: законодательство в области информационных технологий, инфраструктура, экосистема, навыки, правительство, бизнес, потребление [6]. Работа в данном направлении является гарантией того, что население может овладеть базовыми цифровыми навыками, которые нужны для жизни в современном цифровом обществе.

Считаем, что в рамках перспективного развития информационного права в России опыт зарубежных стран может представлять особый интерес.

Проведенная работа позволяет утверждать, что перспективы развития информационного права в России обусловлены темпами развития цифровизации в обществе. Особый интерес в данном направлении может представлять опыт зарубежных стран, но использовать его нужно только в той части, в которой он представляет интерес для России и исключительно стран, дружественных российской Федерации.

1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
2. Рассолов, И.М. Будущее информационного права: новые подходы /И.М. Рассолов // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2018. №1. С.74-76.
3. Борисоглебская, Л.Н. Развитие интеграционных процессов в сфере науки, образования и бизнеса, как фактор инновационного развития в России / Л.Н. Борисоглебская, К.Э.Дудина // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. №17-1. С.599-562.
4. Возжанников, А.Ю. Зарубежный опыт развития информационного общества / А.Ю. Возжанников // Мировая наука. 2020. № 12 (45). С. 60-63.
5. Capacity Building in a Changing ICT Environment. Geneva, ITU, 2018. Available at: <https://academy.itu.int/main-activities/research-publications/capacitybuilding-changing-ict-environment-2018>
6. Плотицкина, Н. Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России /Н. Плотицкина // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т.64. № 4. С.70-83.

Симонова В.Н., Ширманов Е.В.

Методика применения специальных средств в рамках проведения специальных операций по борьбе с экстремизмом и терроризмом оперативными подразделениями органов внутренних дел

*Средне-Волжский институт (ф) ВГУЮ (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

Аннотация

В статье рассматривается методика применения специальных средств оперативными подразделениями органов внутренних дел в рамках проведения специальных операций по борьбе с экстремизмом и терроризмом. Особое внимание уделяется тактическим аспектам использования этих средств, а также соответствующим правовым нормам, регулирующим данные действия. Описаны ключевые этапы подготовки и реализации операций, с акцентом на необходимость взаимодействия с различными государственными и общественными структурами. Также подчеркивается значимость соблюдения прав человека и этических стандартов в процессе выполнения служебных задач. Статья представляет собой полезный ресурс для специалистов в области правоохранительных органов и будет способствовать повышению эффективности работы в сфере противодействия террористической и экстремистской деятельности.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, преступность, предупреждение, противодействие, оперативные подразделения, органы внутренних дел.

Abstract

The article examines the methodology for the use of special means by the operational units of the internal affairs authorities in the framework of conducting special operations to combat extremism and terrorism. Particular attention is paid to the tactical aspects of utilizing these means, as well as the relevant legal norms governing such actions. Key stages of

preparation and implementation of operations are described, emphasizing the need for interaction with various state and public structures. The significance of respecting human rights and ethical standards in the execution of official tasks is also highlighted. The article serves as a valuable resource for law enforcement professionals and will contribute to enhancing the effectiveness of efforts in the field of countering terrorist and extremist activities.

Keywords: terrorism, extremism, crime, prevention, counteraction, operational units, law enforcement agencies.

В современных условиях глобализации и технологического прогресса проблема экстремизма и терроризма становится одной из наиболее острых для обеспечения общественной безопасности. В связи с этим, органы внутренних дел (ОВД) нуждаются в разработке и применении эффективных методик, особенно в контексте специальных операций. Данная статья направлена на анализ методики применения специальных средств в рамках таких операций, а также на выработку рекомендаций по их использованию.

Специальные средства включают в себя как физические (например, элементы защиты, специальные инструменты), так и технические средства (например, средства наблюдения и связи). Согласно Федеральному закону «О полиции» (статья 26), правоохранные органы имеют право использовать специальные средства для выполнения оперативно-розыскных мероприятий и предотвращения преступлений. Значение правового регулирования заключается в том, что любое применение специальных средств должно быть целесообразным, пропорциональным и необходимым.

Сотрудник правоохранительных органов, использующий специальные средства в своей профессиональной деятельности, должен пройти специальную подготовку и периодически проходить проверку на профпригодность. Для применения отдельных специальных средств, например, средств разрушения преград (малогабаритных взрывных устройств) необходимо получение специального допуска.

Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за январь-август 2021 года свидетельствуют о стабильности оперативной обстановки в стране. В период с января по август 2021 года было зарегистрировано 1 356,3 тыс. преступлений, что на 0,8% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост числа зарегистрированных преступлений был зафиксирован в 36 субъектах Российской Федерации, снижение – в 49 регионах.

Некоторые задачи эффективного противодействия террористической и экстремистской деятельности долгое время оставались нерешенными. Преступления террористического характера и экстремистской направленности сегодня представляют серьезную угрозу безопасности российского государства.

За относительно короткое время терроризм и экстремизм стали одной из самых острых проблем как для нашей страны, так и для всего мирового сообщества.

Формы терроризма и экстремизма очень разнообразны, начиная от разжигания гражданской ненависти или вражды и заканчивая активными действиями незаконных вооруженных формирований.

В настоящее время перед российскими правоохранительными органами стоит задача создания сбалансированной системы противодействия терроризму и экстремизму, в которой все ее элементы должны функционировать слаженно и слаженно, как единое целое.

Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление, предупреждение и раскрытие преступлений террористического и экстремистского характера, а также применение различных сил, методов и средств, применение инновационных технологий затрудняют полноценную работу оперативных подразделений и субъектов оперативно-розыскной деятельности.

В настоящее время вопрос совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в контексте противодействия терроризму и экстремизму остается актуальным. Эффективная борьба оперативных подразделений органов внутренних дел с терроризмом и экстремизмом требует совершенствования правовой, тактической, организационной и информационной базы, а также расширения полномочий оперативного состава и повышения эффективности средств и методов, используемых в оперативно-розыскной деятельности.

Оперативно-розыскные мероприятия являются эффективным направлением работы правоохранительных органов и проводятся, в том числе, с целью предупреждения и противодействия распространению идеологии терроризма и экстремизма.

Эффективность предупреждения, выявления и раскрытия преступлений, связанных с терроризмом и экстремизмом, во многом зависит от слаженной работы сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел. Без должного взаимодействия эти силы не в состоянии адекватно реагировать на проявления терроризма и экстремизма. Важно отметить, что оперативные подразделения Федеральной службы безопасности России играют координирующую роль в борьбе с террористическими и экстремистскими преступлениями, в то время как оперативный аппарат органов внутренних дел выступает в качестве вспомогательных сил, основной задачей которых является передача оперативно значимой информации о компетенциях и оказание максимальной поддержки в рамках взаимодействия государственных правоохранительных органов.

По общему правилу, сотрудник правоохранительных органов обязан предупредить о применении специальных средств. Однако если подобное предупреждение несёт опасность самому сотруднику или иным гражданам, допустимо применение специальных средств без предупреждения. В любом случае сотрудник правоохранительных органов обязан принять меры к минимизации причиняемого применением специальных средств ущерба. Обо всех случаях, когда при применении специальных средств был причинен вред здоровью граждан либо имуществу граждан или организаций, в течение 24 часов сотрудник обязан сообщить непосредственному начальнику либо руководителю близлежащего территориального правоохранительного органа, приложив к сообщению подробный рапорт о произошедшем. О ранениях или смерти граждан в результате применения специальных средств в течение 24 часов уведомляются прокурор и близкие родственники или близкие лица гражданина. При причинении вреда жизни и здоровью сотрудник должен оказать пострадавшему неотложную помощь и в случае необходимости вызвать скорую медицинскую помощь либо принять меры к доставлению пострадавшего в лечебное учреждение.

Основным направлением совершенствования оперативно-розыскной деятельности в сфере противодействия терроризму является разработка эффективных механизмов ее координации.

Процесс проведения специальных операций можно разделить на несколько этапов:

1. Подготовка: анализ оперативной информации, разработка плана действий, определение состава группы и необходимых ресурсов.
2. Сбор информации: использование специальных средств для мониторинга ситуации на месте проведения операции.
3. Исполнение: активные действия с применением специальных средств, направленные на нейтрализацию угрозы.
4. Завершение: оценка результатов операции, анализ выполненных действий, подготовка отчетности.

На каждом этапе необходимо обеспечивать взаимодействие с другими правоохранительными структурами и службами, такими как Федеральная служба безопасности (ФСБ) и антитеррористические комиссии.

На этапе исполнения операции применение специальных средств должно быть продумано и целесообразно. Основные принципы:

- Целесообразность: использование специальных средств должно быть оправданным в контексте оперативной обстановки.
- Пропорциональность: действия должны быть соразмерны угрозе, не допуская чрезмерного применения силы.
- Безопасность граждан: обеспечивать безопасность мирных граждан и ни в коем случае не допускать их увечий.

Принимая во внимание степень опасности преступной деятельности террористических и экстремистских организаций, а также последствия их действий, необходимо осуществлять следующие меры, направленные на борьбу с этими негативными явлениями:

- 1) разрабатывать прогрессивные решения проблемных вопросов, включая меры по борьбе с терроризмом и экстремизмом;
- 2) выявлять актуальные проблемы, возникающие в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на противодействие терроризму и экстремизму.

Следует подчеркнуть, что подготовка сотрудников оперативно-розыскных подразделений, занимающихся противодействием, выявлением и раскрытием преступлений, связанных с терроризмом и экстремизмом, существенно влияет на эффективность их работы в этой сфере. В связи с этим особенно важно уделять внимание повышению квалификации сотрудников этих подразделений. экстремистской направленности.

Помимо выполнения всего комплекса задач, связанных с борьбой с терроризмом и экстремизмом, антитеррористические комиссии в субъектах Российской Федерации должны активно повышать качество профилактики этих явлений на муниципальном уровне, то есть в местах, где такая работа наиболее актуальна.

Ключевой аспект применения специальных средств в операциях по борьбе с экстремизмом и терроризмом – это соблюдение прав человека. Как указано в статье 2 Конституции Российской Федерации, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». В этом контексте оперативные подразделения должны следовать принципам необходимости и соразмерности, избегая чрезмерного применения силы и обеспечивая защиту гражданских прав.

Данная методика применения специальных средств в ходе специальных операций имеет огромное значение для повышения эффективности действий органов внутренних дел. Необходимо постоянное совершенствование методов, подходов и взаимодействия с другими службами, а также обеспечение прав человека, гражданских свобод. Статья может служить основой для дальнейших исследований и практических разработок в области обеспечения безопасности.

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – август 2021 года [Электронный ресурс].
2. Криминальная среда. Понятие, генезис, оперативно-розыскное воздействие / А.В. Богданов [и др.]; под ред. Б.П. Михайлова, Е.Н. Хазова. М., 2015.
3. Денисенко Ю.В. Вопросы планирования оперативно-розыскной деятельности подразделений по противодействию экстремизму ОВД на региональном уровне // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17-1. С. 17-19.

Туршук Л.Д.

Личные фонды в российском гражданском законодательстве

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Аннотация

В статье рассматриваются личные фонды как новая организационно-правовая форма унитарных некоммерческих организаций не так давно введенная в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации. Исследуются история развития и особенности правового регулирования данных юридических лиц, а также дискуссионные вопросы в этой сфере, предлагаются пути совершенствования гражданского законодательства.

Ключевые слова: некоммерческие организации, юридические лица, фонд, личный фонд, наследственный фонд, наследование.

Abstract

The article examines personal funds as a new organizational and legal form of unitary non-profit organizations, which was recently introduced in the first part of the Civil Code of the Russian Federation. The article explores the history of development and legal regulation of these legal entities, as well as the controversial issues in this area, and suggests ways to improve civil legislation.

Keywords: non-profit organizations, legal entities, fund, personal fund, inheritance fund, inheritance.

С 1 марта 2022 года в российском праве появилось новое юридическое лицо – личный фонд. Федеральным законом от 01.07.2021 № 287-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 287) Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) дополнен статьями 123.20–123.20-7, регулирующими положения об этом юридическом лице (личном фонде). Данным законом изменена структура норм, определяющих указанный вид некоммерческих организаций (фондов) и введена их новая классификация. Ранее, в редакции ГК РФ, действующей до 01 марта 2022 года, содержались нормы общие для фондов (ст. 123.17–123.20 ГК РФ) и нормы, регулирующие разновидность фонда – наследственный фонд.

В редакции, действующей с 01 марта 2022 года, фонды, созданные для социальных или иных общественно полезных задач, именуются общественно полезными фондами.

Расположение норм, посвященных личному фонду по отношению к нормам общественно полезного фонда, приводит отдельных авторов к выводу о том, что личный фонд является разновидностью общественно полезных фондов, поскольку положения о личном фонде изложены в подразделе 1.1. раздела 1 (общественно полезный фонд) параграфа 7 главы 4 ГК РФ. Однако если обратиться к п. 3 ст. 50 ГК РФ, где перечисляются организационно-правовые формы некоммерческих организаций, то мы увидим, что законодатель выделяет общественно полезные фонды, к которым относятся, в том числе общественные и благотворительные фонды, и личные фонды, рассматривая последние как отдельную организационно-правовую форму. Кроме того, данные фонды различаются также и по целям своей деятельности. Общественно полезные фонды преследуют благотворительные, культурные, образовательные или иные социальные, общественно полезные цели. Целью деятельности же личного фонда является управление переданным имуществом.

Представляется, что более правильным было бы выделение фондов в качестве организационно-правовой формы, как это было ранее, а общественно полезные фонды и личные фонды, рассматривать как разновидности фондов, которые в свою очередь также

делятся на подвиды: общественные фонды, благотворительные фонды и др. Соответственно в параграфе 7 главы 4 ГК указать: 1. Фонды, 1.1. Общественно полезные фонды, 1.2. Личные фонды.

Согласно новой редакции ГК наследственные фонды являются разновидностью личных фондов, в отличие от прежней редакции, где они рассматривались как разновидность фондов.

Наследственные фонды были введены в ГК Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации», положения которого вступили в силу с 1 сентября 2018 года.

Появление в ГК норм о личных фондах обусловлено несовершенством норм о наследственных фондах. Основным недостатком наследственного фонда является то, что поскольку он создается только после смерти наследодателя, не всегда возможно предусмотреть все обстоятельства которые могут быть на момент его создания и в последующем. Прежде всего, невозможно предугадать согласятся ли войти в органы управления наследственным фондом назначенные завещателем лица, что ставит под угрозу возможность создания наследственного фонда и не исполнения воли завещателя, если же они согласятся, то справятся ли эти лица с управлением наследственным фондом, чтобы преумножить переданное имущество и обеспечить интересы выгодоприобретателей. В цивилистической литературе давно обращалось внимание на эти проблемы и предлагалось учесть зарубежный опыт и ввести в российское гражданское законодательство наряду с посмертными наследственными фондами прижизненные наследственные фонды. Данные предложения были учтены законодателем, в результате чего в ГК появились нормы о личном фонде.

Однако реформа наследственного законодательства продолжается. Федеральный закон от 08.08.2024 № 237-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» внес изменения в положения о личных фондах. Было изменено понятие личного фонда. Согласно новой редакции личным фондом признается учрежденная на определенный срок либо бессрочно гражданином или после его смерти нотариусом унитарная некоммерческая организация, осуществляющая управление переданным ей этим гражданином имуществом или унаследованным от этого гражданина имуществом, а также иным имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления. В прежней редакции не было упоминания об «ином имуществе», называлось только имущество переданное гражданином-учредителем, поскольку был установлен запрет на безвозмездную передачу имущества в личный фонд иными лицами. В настоящее время такой запрет снят.

Также изменения коснулись документов, на основании которых действует личный фонд, В прежней редакции указывалось, что устав личного фонда, условия управления личным фондом и иные внутренние документы личного фонда при жизни учредителя фонда могут быть им изменены. В действующей редакции это возможно, если иное не предусмотрено уставом личного фонда, т.е. в уставе можно предусмотреть, что в указанные документы не могут вноситься изменения.

Также ранее указывалось, что «при жизни учредителя личного фонда состав органов, их функции и лица, входящие в состав органов этого фонда, определяются учредителем личного фонда в соответствии с уставом и условиями управления личным фондом». Сейчас эти положения изменены и звучат так: «При жизни учредителя личного фонда состав органов, их функции и лица, входящие в состав органов этого фонда, определяются в соответствии с уставом и условиями управления личным фондом».

В цивилистической литературе обращается внимание на то, что поскольку целью создания личного фонда является управление переданным ему имуществом, а такое управление должно преумножать имущество, что сближает личный фонд с коммерческими организациями, и ставит под сомнение обоснованность отнесения их к некоммерческим юридическим лицам. Однако в гражданском законодательстве подобные прецеденты давно имеют место, примером являются многие виды потребительских кооперативов. При этом подобные исключения не отменяют общего правила.

Также формулировки, используемые законодателем, затрагивают еще один дискуссионный вопрос. Так, п. 5 ст. 123.20-4 предусматривает, что «Личный фонд вправе заниматься предпринимательской деятельностью, соответствующей целям, определенным уставом личного фонда, и необходимой для достижения этих целей. Для осуществления предпринимательской деятельности личный фонд вправе создавать хозяйственные общества или участвовать в них». В п.4 ст. 50 ГК законодатель использует другую формулировку: «Некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям». В литературе высказывается мнение, что деятельность, приносящая доход, это некий самостоятельный вид хозяйственной деятельности, который осуществляется на основании иных правил или принципов, отличных от хозяйственной деятельности коммерческих организаций.

В то же время судебная практика уравнила эти два вида деятельности, по крайней мере, в необходимости применения соответствующих норм права. Так, п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указывает, что в случае осуществления некоммерческой организацией деятельности, приносящей доход, на нее распространяются положения законодательства, применимые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность.

При создании личных фондов не допускается соучредительство нескольких лиц, однако допускается создание личного фонда на основе имущества, являющегося общей собственностью супругов. Основное условие – супруги обязательно должны являться соучредителями личного фонда. Вместе с тем не урегулирован вопрос, как происходит передача указанного имущества фонду. Неясно также, кто обязан проверять статус имущества и наличие согласия второго супруга на его передачу. Кроме того, если общее имущество супругов оказалось передано личному фонду одним супругом без согласия другого, непонятно, какие правовые последствия могут быть применены в таком случае: признание сделки недействительной либо признание второго супруга, чье согласие не было получено, соучредителем фонда. Представляется, что в такой ситуации следует исходить из волеизъявления стать соучредителем личного фонда и интересов супруга, чье согласие на передачу имущества получено не было.

Стоимость имущества, передаваемого личному фонду (за исключением наследственного фонда) его учредителем при создании личного фонда, не может быть менее ста миллионов рублей, при этом стоимость этого имущества определяется на основании оценки его рыночной стоимости.

Подводя итог, отметим, что, личный фонд является новой эволюционной формой своего «предшественника» – наследственного фонда, дающей новые возможности в использовании своего имущества, наследовании и инвестировании. Однако, несмотря на существенное усовершенствование правовой конструкции личного фонда по сравнению с

существовавшей, а также с моделью наследственного фонда, популярность личных фондов среди россиян представляется маловероятной, так как их создание будет недоступно большинству гражданам, поскольку для этого необходимо внести не менее 100 миллионов рублей. Таким образом, правовое регулирование личных фондов еще далеко от совершенства и нуждается в дальнейшем развитии с учетом интересов общества.

1. Аюпова Г. Ф. Наследственный фонд в России: проблемы и перспективы // Молодой ученый. 2019. № 25. С. 270-276.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Зайцева Д.А. Личный фонд как новая организационно-правовая форма унитарных некоммерческих организаций // В сборнике: Эволюция российского права. Материалы XX Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург, 2022. С. 443-448.
4. Крашенинников П.В. Наследственное право. М.: Статут, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 01.07.2021 № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 08.08.2024 № 237-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»
9. Фомин В.А. Некоторые правовые особенности личного фонда // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2022. – № 1 (64). – С. 69-72.

Туршук Л.Д.

**Сравнительный анализ оформления завещания
по российскому и китайскому законодательству**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ российского и китайского наследственного законодательства устанавливающего требования к оформлению завещания. Рассматриваются положения Гражданского кодекса Китайской Народной Республики и Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующих наследование. В результате исследования сделан вывод о том, что российское и китайское законодательство имеют много схожих черт, но, в то же время и отличаются своей спецификой.

Ключевые слова: наследование, наследство, завещание, завещатель, наследственное право, наследственное правопреемство.

Abstract

The article provides a comparative analysis of Russian and Chinese inheritance legislation establishing requirements for the execution of a will. The provisions of the Civil Code of the People's Republic of China and the Civil Code of the Russian Federation regulating inheritance are considered. As a result of the study, it is concluded that Russian and Chinese legislation have many similarities, but at the same time, they also differ in their specifics.

Keywords: inheritance, inheritance, will, testator, inheritance law, inheritance succession.

Китай и Россия являются не только соседними государствами, но и стратегическими, политическими и торговыми партнерами. Дружественные, межличностные связи между нашими странами стремительно развиваются. Поэтому синергия и интеграция законодательства приобретают особую важность в российско-китайских отношениях. Вопросы распоряжения своим имуществом на случай смерти волнуют каждого. Множество граждан КНР проживает на территории России и также много российских граждан находятся в Китае. Знание особенностей оформления завещания в указанных странах представляется важным и необходимым.

Российская нормативная регламентация завещательных распоряжений предусмотрена в Гражданском кодексе Российской Федерации (часть 3) (далее – ГК РФ). Нормы китайского законодательства о наследовании по завещанию содержатся в 3 главе 6 части (книги) Гражданского кодекса Китайской Народной Республики (далее – КНР). Китайское наследственное законодательство удивительным образом сочетает в себе черты континентальной (романо-германской) правовой системы с общим правом (англо-саксонским), а также включает положения традиционного древнекитайского и социалистического права. Российское же наследственное право относится к романо-германской правовой системе, большая часть норм заимствована из Германского Гражданского Уложения, однако при этом сохранена преемственность с советским и дореволюционным гражданским законодательством.

Согласно Гражданскому кодексу РФ завещание, по общему правилу, должно быть нотариально удостоверено, либо заверено уполномоченным лицом, указанным в законе, что приравнивается к нотариальной форме. Вообще роль нотариуса в оформлении наследственных прав в российском наследственном праве весьма значительна по сравнению с китайским законодательством. Некоторые виды завещательных распоряжений для придания им юридической силы должны быть удостоверены только нотариально. Так, только нотариус может заверить совместное завещание супругов, закрытое завещание, завещание о создании наследственного фонда, наследственный договор.

В отличие от российского законодательства Гражданский кодекс КНР допускает простую письменную форму завещания без нотариального удостоверения. Согласно статье 1134 ГК КНР собственноручное завещание должно быть составлено и подписано завещателем с указанием года, месяца и дня. Для его действительности не требуется удостоверения у нотариуса или свидетелями. Гражданин может оформить нотариально заверенное завещание через нотариальное учреждение (ст. 1139 ГК КНР), но может прибегнуть также и к другим возможностям, которые предоставляет ему Кодекс. В частности, согласно статье 1136 ГК КНР завещание может быть составлено в печатном виде в присутствии свидетелей, которые заверяют его своими подписями.

Составить завещание, как по российскому, так и по китайскому Гражданскому кодексу, может только физическое лицо, обладающее полной дееспособностью. При этом, и в России, и в Китае, завещателю предоставлено право завещать свое имущество любому лицу, как включенному в состав наследников по закону, так и не относящемуся к таковым, как физическим, так и юридическим лицам и публичным образованиям, а также завещать наследство наследственному фонду (трасту), который будет создан только после смерти наследодателя.

Общим по российскому и китайскому наследственному законодательству также является установление одинаковых требований к свидетелям завещания. Ими не могут быть:

- нотариус или другое удостоверяющее завещание лицо;
- лицо, в пользу которого составлено завещание или сделан завещательный отказ, супруг такого лица, его дети и родители;
- граждане, не обладающие дееспособностью в полном объеме;
- неграмотные;

- граждане с такими физическими недостатками, которые явно не позволяют им в полной мере осознавать существо происходящего;
- лица, не владеющие в достаточной степени языком, на котором составлено завещание, за исключением случая, когда составляется закрытое завещание;
- супруг при совершении совместного завещания супругов;
- стороны наследственного договора (п. 2 ст. 1124 ГК РФ).

Особенностью китайского наследственного законодательства является возможность составить завещание в незнакомых для российского наследственного права формах. Так, согласно статье 1137 ГК КНР завещательное распоряжение может быть оформлено в виде аудиозаписи или видеозаписи, т.е. завещатель может записать текст завещания на диктофон или сделать видеозапись, при этом должны обязательно присутствовать свидетели. Важным требованием к такому завещанию является необходимость записи завещателем и свидетелями своих имен или изображений, а также указание года, месяца и числа составления в аудио- и видеозаписях. Такой способ оформления завещательного распоряжения весьма практичен, его легко применить, используя смартфон.

Другой незнакомой для российского наследственного законодательства формой завещания, предусмотренной китайским наследственным правом, является устная форма. Хотя такая форма давно применяется в англо-саксонской правовой системе. Статья 1138 ГК КНР устанавливает, что в чрезвычайной ситуации завещатель может сделать устное завещание в присутствии свидетелей. После устранения критической ситуации, если завещатель в состоянии составить завещание в письменной форме или аудиовизуальной записи, устное завещание считается недействительным

Российское наследственное законодательство в критической ситуации также допускает отступление от обычного порядка оформления завещательного распоряжения, но все-таки более консервативно. Так, согласно п. 1 ст. 1129 ГК РФ гражданин, который находится в положении, явно угрожающем его жизни, и в силу сложившихся чрезвычайных обстоятельств лишен возможности совершить завещание в соответствии с обычными правилами ГК, может изложить последнюю волю в отношении своего имущества в простой письменной форме. При этом обязательно присутствие двух свидетелей, а завещатель обязан собственноручно написать и подписать такой документ, и из его содержания должно явствовать, что он представляет собой завещание. Также как и в ГК КНР, такое завещание утрачивает силу, если завещатель в после прекращения чрезвычайных обстоятельств не воспользуется возможностью совершить завещание в какой-либо иной форме, предусмотренной ГК РФ. Однако, в отличие от китайского наследственного законодательства, в случае смерти наследодателя, его наследники для получения наследственного имущества должны в течение срока, установленного для принятия наследства, обратиться в суд для подтверждения факта совершения завещания в чрезвычайных обстоятельствах. Такая консервативность российского законодателя объясняется стремлением защитить своих граждан от мошеннических действий, но, однако весьма непрактична, поскольку в опасной ситуации у лица может просто не оказаться под рукой бумаги и ручки, не говоря уже о присутствии двух свидетелей. Более приемлемым было бы установление в Гражданском кодексе РФ возможности совершения завещания в форме аудио или видеозаписи, по аналогии с нормами Гражданского кодекса КНР. Тогда, используя обычный смартфон, который, как правило, граждане всегда носят с собой, легко оформить завещательное распоряжение. Для защиты от мошенничества такое завещание можно проверить на подлинность в судебном порядке, путем проведения экспертизы. Кроме того, представляется приемлемым закрепление в российском гражданском законодательстве возможности составления завещания в электронной форме (в форме электронного документа), а для защиты от несанкционированного вмешательства третьих лиц в текст завещания использовать блокчейн-технологии.

Подводя итог сравнительному анализу регламентации формы завещания по российскому и китайскому наследственному законодательству, можно сделать вывод о том, что российское и китайское законодательство имеют много схожих черт, но, в то же время и отличаются своей спецификой. Некоторые положения Гражданского кодекса КНР о формах завещательных распоряжений имеют более прогрессивный характер и учитывают уровень научно-технического развития современного общества по сравнению с нормами Гражданского кодекса РФ. Представляется, что опыт китайского законодателя необходимо учесть отечественному законодателю, его следует изучить и рассмотреть на предмет возможности применения для совершенствования российского наследственного законодательства.

1. Алексеев А. П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 12. С. 199-211.
2. Баранов Е.В. Электронное завещание: проблемы и перспективы правовой регламентации // В сборнике: Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы. материалы VI межвузовской студенческой научной конференции. Москва, 2022. С. 242-243.
3. Гражданский кодекс Китая: Книга VI о наследовании от 28.05.2020 // URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-vi-succession-20200528/enchn> (дата обращения 07.06.2025).
4. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / отв. ред. П. В. Трошинский. – М.: Синосфера, 2020. – 448 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Трошинский П. В. Кодификация гражданского законодательства Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 2. – С. 56-68.

Укуев А.Ч., Ормонова Э.А., Камалов А.Н.
Правовое регулирование и эффективность молодежной политики
в местном самоуправлении: проблемы и перспективы

ОшГУ
(Кыргызстан, Ош)

Аннотация

Настоящая статья посвящена комплексному анализу правовых основ и эффективности реализации молодежной политики на уровне местного самоуправления. Исследуются действующие нормативные правовые акты, регулирующие данную сферу, выявляются ключевые проблемы их применения и обеспечения. Особое внимание уделяется практическим аспектам взаимодействия органов местного самоуправления с молодежными общественными объединениями и инициативами. Формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования и повышению результативности молодежной политики в муниципальных образованиях.

Ключевые слова: молодежная политика, местное самоуправление, муниципальное образование, правовое регулирование, эффективность, молодежь, государственная молодежная политика, участие молодежи.

Abstract

This article is devoted to a comprehensive analysis of the legal framework and the effectiveness of youth policy implementation at the level of local self-government. It examines current legal and regulatory acts governing this sphere and identifies key issues related to their application and enforcement. Special attention is paid to the practical aspects of interaction between local self-government bodies and youth public organizations and initiatives. The article offers proposals for improving legal regulation and enhancing the effectiveness of youth policy in municipalities.

Keywords: youth policy, local self-government, municipality, legal regulation, effectiveness, youth, state youth policy, youth participation.

Развитие молодежной политики является одним из стратегических приоритетов государства, направленных на формирование активного, ответственного и конкурентоспособного молодого поколения. Особое значение в этом процессе приобретает уровень местного самоуправления, поскольку именно на данной территориальной основе осуществляется непосредственное взаимодействие с молодежью, учитываются ее локальные потребности и формируются условия для самореализации. От эффективности молодежной политики в муниципальных образованиях напрямую зависит не только благополучие молодого поколения, но и устойчивое развитие территорий в целом. Однако, несмотря на значимость данной сферы, правовое регулирование молодежной политики на муниципальном уровне, равно как и оценка ее реальной эффективности, сталкивается с рядом системных проблем. Зачастую отсутствует единое понимание роли и места органов местного самоуправления в реализации государственной молодежной политики, наблюдается фрагментарность нормативной правовой базы, а также недостаточность ресурсного и кадрового обеспечения. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью глубокого теоретического осмысления существующих правовых механизмов, выявления узких мест в их применении и разработки научно обоснованных предложений по совершенствованию системы молодежной политики на муниципальном уровне. Цель статьи – провести всесторонний анализ правового регулирования и оценить эффективность молодежной политики в местном самоуправлении, обозначив ключевые проблемы и перспективы ее развития.

Молодежная политика, как самостоятельное направление государственной деятельности, приобретает особую специфику в контексте местного самоуправления. На этом уровне она реализуется через систему муниципальных правовых актов, программ и мероприятий, направленных на создание благоприятных условий для всестороннего развития молодежи, ее интеграции в общественную жизнь и раскрытия потенциала. Важно отметить, что законодательство "О молодежной политике в Кыргызской Республике" задает общие рамки и принципы, однако детальное правовое регулирование, учитывающее специфику конкретного муниципального образования, относится к компетенции органов местного самоуправления [1].

В основе молодежной политики на муниципальном уровне лежат конституционные положения о местном самоуправлении как самостоятельном уровне публичной власти, а также принципы субсидиарности и децентрализации. Это означает, что именно муниципалитеты должны быть максимально близки к потребностям молодежи, обеспечивая непосредственное взаимодействие и оперативную реакцию на вызовы. Правовая регламентация молодежной политики в муниципалитетах включает в себя [2]:

- **Уставы муниципальных образований:** Определяют общие положения о полномочиях органов местного самоуправления в сфере молодежной политики.
- **Муниципальные нормативные правовые акты:** Регулируют конкретные вопросы, такие как создание молодежных советов, порядок предоставления грантов, организацию досуга, поддержку инициатив и т.д.
- **Муниципальные программы:** Являются инструментом планирования и финансирования мероприятий в сфере молодежной политики.

Однако на практике наблюдается значительная вариативность в подходах к правовому регулированию. Ряд муниципальных образований имеют развитую нормативную базу и эффективно функционирующие институты, в то время как другие ограничиваются минимальными формальными актами. Это свидетельствует о необходимости дальнейшей унификации подходов и разработке типовых правовых решений, которые могли бы быть адаптированы к местным условиям. Особое внимание следует уделить формированию четкого перечня полномочий органов местного

самоуправления в данной сфере, их разграничению с региональным и федеральным уровнем, а также определению источников финансирования, что позволит избежать дублирования или, наоборот, пробелов в правовом регулировании.

Несмотря на заявленную значимость молодежной политики, ее реальное обеспечение и эффективность на муниципальном уровне сталкиваются с рядом серьезных проблем, носящих как правовой, так и организационно-ресурсный характер. Одной из ключевых проблем является недостаточная конкретизация полномочий органов местного самоуправления в законодательстве. Закон "О молодежной политике" является рамочным и не всегда содержит четкие императивные нормы, обязывающие муниципалитеты к определенным действиям. Это приводит к тому, что молодежная политика часто воспринимается органами местного самоуправления как факультативное направление, а не как обязательная функция, что отражается на ее приоритетности и ресурсном обеспечении. Следующая проблема – дефицит кадрового и финансового обеспечения [3]. Отсутствие квалифицированных специалистов по работе с молодежью в штате муниципальных администраций, а также недостаточное финансирование программ и проектов значительно снижают потенциал реализации заявленных целей. Часто молодежная политика возлагается на сотрудников, не имеющих специальной подготовки, что сказывается на качестве разрабатываемых и реализуемых инициатив. Бюджеты многих муниципалитетов не позволяют выделять достаточные средства на поддержку молодежных проектов, создание инфраструктуры и проведение мероприятий, что особенно актуально для малых городов и сельских территорий.

Кроме того, вызывает беспокойство **низкий уровень вовлеченности самой молодежи в процесс принятия решений и реализации молодежной политики.** Несмотря на наличие молодежных парламентов, советов и других форм участия, их деятельность зачастую носит формальный характер, а реальное влияние на муниципальные процессы ограничено. Это приводит к отчуждению молодежи от органов власти и снижает доверие к проводимым мероприятиям, делая их менее эффективными. Отсутствие действенных механизмов обратной связи и учета мнения молодежи ведет к тому, что реализуемые проекты не всегда соответствуют реальным потребностям и интересам целевой группы. Также следует отметить **фрагментарность и разобщенность подходов** в различных муниципальных образованиях. Отсутствие единых методических рекомендаций и стандартов реализации молодежной политики приводит к тому, что успешный опыт одних муниципалитетов не тиражируется, а другие вынуждены заново "изобретать колесо". Это препятствует формированию единой и эффективной системы молодежной политики на национальном уровне, снижая ее общую результативность [4].

Проведенный анализ подтверждает, что молодежная политика на уровне местного самоуправления является одним из ключевых направлений государственной деятельности, определяющим будущее страны. Несмотря на наличие определенной правовой базы, ее эффективность сталкивается с существенными проблемами, обусловленными как несовершенством нормативного регулирования, так и дефицитом ресурсов, а также недостаточной вовлеченностью самой молодежи. Для повышения результативности молодежной политики в муниципальных образованиях необходим комплексный подход, включающий в себя: совершенствование федерального и регионального законодательства в части детализации полномочий органов местного самоуправления, разработку четких механизмов финансирования и кадрового обеспечения, активное внедрение инструментов общественного участия и цифровых технологий. Важнейшим условием является также формирование системы объективных показателей эффективности, позволяющих оценить реальное воздействие реализуемых программ на жизнь молодежи. Только системное решение обозначенных проблем позволит создать благоприятную среду для развития молодого поколения и полноценного

использования его потенциала на благо местного сообщества и государства в целом. Дальнейшие научные исследования в этой области должны быть сосредоточены на изучении лучшего опыта регионов и муниципалитетов, а также на разработке инновационных подходов к организации работы с молодежью.

1. Авакьян, С. А. Конституционное право Кыргызстана: учебный курс: в 2 т. Т. 2 / С. А. Авакьян. – 6-е изд., перераб. и доп. – Б: Норма: – 928 с.
2. Бабичев, И. В. Местное самоуправление в современной России: вопросы теории и практики / И. В. Бабичев. – Москва: Проспект, 2018. – 368 с.
3. Васильев, В. И. Муниципальное право России: учебник / В. И. Васильев. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрлитинформ, 2022. – 704 с.
4. Великая, Н. М. Государственная молодежная политика: проблемы и перспективы развития: монография / Н. М. Великая, Т. С. Позднякова. – Москва: Изд-во РГГУ, 2019. – 280 с.

**Эргашов А.М., Кудаяров Ж.Ж., Муратов К.Э.
Особенности уголовной ответственности
за посягательства на предпринимательство**

*ОшГУ
(Кыргызстан, Ош)*

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые аспекты уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность. Анализируется правовая природа предпринимательства как объекта уголовно-правовой охраны, выделяются особенности квалификации таких деяний с учетом их специфики и многообъектности. Особое внимание уделяется проблемам отграничения преступлений в сфере предпринимательства от смежных составов, а также вопросам дифференциации уголовной ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности посягательства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, предпринимательская деятельность, преступления в сфере экономики, объект преступления, квалификация, дифференциация ответственности, уголовное право.

Abstract

This article examines the key aspects of criminal liability for offenses that encroach upon entrepreneurial activities. It analyzes the legal nature of entrepreneurship as an object of criminal-legal protection, highlighting the specific features of qualifying such acts considering their particularities and multi-objectivity. Special attention is given to the issues of distinguishing crimes in the sphere of entrepreneurship from related offenses, as well as to the problems of differentiating criminal responsibility depending on the nature and degree of public danger of the encroachment.

Keywords: criminal liability, entrepreneurial activity, economic crimes, object of the crime, qualification, differentiation of responsibility, criminal law.

Развитие рыночной экономики и поддержка предпринимательской инициативы являются стратегическими приоритетами любого современного государства. В условиях динамичного развития экономических отношений возрастает и количество угроз, которым подвергаются субъекты предпринимательства. Эти угрозы зачастую носят криминальный характер, посягая как на имущественные интересы, так и на деловую репутацию, стабильность и саму возможность осуществления законной предпринимательской деятельности. Эффективность уголовно-правовой защиты

предпринимательства напрямую влияет на инвестиционную привлекательность, развитие конкурентной среды и, в конечном итоге, на экономический рост страны.

Уголовное законодательство Российской Федерации, как и уголовное законодательство других стран постсоветского пространства, постоянно адаптируется к вызовам, возникающим в сфере экономических отношений. Тем не менее, остаются нерешенные теоретические и практические проблемы, связанные с уголовной ответственностью за посягательства на предпринимательство. Это обусловлено как сложностью самого объекта уголовно-правовой охраны – предпринимательской деятельности, так и многообразием форм криминальных посягательств, требующих тонкой правовой оценки.

Настоящая статья ставит своей целью комплексный анализ особенностей уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность, выявление актуальных проблем правовой регламентации и правоприменения, а также формулирование предложений по совершенствованию законодательства в этой области.

Предпринимательская деятельность как объект уголовно-правовой охраны

Для понимания особенностей уголовной ответственности за посягательства на предпринимательство принципиальное значение имеет корректное определение объекта уголовно-правовой охраны. Предпринимательская деятельность, согласно гражданскому законодательству, представляет собой самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Однако в контексте уголовного права объект защиты приобретает более широкий характер. Помимо непосредственно имущественных интересов, уголовное право охраняет и общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование предпринимательской деятельности, а также права и законные интересы субъектов этой деятельности. Таким образом, речь идет о комплексном, многоаспектном объекте, который включает:

- **Экономические интересы:** прибыль, имущество, деловая репутация, конкурентные преимущества.
- **Установленный порядок осуществления предпринимательской деятельности:** соблюдение правил регистрации, лицензирования, налогообложения, антимонопольного регулирования и т.д.
- **Права и свободы предпринимателей:** право на свободное осуществление предпринимательской деятельности, право на защиту от неправомерного вмешательства, право на судебную защиту.

При этом необходимо отметить, что преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность, зачастую являются **многообъектными**. Так, мошенничество в сфере предпринимательства (ст. 159.4 УК РФ, ныне утратившая силу, но послужившая предметом серьезных дискуссий) помимо интересов собственника посягает на установленный порядок осуществления экономической деятельности. Аналогично, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169 УК РФ) непосредственно направлено на нарушение прав и свобод предпринимателей.

Классификация и виды преступлений, посягающих на предпринимательство

Преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность, можно классифицировать по различным основаниям, что позволяет глубже уяснить их специфику:

- **По характеру непосредственного объекта посягательства:**
 - Преступления, посягающие на имущественные интересы предпринимателей (хищения, вымогательство, причинение

- имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, вандализм, уничтожение или повреждение имущества).
- Преступления, посягающие на установленный порядок осуществления предпринимательской деятельности (незаконное предпринимательство, незаконная банковская деятельность, лжепредпринимательство, незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг), незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, если он связан с предпринимательской деятельностью).
 - Преступления, посягающие на права и свободы предпринимателей (воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, рейдерство, злоупотребление должностными полномочиями в отношении предпринимателей).
 - Преступления, связанные с недобросовестной конкуренцией (недобросовестная конкуренция, принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения).
 - **По субъекту преступления:**
 - Преступления, совершаемые внешними по отношению к предпринимательской деятельности лицами (например, мошенничество, вымогательство).
 - Преступления, совершаемые должностными лицами (например, превышение должностных полномочий, получение взятки).
 - Преступления, совершаемые самими субъектами предпринимательства (например, уклонение от уплаты налогов, незаконное предпринимательство).

Важно отметить, что многие из этих преступлений имеют сложный состав и требуют тщательного анализа при квалификации.

Проблемы квалификации и отграничения от смежных составов

Одной из центральных проблем уголовной ответственности за посягательства на предпринимательство является корректная квалификация деяний и их отграничение от смежных составов. Это связано с рядом факторов:

- **Комплексность и многообъектность:** Как было отмечено, многие преступления в сфере предпринимательства посягают на несколько объектов, что может привести к коллизиям при квалификации.
- **Сложность определения «предпринимательской деятельности» в уголовно-правовом контексте:** Не всегда легко установить, является ли потерпевший в уголовном деле именно субъектом предпринимательской деятельности, а также, совершено ли деяние именно в сфере предпринимательства. Это особенно актуально для преступлений, предусмотренных статьями 159-159.6 УК РФ (мошенничество).
- **Проблемы отграничения от гражданско-правовых деликтов:** Зачастую грань между неисполнением гражданско-правовых обязательств и уголовно наказуемым деянием бывает очень тонкой. Разграничение должно основываться на наличии умысла на хищение или иное криминальное посягательство, а не просто на нарушении договорных условий. Судебная практика Верховного Суда РФ в последние годы уделяет этому вопросу особое внимание, подчеркивая недопустимость необоснованного привлечения предпринимателей к уголовной ответственности за невыполнение договорных обязательств.
- **Недостатки законодательной техники:** Отдельные нормы УК РФ, касающиеся предпринимательства, сформулированы недостаточно четко, что порождает проблемы толкования и применения. Например,

диспозиции некоторых статей содержат оценочные понятия, требующие дополнительной разъяснительной работы со стороны высших судебных инстанций.

- **Дифференциация уголовной ответственности:** Необходимо тщательно разграничивать деяния по степени их общественной опасности. Законодатель стремится дифференцировать ответственность, вводя специальные нормы для преступлений в сфере предпринимательства (например, ранее ст. 159.4 УК РФ, а также ряд положений, касающихся уклонения от уплаты налогов). Однако не всегда эти меры оказываются достаточными или адекватными.

Пути совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики

Для обеспечения более эффективной уголовно-правовой защиты предпринимательской деятельности необходимо реализовать комплекс мер, направленных на совершенствование как законодательства, так и правоприменительной практики:

1. **Уточнение и унификация понятийного аппарата:** Разработка единых критериев отнесения деяний к преступлениям, посягающим на предпринимательство, и четкое определение сферы их применения. Возможно, целесообразно внести изменения в общие положения Уголовного кодекса или принять постановление Пленума Верховного Суда, разъясняющее спорные моменты.
2. **Повышение определенности диспозиций уголовно-правовых норм:** Минимизация использования оценочных понятий, четкое описание признаков составов преступлений, что позволит снизить дискреционность в правоприменительной деятельности.
3. **Дальнейшая дифференциация уголовной ответственности:** Возможно, рассмотрение вопроса о целесообразности введения новых специальных составов преступлений, более точно отражающих специфику посягательств на предпринимательство, или модификация существующих. При этом важно соблюдать баланс между защитой интересов предпринимателей и принципами справедливости и соразмерности наказания.
4. **Развитие судебной практики и разъяснений высших судебных инстанций:** Постановления Пленума Верховного Суда РФ играют ключевую роль в формировании единообразной правоприменительной практики. Необходимо продолжить работу по систематизации и детализации подходов к квалификации преступлений в сфере предпринимательства, а также к отграничению их от гражданско-правовых отношений.
5. **Укрепление координации между правоохранительными органами и бизнес-сообществом:** Диалог и взаимодействие позволят лучше понимать потребности предпринимателей в защите и адаптировать механизмы уголовно-правового реагирования.
6. **Повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов:** Специализированные программы обучения для следователей, дознавателей и прокуроров по вопросам, связанным с квалификацией экономических преступлений и преступлений в сфере предпринимательства, позволят снизить количество ошибок и злоупотреблений.

Заключение

Уголовная ответственность за посягательства на предпринимательство является важным элементом системы правовой защиты экономики. Эффективность этой защиты определяется не только наличием соответствующих норм в уголовном законе, но и их качеством, адекватностью правоприменительной практики и постоянным совершенствованием с учетом динамики экономических отношений.

Проблемы, связанные с определением объекта посягательства, квалификацией деяний, отграничением от гражданско-правовых споров, а также с дифференциацией ответственности, требуют дальнейшего глубокого научного осмысления и практического решения. Только системный подход, включающий совершенствование законодательства, развитие судебной практики и повышение профессионального уровня правоприменителей, позволит обеспечить надежную уголовно-правовую защиту законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и создать благоприятный инвестиционный климат.

1. Баранов В.Л. Уголовная ответственность за экономические преступления: учеб. пособие. – М.: Юрайт, 2018. – 320 с.
2. Гончаров В.Ф., Иванова И.Б. Особенности квалификации преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Журнал российского права. – 2019. – № 5. – С. 45-52.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301 (с изм. и доп.).
4. Лукьянов А.Ю. Особенности квалификации преступлений в сфере предпринимательства // Вестник уголовного и исполнительного права. – 2017. – № 3. – С. 12-19.
5. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33. – Ст. 3415.
6. Петров В. В. Уголовная ответственность за преступления в сфере предпринимательства: учебник. – СПб.: Издательство «Питер», 2019. – 256 с.

РАЗДЕЛ VII. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреев И.В.

М.Я. Острогорский: идейное наследие и современность

*Независимый исследователь
(Россия, Москва)*

Аннотация

В статье рассматривается жизненный и творческий путь выдающегося отечественного политического мыслителя, одного из основоположников современной теории политических партий Моисея Яковлевича Острогорского (1854-1921). Дается характеристика ключевых идей его концепции политических партий и особенно положений, наиболее актуальных в современных условиях.

Ключевые слова: М.Я. Острогорский, теория политических партий, современный политический процесс.

Abstract

The article examines the life and creative path of the outstanding Russian political thinker, one of the founders of the modern theory of political parties, Moisei Yakovlevich Ostrogorsky (1854-1921). The article describes the key ideas of his concept of political parties and especially the provisions that are most relevant in modern conditions.

Keywords: M.Y. Ostrogorsky, theory of political parties, modern political process.

В последние десятилетия возрастает интерес к творчеству выдающегося отечественного политического мыслителя, одного из основоположников теории политических партий Моисея Яковлевича Острогорского (1854-1921) [1; 2, с. 77-114; 3; 4]. Однако и сейчас остаётся нерешённым ряд вопросов. К их числу относятся, в частности, конкретизация некоторых аспектов биографии мыслителя, уточнение библиографии его трудов и корреспонденции, проблемы актуальности его предвидений в современных условиях. Некоторые из этих вопросов станут предметом рассмотрения в настоящей статье.

М.Я. Острогорский родился в 1854 г. в местечке Семятичи Гродненской губернии (ныне г. Семятыче в Польше) в семье школьного учителя. Его детство и юность прошли в Гродно, где он окончил гимназию. В 1871-1875 гг. он учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, который окончил с ученой степенью кандидата права. На соискание этой степени он представил диссертацию «Исторический очерк французского законодательства о печати», в которой уже просматриваются симпатии автора к идеологии либерализма и критическое отношение к институту политических партий [5]. В 1875-1882 гг. он работал в Министерстве юстиции, где дослужился до должности редактора законодательного отделения. Начальство отмечало его «яркие, исключительные способности» [6, л. 65].

Острогорский мечтал о карьере в качестве судьи, но катастрофа 1 марта 1881 г. устранила эту перспективу. Новый царь Александр III ввел дополнительные ограничительные меры против евреев. Не устраивало Острогорского и общее ухудшение политической обстановки в стране.

В 1882 г. Острогорский эмигрировал во Францию и в 1883-1885 гг. учился в парижской Свободной школе политических наук. После её окончания он участвовал в семинарах выпускников и сделал первые доклады по тематике политических партий [7, р. 478-479]. Первоначально он уделил главное внимание американской партийной системе.

Итогом этой работы стала серия статей в журнале Свободной школы в 1889 г., которая в том же году вышла отдельным изданием [8].

Затем у Острогорского возник план изучить и британские политические партии и подготовить сравнительное исследование двух партийных систем – американской и британской. В 1889 г. он приехал в Лондон и начал заниматься в библиотеке Британского музея. Большое влияние на Острогорского оказало личное знакомство с Дж. Брайсом – английским историком, автором трехтомного труда «Американская республика» (1889). Около 250 страниц в третьем томе этой монографии были посвящены характеристике партийной системы США.

Через несколько лет у Острогорского возникло желание посетить США. В 1896 г. он следил за ходом президентской избирательной кампании, завершившейся избранием республиканца У. Мак-Кинли. При этом Острогорский использовал достаточно широкий для того времени спектр методов сбора первичной социологической информации, включавший наблюдение, интервью, анализ документов, экспертный опрос.

В 1902 г. Острогорский опубликовал капитальный двухтомный труд «Демократия и организация политических партий». Первый том этого сравнительного исследования был посвящен анализу британской партийной системы, а второй – характеристике американской. Предложенный Острогорским проект реформы политической системы был разработан в рамках либеральной парадигмы «рационалистического индивидуализма», предполагавшей создание условий для усиления интеллектуальной составляющей личностной и групповой деятельности. Базовым компонентом этого проекта было вытеснение политических партий (в том числе и с помощью юридических механизмов) из политической сферы. На смену им, полагал мыслитель, могла бы прийти система временных узкоспециализированных групп интересов, способных эффективно реагировать на «бесконечно более многочисленные и разнородные», чем ранее, проблемы. Участие в группах интересов позволило бы гражданам, как считал Острогорский, значительно лучше осознавать цели своей политической деятельности, принимать более грамотные и ответственные решения, контролировать поведение руководства общественно-политических организаций, не допуская его бюрократизации и «олигархизации» [9].

В 1906 г. Моисей Яковлевич получил возможность на личном опыте по-лучить представление о специфике межпартийного взаимодействия, будучи избранным в состав I Государственной думы от своей родной Гродненской губернии. Оставаясь «принципиально» беспартийным, при голосованиях чаще всего он поддерживал кадетов. Активно участвуя в разработке регламента работы Думы, он добивался ограничения влияния партийных фракций на принятие думских решений.

После роспуска I Думы, просуществовавшей только 72 дня, Острогорский ещё дважды – в феврале и октябре 1907 г. – пробовал переизбраться в новые составы этого законодательного органа, но безуспешно. В 1907 г. он вошел в состав руководства прокадетского течения в еврейском национальном движении – Еврейской народной группы, деятельность которой, впрочем, до 1917 г. была малозаметной.

Вытеснение Острогорского из сферы «большой» практической политики после 1906 г., однако, оставляло ему больше времени для дальнейшей разработки и популяризации своей теории. В 1910 г. он издал в США переработанное издание 2-го тома своего главного труда – монографию «Демократия и политические партии в Соединенных Штатах. Исследование внеконституционного правительства». А в 1912 г. в Париже вышло переработанное, сокращенное и приспособленное для восприятия широкой публики издание всего его главного труда под названием «Демократия и политические партии». В сентябре – декабре 1913 г. в четырех номерах петербургского журнала «Вестник Европы» Моисей Яковлевич напечатал свою новую работу – «Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека».

Увы, ещё до завершения этой журнальной публикации, в сентябре 1913 г., Острогорского постигло тяжелое несчастье – кровоизлияние в мозг, обусловившее паралич левой половины тела и нарушение мыслительных способностей. Поскольку лечение в специализированной клинике не дало желаемых результатов, ученый в мае 1914 г. был официально объявлен сумасшедшим, над его имуществом установлена опека, а сам он по решению родственников отправлен на лечение в Германию. После начала мировой войны перед Моисеем Яковлевичем возникли дополнительные трудности по возвращению на родину, и только в 1916 г., несколько оправившись от болезни, он смог кружным путем – через Швейцарию, Францию, Великобританию и скандинавские страны – вернуться в Россию.

После октябрьского переворота 1917 г., в тяжелейших условиях полуголодного существования, ученый преподавал в петроградских вузах политические науки. Оценивая ситуацию тех лет ретроспективно, мы видим, что объективным содержанием подвижнических усилий Острогорского, как и некоторых других, весьма немногочисленных ученых, была попытка инициировать процесс *институционализации политологии* в системе советской высшей школы. 12 (по другим данным, 13) марта 1921 г. М.Я. Острогорский скончался в больнице им. С. Перовской.

Каким же образом обосновывал М.Я. Острогорский свой ключевой тезис о несоответствии института политических партий задачам дальнейшего развития демократической политической системы?

Ученый полагал, что к началу XX в. в основном завершился процесс размывания идейно-политической идентичности традиционных американских и английских партий, обусловленный исчерпанием значимых социальных проблем в США после гражданской войны и в Великобритании после отмены протекционистских «хлебных законов» (1846 г.). Поэтому партии стали предлагать избирателям сложные программы, представляющие собой конгломерат случайных требований.

Возникла проблема истолкования смысла голосования избирателей за партии, предлагающие сложные программы. Во-первых, рядовой избиратель, как правило, не знает всей программы «своей» партии. Во-вторых, не ясно, какие именно пункты программы победившей партии пользуются наибольшей поддержкой избирателей. Сложилась ситуация, когда правительство стало «слагаемым нескольких меньшинств». Таким образом, снижается рациональная природа вотума электората и сомнительным представляется тезис о том, что современные выборы являются средством выражения воли большинства.

Во внутрипартийных отношениях ясно обозначилась проблема *кокуса*, т.е. обособления от основной массы членов партии её руководящей элиты, способной автономно распоряжаться материальными ресурсами, информацией, навязывать кадровые решения. Этот вывод М.Я. Острогорский сделал задолго до Р. Михельса, которому обычно приписывают открытие «железного закона олигархии». При этом, отметил Острогорский, чем меньше члены партии понимают смысл существования своей партии, тем больше руководство партии стремится контролировать их поведение, чтобы заставить их следовать «нужным» курсом. «Партийная жизнь... – полагал Острогорский, – представляет собой... длительную школу рабского подчинения» [9, с. 557].

Исходя из этого, ученый сделал вывод об утрате партиями смысла своего существования и превращения их в организации, ориентированные преимущественно на достижение государственной власти, рассматриваемой как инструмент перераспределения в своих интересах экономических и социальных ресурсов. Этот тезис можно рассматривать как формулировку Острогорским *основного противоречия политической партии*.

Партийный характер формирования правительства, полагал М.Я. Острогорский, подрывает основополагающий принцип демократии – принцип разделения властей,

поскольку деятельность органов и законодательной, и исполнительной власти, по сути дела, начинает направляться одним и тем же кругом лиц.

Большой интерес представляет сопоставление Острогорским двух типов личности, сформировавшихся в процессе социально-политического развития высокоразвитых стран в XIX в. По мнению ученого, для «эмансипированного типа» личности характерны социальная активность, критическое восприятие политической реальности, свободная ориентация в партийно-политическом спектре, иммунитет к политической манипуляции. «Ослабленный тип» личности характеризуется социальной пассивностью, конформизмом, узким горизонтом политического сознания, подверженностью политической манипуляции. При этом во многом благодаря существованию института политических партий, политически дезориентирующих электорат и блокирующих самостоятельность партийных масс, «эмансипированный тип» личности все более вытесняется «ослабленным типом».

Исходя из всего вышеперечисленного, Острогорский сделал вывод о том, что институт политических партий к концу XIX в. обусловил общий кризис демократической политической системы и ускорил процесс личностной деградации граждан. Единственной альтернативой данной ситуации является, полагал ученый, постепенное вытеснение этого института из политической жизни, в том числе с применением юридических механизмов, и прежде всего законодательного запрета на участие политических партий в выборах.

Заменой института политических партий, могла бы стать, прогнозировал мыслитель, *система временных узкоспециализированных групп интересов («свободных союзов»)*. У данного института Острогорский усматривал следующие преимущества:

- поскольку они имеют только одну цель, она хорошо понятна участникам союза;
- смысл голосования избирателей совершенно ясен;
- ввиду ограниченности срока существования союза его руководство не успевает «обюрократиться» и обособиться от контроля участников союза.

Точка зрения Острогорского о размывании идейно-политической идентичности партий, как показала политическая практика, оказалась не вполне корректной, представляя собой излишнюю акцентировку реально существующей тенденции. Так, например, сам Острогорский не смог дать сколько-нибудь удовлетворительного объяснения феномену становления и роста политического влияния социал-демократических партий. В ещё большей мере этот тезис мыслителя был поставлен под сомнение фактом возникновения международного коммунистического движения, ставшего на протяжении большей части XX в. весьма заметным фактором мирового развития.

В научной литературе подвергся критике и тезис Острогорского об особой роли временных узкоспециализированных групп интересов в оздоровлении политической жизни общества. Во-первых, как отмечала Т.К. Дандарова, наличие групп интересов не снимает проблему недостаточной компетентности выбора избирателей в ситуации, когда необходимо осознать и сопоставить предложения, артикулированные множеством групп интересов [3]. Во-вторых, целый ряд проблем, которые могли бы стать объектом интереса групп интересов, носят не просто долгосрочный, а скорее «вечный» характер (проблема борьбы за права женщин, экологическая проблема и др.) В-третьих, как известно, парламенты рассматривают множество разнообразных вопросов. Поэтому возникает вопрос, какое «моральное право» имеют группы интересов рассматривать какие-либо вопросы, помимо «своих», на решение которых они получили мандат избирателей. В-четвертых, любая социальная проблема связана и обусловлена другими проблемами. Поэтому партийные программы, по сути дела, представляющие собой «комплексный подход» к решению проблем, в большей мере имеют право на существование.

Однако надо признать, что обозначились и феномены, свидетельствующие о справедливости некоторых выводов Острогорского.

Современные исследователи отмечают актуальность некоторых аспектов тезиса мыслителя о деидеологизации политических партий, констатируя, что партийные идеологии претерпели дальнейшие существенные изменения. В целом сейчас идеологическая составляющая партийной борьбы уменьшилась, и крупные британские партии больше не предлагают альтернативу «коллективизм-индивидуализм», базируясь на признании рыночной экономики [10, с. 299-300].

М.Я. Острогорский констатировал и тенденцию «размельчания партий» [9, с. 273], расколов партийных организаций, приводящих к созданию новых политических структур. В настоящее время в Великобритании на эту тенденцию работают такие феномены как появление идентичностей, вступающих в противоречие с общенациональной, политизация этнических «разломов», усиление сепаратизма (развитие отношений между Шотландией и Уэльсом, с одной стороны, и Англией – с другой, по ольстерскому сценарию), регионализация электората партий, подрыв принципов мультиэтнического и мультикультурного государства [10, с. 298].

Современные исследователи обращают внимание и на тенденцию продвижения к политическому идеалу Острогорского – развитию густой сети «однопроблемных групп» и новых социальных движений. Высказывалось мнение, что эту тенденцию питает феномен, также подмеченный Острогорским – нарастание политической апатии граждан [10, с. 302-303].

Не случайно на Западе время от времени возобновляется дискуссия о возможном закате политических партий в том виде, в каком мы их знали до сих пор [11].

Начиная с 1920-х гг. во многих странах усилилось юридическое регулирование деятельности партий. Одной из его задач является противодействие коррупции, связанной с функционированием этого политического института и подробно освещавшейся на примере США М.Я. Острогорским [12].

Но М.Я. Острогорский, вероятно, был бы сильно удивлен, если бы мог знать, что указанные им феномены и тенденции реализовались с наибольшей полнотой на его родине, в России.

Парадоксальным образом во внутрипартийной жизни КПСС в наиболее отчетливой форме были воспроизведены негативные черты внутрипартийных отношений, указанные Острогорским применительно к США и Великобритании. Есть гипотеза, что издание в СССР в 1927-1930 гг. книги Острогорского «Демократия и политические партии» было инициировано оппозиционными Сталину силами в контексте дискуссии о перерождении партийной элиты и отсутствии внутрипартийной демократии [13]. Редактор издания Е. Капелюш был репрессирован в 1937 г., а имя Острогорского не упоминалось во всех трех изданиях Большой Советской энциклопедии.

Огромными полномочиями по Конституции России наделен президент. Но за последние 34 года все президенты России в период исполнения ими президентских обязанностей были беспартийными:

Сейчас законодательство не запрещает членам Совета Федерации Федерального Собрания России быть членами партий, однако не позволяет опираться на партийность при организации работы верхней палаты. «Совет Федерации формируется и структурируется по непартийному принципу. Члены Совета Федерации не создают фракции и партийные объединения», – говорится в статье 1 закона «О порядке формирования Совета Федерации».

По непартийному принципу формируется и правительство России.

Институт политических партий традиционно занимает последние места в рейтинге уровня доверия к партийным и государственным структурам среди населения.

Однако все эти феномены отражают специфику политического развития России, которая детально не изучалась М.Я. Острогорским.

Подводя итоги, можно констатировать, что, хотя в целом прогноз М.Я. Острогорского о вытеснении института политических партий из политической сферы не подтвердился, в настоящее время имеют место некоторые феномены, свидетельствующие об обоснованности отдельных наблюдений мыслителя. Можно предположить, что политологам целесообразно исследовать вопрос о том, в какой мере причины этого соотносятся с ситуацией конца XIX в., когда создавалась теория политических партий М.Я. Острогорского.

1. Андреев И.В. М.Я. Острогорский: жизнь и труды основоположника современной партологии. – 2-е изд. – М.: МГСУ, 2017. – 288 с.
2. Андреев И.В. Русская либеральная партология: методологические ориентиры и содержание (вторая половина XIX века – 1917 г.). М.: МГСУ, 2014. – 224 с.
3. Дандарова Т.К. Теория демократии М.Я. Острогорского. Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 1995. – 186 с.
4. Quagliariello G. Politics without Parties. Moisei Ostrogorski and the Debate on Political Parties on the Eve of the Twentieth Century. Aldershot etc.: Avebury, 1996. – 248 p.
5. Острогорский М.Я. Исторический очерк французского законодательства о печати // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 6. Д. 991.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 6158.
7. Annales de l'Ecole libre des sciences politiques. 1887. № 3.
8. Ostrogorski M. De l'organisation des partis politiques aux Etats-Unis. P.: Coulomier, 1889. – 100 p.
9. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 640 с.
10. Громько А.А. Модернизация партийной системы Великобритании. М.: «Весь мир», 2007. – 344 с.
11. Gamble A., Wright T. Commentary: Is the party over? // Political Quarterly. 2002. Vol. 73. № 2.
12. Юдин Ю.А. Политические партии и право в современном государстве. М.: «ФОРУМ – ИНФРА-М», 1998. – 288 с.
13. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм. Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.– Берлин: DirectMEDIA, 2015. – 656 с.

Научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№123, Июль 2025

Часть 2

Подписано в печать 25.07.2025. Тираж 400 экз.
Формат.60x84 1/16. Объем уч.-изд. л.8,75
Отпечатано в типографии Научный центр «LJournal»